

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ISSN 2500-0217

ИНСТИТУТ
ПРАВА

Уфимский университет науки и технологий

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

2(72)
2023

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Журнал выпускается с 2005 года

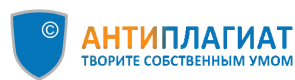
Роль правовых инноваций и экологической экспертизы в обеспечении безопасности обращения с опасными промышленными отходами

Конституция Российской Федерации в системе правового регулирования семейных отношений

Ценностные изменения развития информационного права России

Аномалии правового положения органов дознания

Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПН № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов:

Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

РАЯНОВ
Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

АЗЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, доцент (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

ЮДИН
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

АЗНАГУЛОВА
Гузель Мухаметовна

доктор юридических наук, доцент (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДЬЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСаРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ΦC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.

The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff. Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. RAYANOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

Editorial councilmembers

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilon A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Associate Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Guzel M. AZNAGULOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ****RU**

- 5 **Трофимов В.В.**
Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления
- 14 **Фролова Е.А.**
Правовое государство как философско-теоретическая проблема и способ организации власти

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- 24 **Виноградова Е.В.**
Иерархия системы конституционных ценностей от концепта к конструкту
- 30 **Заславская Н.М.**
Экологический контроль как гарантия эффективности государственного экологического управления в цифровом обществе (на примере государственного экологического контроля (надзора) за обращением с промышленными отходами)
- 38 **Злотникова Т.В.**
Роль правовых инноваций и экологической экспертизы в обеспечении безопасности обращения с опасными промышленными отходами
- 46 **Михайлова Е.В.**
Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту и проблемы их реализации
- 53 **Полякова Т.А., Камалова Г.Г.**
Ценностные изменения развития информационного права России
- 60 **Рабец А.М.**
Конституция Российской Федерации в системе правового регулирования семейных отношений
- 71 **Усманова Р.М.**
Полномочия органов публичной власти по сохранению культурного наследия в России

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 80 **Бахтеев Д.В.**
Информирование в криминалистическом обучении и практике расследования преступлений
- 89 **Востриков Г.А.**
Особенности расследования преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

**THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES****EN**

- 5 **Trofimov V.V.**
The idea of the rule of law in the state and socio-authority dialogue in law-making as a factor in its implementation
- 14 **Frolova E.A.**
The rule-of-law state as a philosophical and theoretical problem and a way of organizing power

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 24 **Vinogradova E.V.**
Hierarchy of the system of constitutional values from concept to construct
- 30 **Zaslavskaya N.M.**
Environmental control as a guarantee of the effectiveness of state environmental administration in the digital society (based on the example of state environmental control (supervision) over industrial waste management)
- 38 **Zlotnikova T.V.**
The role of legal innovations and environmental expertise in ensuring the safety of hazardous industrial waste management
- 46 **Mikhailova E.V.**
Constitutional and legal guarantees of the right to judicial protection and problems of their implementation
- 53 **Polyakova T.A., Kamalova G.G.**
Value changes in the development of information law in Russia
- 60 **Rabets A.M.**
The Constitution of the Russian Federation in the system of legal regulation of family relations
- 71 **Usmanova R.M.**
The powers of public authorities to preserve cultural heritage in Russia

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 80 **Bakhteev D.V.**
Informing in criminalistic training and criminal investigation practices
- 89 **Vostrikov G.A.**
Features of the investigation of criminal offences against the person committed using information and telecommunications networks

- 97 **Дикарев И.С.**
Аномалии правового положения
органов дознания

- 105 **Шадрин В.С.**
Конституционализация российского
уголовного судопроизводства:
понятие, формы, проблемы и значение

Трибуна молодого ученого

- 113 **Бондарев А.В.**
Правовая природа цифровых технологий
в государственном управлении

Рецензии

- 123 **Горелов М.В.**
ОТЗЫВ на диссертацию Карпеевой Екатерины
Вячеславовны «Защита в гражданском
судопроизводстве прав несовершеннолетних,
оставшихся без попечения родителей»

- 97 **Dikarev I.S.**
Anomalies of the legal status of the inquiry bodies

- 105 **Shadrin V.S.**
Constitutionalization of Russian
criminal proceedings: concept,
forms, problems and significance

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

- 113 **Bondarev A.V.**
The legal nature of digital technologies
in public administration

REVIEWS

- 123 **Gorelov M.V.**
REVIEW on the dissertation by Karpeeva
Ekaterina Vyacheslavovna «Protection
of the rights of minors left without
parental care in civil proceedings»

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340; 342
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.1

Original article

ТРОФИМОВ Василий Владиславович
Научно-исследовательский институт
государственно-правовых исследований,
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия;
e-mail: iptgutv@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

TROFIMOV Vasily Vladislavovich
Research Institute of State and Legal Studies,
Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia.

ИДЕЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ГОСУДАРСТВЕ И СОЦИАЛЬНО-ВЛАСТНЫЙ ДИАЛОГ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ПЛОСКОСТИ КАК ФАКТОР ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

THE IDEA OF THE RULE OF LAW IN THE STATE AND SOCIO-AUTHORITY DIALOGUE
IN LAW-MAKING AS A FACTOR IN ITS IMPLEMENTATION

Аннотация. Актуальной задачей остается построение правового государства, провозглашенного в Конституции РФ. Верховенство права (правовое государство) рассматривается сквозь призму установления в государстве институционального диалога между властью и обществом в правотворческой плоскости, что позволит обеспечить разработку и принятие права надлежащего качества, отражающего реальные социальные интересы, а значит, это право будет вызывать доверие. На этой основе будет возможна реальная реализация идеи верховенства права в государстве. Цель исследования заключается в обосновании связи социально-властного диалога и процесса «воцарения» законности и правопорядка в обществе, реального осуществления идеи верховенства права. Методы: историко-правовой, интерпретационный, аналитический, системный, формально-юридический, критической рефлексии, научных обобщений, сопоставительный и др. Результаты: установлена значимость социально-властного диалога в правотворческой плоскости для упрочения и реализации на практике в ходе функционирования государственно-правовой системы идеи (принципа) верховенства права, осуществления провозглашенной в Конституции РФ модели демократического правового государства. Общество, становясь соавтором законов, меняет отношение к этим законам, воспринимая их как продукт совместного творчества государства и общества (правового сотворчества власти и общества), так же как и государство осознает ценность принятых таким образом законов, обеспечивая демократическими правовыми средствами их осуществление в общественной практике.

Abstract. The task of building the rule-of-law state, as proclaimed in the Constitution of the Russian Federation, remains urgent. The rule of law (the rule-of-law state) is viewed in the context of the establishment in the state of an institutional dialogue between the government and society in the law-making plane, which will ensure the development and adoption of law of proper quality, reflecting the real social interests, which means that this law will be credible. On this basis the real implementation of the idea of the rule of law in the state will be possible. The purpose of the study is to substantiate the connection between the socio-authority dialogue and the process of «enthronement» of law and order in society, the real implementation of the idea of the rule of law. Methods: historic-legal, interpretative, analytical, systemic, formal-legal, critical reflection, scientific generalizations, comparative, etc. Results: the article determines the importance of socio-authority dialogue in the law-making plane for the consolidation and implementation in practice of the idea (principle) of the rule of law during the functioning of the state law system, the implementation of the model of a democratic rule-of-law state proclaimed in the Constitution of the Russian Federation. Society, becoming a co-author of laws, changes its attitude to these laws, perceiving them as a product of joint creativity of the state and society (legal co-creation of authority and society), just as the state is aware of the value of laws adopted in this way, ensuring their implementation in public practice by democratic legal means.

Ключевые слова: право, закон, конституционное устройство, верховенство права, правовое государство, демократия, демократическое правление, социально-властный диалог, народ, общество, правовое сотворчество, юридическая доктрина

Для цитирования: Трофимов В.В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления / В.В. Трофимов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 5–13

Keywords: law, statute, constitutional system, rule of law, rule-of-law state, democracy, democratic government, socio-authority dialogue, people, society, legal cooperation, legal doctrine

For citation: Trofimov V.V. The idea of the rule of law in the state and socio-authority dialogue in law-making as a factor in its implementation. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2023, no. 2, pp. 5–13 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.1.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Идея верховенства права, на которую ориентируются многие современные демократические (конституционные) государства (что прямо или косвенно закреплено в основных законах этих стран¹), чтобы воплотиться в реальной политико-правовой жизни, должна пройти путь от абстракции к конкретной форме реализации. Эта идея должна быть познана, осмыслена не только интеллектуальной передовой общественностью (как иногда говорят, элитой общества), но и всем населением страны, войти в правовое сознание каждого из людей в качестве неотъемлемого компонента жизненной стратегии, стать мерилom поступков и действий человека наряду с моральным императивом (как правило, присущим каждому индивидууму). И только в этом случае, пожалуй, сама атмосфера политико-правовой жизни в государстве не позволит допустить какого-либо произвола (нарушений права, его норм и принципов) ни со стороны отдельных граждан, ни тем более со стороны власти как главного адресата того смыслового сигнала (маркера), который заложен в формуле «верховенство права» (господство, правление права (the Rule of Law) – в англосаксонской традиции правопонимания; правовое государство (Rechtsstaat) – в романо-германской политико-правовой традиции). Но чтобы идея верховенства права стала реальностью и проникла в ткань государственно-правовой жизни общества, необходимо процесс формирования такого права (верховенство которого

провозглашается в государстве) строить на основе включения всех участников этой жизни в управление делами государства, в том числе в правосозидательные процессы, прежде всего обеспечивая условия для социально-властного диалога между обществом и властью по определению стратегии и тактики правового развития, что для демократического государства абсолютно естественно, нужна лишь правильная организация искомого диалогового формата. Создаваемое в таком плане право будет иметь внутренние предпосылки для того, чтобы осуществлять не номинальное, а реальное «правление» в государстве.

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА

Как замечает Дж.Н. Мур, ««Верховенство права» собирательно символизирует наиболее важные аспекты демократического правления. Его суть состоит в том, что правительственные решения должны быть основаны на согласии народа и действовать только через структуры и процедуры, разработанные для предупреждения индивидуальных притеснений или государственной тирании, защищающие фундаментальные права и свободы и являющиеся объектом оценки независимыми судами, выносящими приговоры, основанные на законах. Они противостоят решениям, основанным на грубой силе, произвольным указам, политической выгоде или личной прибыли» [1, с. 13–14].

На наш взгляд, в этом собирательном концепте, который ориентирует любое государство на следование в своем функционировании и своей жизнедеятельности идеалам права, можно выделить два аспекта: а) формальный

¹ Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции РФ «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (Российская газета. 1993. № 237).

(предполагающий соответствие политико-правовой деятельности в государстве некоему набору выработанных «требований» концепта «верховенство права», например, следование законодательным императивам и пр.); б) фактический (характеризует то, что именно складывающаяся жизненная государственно-правовая (демократическая) практика обеспечивает реализацию в реальности идеи верховенства права за счет объективно действующих механизмов государственно-правовой жизни).

С формальной точки зрения верховенство права – это система требований (принципов), предъявляемых к системе государственно-политического и правового устройства, признание и выполнение которых на практике символизирует (выражает) наличие отвечающего этой идее климата в стране (государстве). В англоязычной правовой традиции правления права на этой стороне концепции делают акцент Дж. Раз и Л. Фуллер. Они полагают, что государственная власть должна осуществляться в соответствии с законом, а сам закон должен отвечать ряду формальных требований [2, с. 5–6].

Таковыми основными принципами (требованиями), связываемыми с верховенством права (с определенной вариативностью в зависимости от научного контекста или исследовательской парадигмы [об истории идеи правления права и правового государства см. подробнее, например: 2]), являются:

- правительство народа, управляемое народом и существующее для народа;
- разделение властей и принципы взаимосвязи между законодательной, исполнительной и судебной властью;
- представительная демократия, процедурные и существенные ограничения в отношении правительственных действий, направленных против частных лиц (защиты личной свободы и личного достоинства);
- ограниченное правительство и федерализм;
- судебное разбирательство независимой системой судебных органов как центральный механизм проведения конституционных законов в жизнь [1, с. 14].

Таким образом, в общем плане суть этой системы демократического правового правления заключается в том, что правительственные решения, действия государства должны

быть основаны на согласии народа (признании со стороны народа) и осуществляться в соответствии с правовыми правилами, формами и процедурами. Это, собственно, и становится главным залогом того, что ни индивидуальные, ни коллективные права не будут нарушаться и никто из субъектов правового взаимодействия (включая, прежде всего, государство) не станет посягать на «территорию» другого и затрагивать (в негативном плане) ничьи значимые интересы.

Думается, как бы ни было сложно в условиях современных глобальных трансформаций, кризиса мирового устройства, военных конфликтов и прочей турбулентности, право как единая для всех нормативная форма, как способ обеспечения формального равенства и юридической справедливости ни в коем случае не должно сходить с повестки современных цивилизованных государств. Право должно оставаться ярким маяком, нитью Ариадны, чтобы позволять преодолевать все трудности бытия, сохранять веру в человека, его достоинство и ценность для самого мироздания. А для этого все в государстве должно быть посвящено обеспечению правления права (именно права) как силы, объединяющей и уравнивающей всех субъектов социально-правового взаимодействия, включая государство как политическую организацию общества, создаваемую для решения общих и важных для всех граждан вопросов.

При этом если управление в государстве строится именно на демократических принципах, то и сама демократия должна быть «правовой» – опираться на букву и дух закона. Верно в этом смысле замечает В.В. Лапаева: «Конечно, стране, находящейся на крутом переломе своей истории, необходимо сильное государство. Но это должно быть не бюрократически-авторитарное государство, осуществляющее руководство обществом в приказном режиме, а правовое демократическое государство с эффективно функционирующей системой разделения властей, с самостоятельным парламентом, который ищет правовые решения путем справедливого согласования различных социальных интересов, с исполнительной властью, действующей строго в рамках правового законодательства, с независимым судом, который никто не может использовать в качестве орудия борьбы с политическими и экономи-

ческими конкурентами, с наличием реальной (то есть способной прийти к власти) политической оппозиции и т. д.» [3, с. 533–534].

С фактической точки зрения верховенство права – это реальная демократизация политико-правовых процессов, что позволяет, находясь в состоянии свободного (открытого, транспарентного) государственно-правового развития, вырабатывать и воспроизводить политику и право, идущие на благо всему обществу (а не только каким-либо «избранным» его представителям из числа приближенных к власти, крупных дельцов и т. п.); это создание всех необходимых условий в государстве, обеспечивающих привлечение ресурса самого общества к разработке и принятию политико-правовых решений, в том числе привлечение к процессу формирования того права, которое будет отвечать нуждам и чаяниям людей и выражать искомые принципы правового государства. Это так называемая субстанциональная, более широкая версия концепции правления права, в которой при признании необходимыми формальных требований к власти и закону все же упор старались делать непосредственно на содержании принимаемых политико-правовых решений, которые должны уважать права и свободы человека и гражданина, быть справедливыми и отвечать интересам общества в целом и каждого его представителя (гражданина) в отдельности. К числу сторонников такого направления концепции верховенства права можно отнести Дж. Роулса, Дж. Финниса, Р. Дворкина, Ф.А. Хайека, из числа отечественных правоведов таких взглядов на проблему верховенства права придерживается, как пишет сам о своей позиции ученый, И.Ю. Козлихин [2, с. 6].

Придерживаясь в этой части скорее все же синтетического подхода (строящегося на разумном сочетании формального и фактического аспектов концепта верховенства права), можно высказать утверждение, что никакие формальные требования не смогут обеспечить истинно правовой порядок в государстве, если само право не будет отвечать необходимым содержательным характеристикам (не будет впитывать в себя идеи справедливости, равенства (прежде всего, формального), разумности, выражать значимые интересы людей и пр.). Но такое право невозможно создавать вне основной массы людей (населения) в государстве. Именно с участием обще-

ства может сформироваться право («разумное право»), идею верховенства которого стоит поддерживать², поскольку *править* способно лишь то право, которое признает интересы личности и общества, выражает в своей основе идеалы справедливости, разума, равенства (формального (по форме)), обеспечивает свободу во всех ее цивилизованных формах (не затрагивающую свободу других)³.

Для того чтобы в государстве создавалось такое (изначально социально легитимное) право, оно должно создаваться в рамках всех необходимых демократических процедур с привлечением к этой работе общества. В конечном итоге сама власть должна быть заинтересована в том, чтобы развивать контакт (диалог) с обществом в правотворческой плоскости. Социально-властный диалог в сфере правового творчества есть, без сомнения, базовый ресурс для принятия верных политико-правовых решений. Это можно считать самым оптимальным способом своевременного реагирования на возникающие в обществе проблемы и, соответственно, поиска конструктивных решений с целью их преодоления посредством права (закона).

В ином случае государство каждый раз будет сталкиваться с ситуацией, когда законы формально приняты и якобы действуют, но по сути их эффект является минимальным или даже становится обратным тем ожиданиям, с которыми было связано их принятие. В этом плане справедливы соображения Л.Г. Коноваловой, которая, отмечая присущие современной российской правовой системе недостатки в части реализации на практике идеалов верховенства (бессистемность и противоречивость законодательства, правовой нигилизм и пр.), констатирует, что «проблемы в реализации верховенства закона нужно в первую очередь искать в правовых конструкциях самого

² Дж. Раз, разработчик инструментальной концепции правления права, выделял в этой концепции такой аспект, который был обращен собственно к праву: закон должен обладать такими качествами, чтобы управление людьми могло строиться на основе закона, а люди были бы в состоянии ему подчиняться [4].

³ Думается, неслучайно в своей статье С. Нарышкин, ссылаясь на мнение Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, отметил низкое качество законов как фактор деформации права. Однако именно право призвано играть решающую роль в удержании системных начал государства (Нарышкин С.Е. Принимать ценность законов ни в коем случае нельзя // Российская газета. 2013. № 6230 (254)).

закона» [5, с. 69]. Правда, в попытках найти возможные решения «конструктивных» изъянов современных российских законов автор скорее выступает как критик известных предложений по совершенствованию правотворчества (высказывая, например, скептическое отношение к идее принятия так называемого «закона о законах» и пр.) [5, с. 72].

Действительно, однозначных решений для имеющихся в этой области проблем, наверное, не существует. Вместе с тем имеет смысл прорабатывать отдельные шаги в этом направлении, что в комплексе рано или поздно должно привести к необходимому эффекту. В частности, Л.Г. Коновалова справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на важность формата «дискурса» в правотворческой сфере [5, с. 74], который может быть самым разнообразным (между парламентариями, между парламентариями и учеными, между властью и обществом в целом и т. п.), но главное то, что в ходе него и по результатам дискурсивных практик могут «вызреть» правильные решения.

СОЦИАЛЬНО-ВЛАСТНЫЙ ДИАЛОГ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ПЛОСКОСТИ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Если говорить комплексно о правотворчестве и правовой политике, то одной из главных проблем при их проведении, на наш взгляд, является именно недостаточная степень диалоговой взаимосвязи институтов государства и институтов гражданского общества в области выстраивания тактики и стратегии правовых преобразований. Формально это, может быть, и имеет место, но по факту до реального диалога власти и общества в правотворческой плоскости пока, конечно, еще далеко. Вместе с тем отсутствие полноценного диалога между обществом и государством приводит к принятию, с одной стороны, излишне конъюнктурных, «скорох» решений, не всегда отвечающих общественным запросам, поспешных и не соответствующих интересам общества, с другой стороны, к непринятию тех правовых решений, которые востребованы и насущны с точки зрения актуальных социальных потребностей и интересов (в области социальной политики, участия населения в управлении публичными делами, по вопросам образования

и здравоохранения, развития жилищно-коммунального хозяйства, безопасности граждан и пр.). Такой диалог (с претензией на правовое сотворчество [6; 7]) крайне важен и необходим, никаких других способов решать общественные проблемы в рамках республиканской формы правления никто еще не придумал и вряд ли что-то может быть предложено в качестве соразмерной альтернативы. Именно в таких параметрах функционирования политико-правовой системы могут быть найдены и определены согласованные координаты ее развития.

В современных условиях глобальных трансформаций, конфликтной социальной среды особенно важно иметь понимание того, что государство и общество не оппоненты, а прежде всего партнеры, совместно решающие (способные решать) общие задачи. В противном случае в государственной и социальной системах могут начаться процессы разлада, дезорганизации или энтропии, что может привести к разрушению общего культурного основания соответствующей дуальности «государство – общество». Подобные риски могут быть минимизированы активизацией процессов взаимопроникновения, что возможно лишь через активный диалог между полюсами, рассматриваемый как альтернатива монологической форме взаимоотношений власти с обществом. В литературе справедливо отмечается, что если процесс монологизации «зашкаливает», то творческий потенциал страны, жизненные силы общества подрываются, снижается эффективность принимаемых решений на всех уровнях. И это очевидно, так как при отсутствии обратной связи не находится понимание того, какое решение будет востребованным, правильным. У публичной власти как субъекта принятия политико-правовых решений не будет четких ориентиров для выработки и внедрения этих решений в практическую плоскость, а если это будет так, то за этим последует очередной виток и недоверия, и нигилистического отношения к элементам политико-правовой системы государства. Вряд ли в этом кто-то из участников государственно-правовой жизни может быть заинтересован, тем более властные субъекты. «Монологическая власть не может быть конструктивна по определению, так как она слепа в результате слабости обратной связи, не-

способности устойчиво вовлекать значимую часть общества в масштабные качественные изменения» [8, с. 67–68].

Подобный диалог власти и общества в формате правотворческой практики можно с уверенностью рассматривать в качестве одного из существенных факторов, способных повлиять на внутреннюю стабильность современной общественной системы и устойчивость развития государства в современном мире. Достижение подобного состояния в существенной мере зависит от эффективности создаваемого в государстве права, которое не может рассматриваться исключительно как продукт деятельности государственных структур, а должно характеризоваться как продукт совместных действий публично-властных и неформальных социальных структур. Будучи представленным лишь в качестве производной величины от деятельности государственного аппарата, оно утрачивает связь с социальной жизнью и потому «отрывается» от реально существующих в ней проблем, требующих решения, и в этом виде становится неэффективным. Поэтому необходимо создавать механизмы эффективного взаимодействия государства (муниципального управления) и гражданского общества на платформе согласованного принятия правотворческих решений. Это позволит актуализировать правовой контекст в государстве, своевременно вскрывать те общественные проблемы, которые нуждаются в государственно-правовых мерах. На этой основе усилится возможность адекватно и оперативно отвечать на различные социальные (глобальные) вызовы современности и в чем-то действовать на опережение. Соответственно, на уровне политико-правовой доктрины требуется выработать компетентный подход к построению и совершенствованию алгоритма взаимодействия (коммуникации) государства и гражданского общества в области государственно-правового строительства, обоснованию существующих политических и правовых ресурсов в этой сфере, а также разработке новых коммуникативных механизмов, которые позволяют гражданам действительно становиться «соавторами» законов и быть ответственными за все, что осуществляется в социальной (социально-политической и правовой) действительности. Как отметил в свое время в интервью изданию

«Российская газета» в рубрике «Юридическая неделя» председатель Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству, член президиума Ассоциации юристов России В. Плигин, «общество, с моей точки зрения, обязано, и мы должны для этого предпринимать усилия, становиться соавтором законов. Если общество станет соавтором законов, это обеспечит общее признание этих законов, т. е. легитимизирует закон, сделает его восприимчивым. Поэтому общество должно находить разного рода механизмы участия в этом – проводить обсуждение на разного рода форумах, экспертных советах»⁴.

Связь государства с обществом в процессе определения тактики и стратегии современного правотворчества – это дополнительная гарантия того, что в процессе его осуществления необходимые социальные правообразующие факторы найдут свое отражение, будут максимально полно учтены и согласованы интересы всех и каждого, а принимаемые государственно-правовые решения будут отличаться качеством, общественной значимостью и эффективностью.

В этом алгоритме будет выражаться механизм перевода факта изначальной социальной обусловленности правотворческого процесса в плоскость реального учета социальных факторов в правотворческой практике, поскольку «диалог» («дискурс») и есть тот канал перехода от социальных предпосылок, интересов, притязаний в форму конкретных решений, где все это, так или иначе, получит отражение. Такая практика, безусловно, повысит уровень обоснованности (а вместе с этим и научной обоснованности) нормативно-правовых актов, а значит, станет предпосылкой их последующей эффективности.

Социальные субъекты, участвующие в правотворческом диалоге, выступают в качестве своего рода антенн и ретрансляторов, воспринимающих сигналы социальной и государственно-правовой жизни и ретранслирующих их в государственно-правовые формы. Социальные субъекты могут не обладать формализованной правотворческой компетенцией, а могут непосредственно обладать ею (например, закрепленное в законодательстве право непо-

⁴ Плигин В.Н. Общество должно становиться соавтором законов // Российская газета. (Неделя). 2014. № 6325.

средственной правотворческой инициативы), входя в структуру публичной власти и выполняя в том числе правотворческие функции.

Как известно, властные сферы нередко ограждаются «стенами» официальных протоколов и пр., искажающими сигналы социально-правовой жизни и препятствующими правильному восприятию, учету и воспроизведению юридически значимых социальных интересов в правовых нормах и установленных публично-властными субъектами моделях социально-правового взаимодействия. Чтобы минимизировать подобные следствия, в конституционном (демократическом) государстве выработаны все необходимые демократические механизмы влияния (прямого или опосредованного) на публичную власть и принимаемые правотворческие решения.

Демократические институты являются каналами-посредниками, по которым до властных уровней могут доходить представления общества о желаемом праве – праве, которое по меньшей мере не будет игнорировать их интересы и не будет ухудшать существовавшее ранее положение. Такие демократические институты позволяют противостоять проявляемому порой в нынешней политико-правовой практике экстремному правотворчеству и другим его негативным проявлениям⁵. Таково основное свойство народного представительства, способного выразить в праве насущные потребности общества. Б.Н. Чичерин по этому поводу справедливо замечал: «Никто не станет отрицать, как общее начало, что законодательство, имеющее живую связь с народом, заключает в себе гораздо более залогов силы, нежели законодательство, составленное бюрократическим путем» [9, с. 105].

Власть не может не быть заинтересована в том, чтобы активно взаимодействовать с об-

ществом на предмет перспектив политического и правового развития, чтобы четко видеть возникающие в обществе проблемы и запросы, правильно идентифицировать и дифференцировать их, а в случае необходимости подвергать соответствующей юридической регламентации. В таком подходе, по нашему мнению, заключается одна из главных предпосылок эффективности функционирования государственной власти.

Немалая роль в части повышения эффективности функционирования власти, повышения качества принимаемых законов может быть отведена и научному сообществу (как наиболее образованной части общества), о чем в той или иной форме говорит сама доктрина права, способная привнести свой вклад в построение, развитие и совершенствование государственно-правового механизма управления [10].

Во многом для решения этой задачи в 2014 г. создан Научный совет по правотворчеству при Председателе Государственной Думы – постоянно действующий консультативный орган по вопросам, связанным с экспертным сопровождением законотворческого процесса в Государственной Думе и совершенствованием законодательства Российской Федерации (ч. 6 ст. 11 Регламента Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации⁶). Данный совет создан по инициативе С. Нарышкина (спикера Государственной Думы) в развитие положения ст. 2 Федерального закона «О Российской академии наук», определяющей в числе целей академии «экспертное научное обеспечение деятельности органов государственной власти»⁷. С этой же целью действует Научно-экспертный совет при Председателе Совета Федерации⁸.

6 О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 28.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7, ст. 801.

7 О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 39, ст. 4883.

8 Положение о Научно-экспертном совете при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: утв. распоряжением Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ 19.04.2021 № 40рп-СФ [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/structure/docs/25437/> (дата обращения: 05.05.2023).

5 В Отчете Госдумы о состоянии российского законодательства за 2014 г. (приводится в пример отчет этого года как достаточно характерный для отражения ситуации с законодательством последних двух десятилетий), в частности, отмечаются такие характеристики, как избыточность нормативного вмешательства, противоречивость правового регулирования, нерешенность проблемы комплексного подхода при внесении изменений в действующее законодательство в так называемом пакетном режиме, наличие ускоренного режима рассмотрения внесенных законопроектов, направленных на решение тактических задач (Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году / отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. М., 2014. С. 4–5).

Как известно, принимаемые правотворческие решения нередко не получают поддержки в обществе, к тому же часто меняются, что говорит об их ненадлежащей научной обоснованности, оторванности от общественных потребностей. Для того чтобы преодолеть или не допустить разрыва власти и общества, должны заработать соответствующие демократические механизмы в процессах формирования права. Думается, данное наше утверждение верно. Это, соответственно, предполагает развитие правовых форм властно-социального диалога, таких как демократические выборы, референдум, публичные слушания проектов нормативных актов, институт лоббизма, народная правотворческая инициатива, формы электронной демократии и некоторые другие. Все они способны обеспечить связь государства с социальными структурами, позволить осмыслить пределы возможностей государственной власти в создании эффективных правовых институтов и конструкций и оценить конструктивность правообразующей энергии общества. Это в конечном итоге будет способствовать реализации идеи верховенства права, поскольку за этим правом будет стоять сам народ, который, как говорил Аристотель, при демократии является «верховным правителем» [11, с. 455].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема сбалансированного и стабильного социально-политического развития – это во многом проблема качества принимаемых правовых решений нормативного характера. Отсюда одним из ключевых факторов, определяющих положительную социально-политическую динамику, является фактор коммуникации власти и общества по спектру политических и правовых проблем, требующих согласованных и адекватных управленческих и правотворческих решений. В ситуации довольно сложной внешнеполитической и экономической конъюнктуры, которая складывается на современном этапе развития мировой и государственно-национальных систем, для международных инстанций и суверенных государств установление такого диалога является крайне необходимым, а разработка эффективных механизмов взаимодействия государства и гражданского общества на платформе создания права (или, как мы предлагаем более уверенно говорить, в рамках правового сотворчества [12; 13]) – востребованной. Современная юридическая доктрина своими разработками должна активно способствовать установлению такого социально-властного диалога.

Список источников

1. Мур Дж.Н. Верховенство права: обзор / Дж.Н. Мур // Верховенство права : сборник : пер. с англ. – Москва, 1992. – С. 10–52.
2. Козлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 152 с.
3. Лапаева В.В. Типы правовопонимания: правовая теория и практика : монография / В.В. Лапаева. – Москва : РАП, 2012. – 580 с.
4. Raz J. The Rule of Law and Its Virtue // The Rule of Law and the Separation of Powers / J. Raz ; ed. by R. Bellamy. – London : Routledge, 2005. – 18 p.
5. Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации / Л.Г. Коновалова // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 67–80.
6. Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) / В.В. Трофимов // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 73–82.
7. Трофимов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе / В.В. Трофимов, В.В. Свиридов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 106–114.

References

1. Moore J. The rule of law. *The rule of law*. Moscow, 1992, pp. 10–52. (In Russian).
2. Kozlikhin I.Yu. The idea of the rule-of-law state: history and modernity. St. Petersburg University Publ., 1993. 152 p.
3. Lapaeva V.V. Types of legal understanding. Russian Academy of Justice Publ., 2012. 580 p.
4. Raz J.; The Rule of Law and Its Virtue. *Bellamy R. (ed.). The Rule of Law and the Separation of Powers*. London, Routledge Publ., 2005. 18 p.
5. Konovalova L. Problems of implementing the rule of law in the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 10, pp. 67–80. (In Russian).
6. Trofimov V.V. Interaction of civil society and public authority through collaborative lawmaking as a social instrument of leveling and stabilizing the state legal development (introduction to the problem). *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2018, no. 1, pp. 73–82. (In Russian).
7. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation: concept definition and role in the Russian law-making. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2018, no. 4, pp. 106–114. (In Russian).

8. Ахиезер А.С. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) / А.С. Ахиезер, М.А. Шуровский // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 67–68.
9. Чичерин Б.Н. Русское дворянство / Б.Н. Чичерин // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. – Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. – С. 89–137.
10. Поленина С.В. Наука и законодательство / С.В. Поленина // Теория права: новые идеи. Вып. 1. – Москва, 1991. – С. 133–140.
11. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Соч. : в 4 т. / общ. ред. А.И. Доватура. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–644.
12. Трофимов В.В. Правовое сотворчество власти и общества как пример позитивно-креативной социально-властной коммуникации / В.В. Трофимов, В.Ю. Самородов // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 203–208.
13. Трофимов В.В. Правовое сотворчество как перспективное направление развития российской правотворческой политики: постановка проблемы / В.В. Трофимов, В.В. Свиридов // Правотворческая политика : ежегодник. – 2018. – № 6. – С. 58–66.
8. Akhiezer A.S., Shurovsky M.A. From dialogue to dialogization (in the light of V. Bibler's concept). *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2005, no. 3, pp. 67–68. (In Russian).
9. Chicherin B.N. Russian nobility. *Chicherin B.N. A few contemporary questions*. Moscow, 2002. pp. 89–137. (In Russian).
10. Polenina S.V. Science and legislation. *Theory of Law: New Ideas*. Moscow, 1991, iss. 1, pp. 133–140. (In Russian).
11. Aristotle. Works. Moscow, Mysl', 1983. Vol. 4. 830 p.
12. Trofimov V.V., Samorodov V.Yu. Legal co-creation of power and society as an example of positive and creative social and power communication. *Legal communication of the state and society: national and foreign experience. Collection of proceedings of the international scientific conference (Voronezh, September 11–12, 2020)*. Voronezh, SCIENCE-UNIPRESS Publ., 2020, pp. 203–208. (In Russian).
13. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation as a promising direction in the development of Russian law-making policy: problem statement. *Law-Making Policy. Yearbook*, 2018, no. 6, pp. 58–66. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимов Василий Владиславович – доктор юридических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Trofimov Vasily Vladislavovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Institute of State and Legal Studies, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 02.06.2023; принята к публикации 02.06.2023. The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 02.06.2023; accepted for publication 02.06.2023.

ФРОЛОВА Елизавета Александровна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: theory.law.msu@gmail.com;
https://orcid.org/0000-0002-3486-4865

FROLOVA Elizaveta Alexandrovna
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ

THE RULE-OF-LAW STATE AS A PHILOSOPHICAL AND THEORETICAL PROBLEM
AND A WAY OF ORGANIZING POWER

Аннотация. Актуальной задачей фундаментальной юриспруденции является анализ содержания и социального назначения идеи правового государства. На основе анализа мировой политико-правовой мысли раскрываются смысл этой идеи и философско-теоретические проблемы данного феномена. Цель: теоретико-правовой и историко-политический анализ понимания и назначения концепции правового государства. Методы: эмпирические методы описания, сравнения, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование показало многогранность феномена правового государства. Отдельной проблемой, характеризующей правовое государство, является теоретический и практический вопрос ограничения (самоограничения) государства правом, что не может быть предметом анализа теории юридического позитивизма, а требует обращения к метаюридическим концептам. Показано, что правовое государство может оцениваться не только в качестве идеального типа государства, но и как реальный способ организации государства при наличии механизма разделения властей, института прав человека и предсказуемости действий государственной власти.

Ключевые слова: российское государство, теоретико-правовая наука, правовое государство, права человека, разделение властей

Для цитирования: Фролова Е.А. Правовое государство как философско-теоретическая проблема и способ организации власти / Е.А. Фролова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 14–23.

Abstract. The actual task of fundamental jurisprudence is to analyze the content and social purpose of the idea of the rule-of-law state. Based on the analysis of world political and legal thought, the article reveals the meaning of this idea and philosophical and theoretical problems of this phenomenon. Purpose: to carry out a theoretical-legal and historical-political analysis of the understanding and purpose of the concept of the rule-of-law state. Methods: empirical methods of description, comparison, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study shows the multifaceted phenomenon of the rule-of-law state. A separate problem characterizing the rule-of-law state is the theoretical and practical issue of limitation (self-limitation) of the state by law, which cannot be the subject of an analysis by the theory of legal positivism, but requires an appeal to meta-legal concepts. It is shown that the rule-of-law state can be assessed not only as an ideal type of state, but also as a real way of organizing the state in the presence of the mechanism of separation of powers, the institution of human rights and predictability of state power.

Keywords: Russian state, theoretical and legal science, rule-of-law state, human rights, separation of powers

For citation: Frolova E.A. The rule-of-law state as a philosophical and theoretical problem and a way of organizing power. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 14–23 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.2.

ВВЕДЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

На тему правового государства написано очень много, причем авторы придерживаются разных методологических и аксиологических точек зрения: одни призывают искать его истоки в трудах античных авторов, другие – в построениях будущего, третьи считают, что такое государство можно рассматривать только в качестве идеала, который не может существовать в действительности. Хорошо известна теория Г. Кельзена, утверждавшего, что любое государство является правовым, поскольку деятельность каждого государства оформляется правовыми предписаниями. Однако ни одно государство не может стать на все 100 процентов правовым уже хотя бы потому, что ни одно социальное явление не осуществляется с математической точностью в действительности. Поэтому во многом тема правового государства – это философско-политическая проблема.

Вместе с тем многие авторы сходятся во мнении, что правовое государство означает государство, основанное на праве и законе, ставящее своей целью защиту прав и свобод человека. Иными словами, правовое государство есть государство, ограниченное правом, государство законности и правового порядка. Его сущность состоит в том, что оно охраняет правовой порядок, обеспечивающий свободу и равенство всех членов общества, не навязывая при этом обязательных представлений об общем благе и средствах его достижения.

Термин «правовое государство» (Rechtsstaat) ввел в научный оборот Р. фон Моль в 30-х годах XIX в. (в работе «Наука полиции в соответствии с принципами правового государства»). В англосаксонской правовой системе в качестве аналога используется термин «правление права» (the Rule of Law). Между тем идеи «государство есть добро», «государство есть справедливость» появились в глубокой древности. Уже в диалогах Платона и «Политике» Аристотеля одним из критериев правильности государств признается соблюдение ими законов; по Цицерону, важнейшим свойством справедливости считается формальное равенство граждан перед законом. Сочинения Г. Гроция, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Лилльберна, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Т. Джефферсона, Дж. Мэдисона, Б. Констанна, В. Гумбольдта, А. Токвиля, Л. Штейна ле-

гли в основу разработки понятия правового государства.

Теоретическое обоснование идея правового государства получила в период буржуазных революций, когда капиталистические отношения хозяйствования потребовали создания единого национального рынка и стабильного правопорядка. На смену сословно-феодальному праву должно было прийти право гражданского общества, основные требования которого – свобода и формальное равенство (равенство перед законом) всех членов общества. Становление институтов гражданского общества дало возможность теоретически осмыслить проблему политического отчуждения (между верховной властью и народом) и создало предпосылки для его отмены.

В Новое время появляются общенациональные представительные учреждения парламентского типа, обладающие правами утверждения налогов и сборов, поступающих в казну государства, и принятия законов. Притязания этих учреждений на участие в государственной деятельности от имени народа встречали сопротивление со стороны абсолютных монархов и приводили к революциям [1, с. 553–556]. Таким образом, теория правового государства была направлена против бесправного положения податного сословия в условиях абсолютизма и (в периоды революций и контрреволюций конца XVIII – начала XIX в.) незащищенности личности от произвола верховной власти.

В России идеи правового государства начинают разрабатываться с конца XVIII в. в русле теории естественного права. Так, А.П. Куницын обосновывал неотъемлемые права человека и правовые начала в деятельности государства. Значимый интерес теория правового государства вызвала в среде либеральных юристов и философов в середине – конце XIX в. (И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой и др.). Они утверждали, что государство призвано охранять индивидуальную свободу и не вправе вторгаться в дела других социальных союзов (Б.Н. Чичерин). Только в том случае, если государство сделает своим принципом идею права, общество способно решать нравственные задачи, включая обеспечение права на достойное человеческое существование (Вл. Соловьев, П.И. Новгородцев). Согласно социологической концепции М.М. Ковалевского государство возникает из

факта общественной солидарности и потому не может рассматриваться как источник права. По мнению Н.М. Коркунова, поскольку власть основана на сознании зависимости подвластных, государство связано требованиями массового правосознания.

В советское время нашей истории теория правового государства считалась разновидностью буржуазных концепций права и государства и оценивалась в основном критически, поскольку противоречила классовым установкам марксистской идеологии (согласно теории правового государства, публичная власть носит внеклассовый характер и обеспечивает интересы всех членов общества). В постсоветский период концепция правового государства стала официально признанной доктриной, закрепленной Конституцией РФ 1993 г.

ПРИЗНАКИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Правовое государство представляет собой не только регулятивную идею, в соответствии с которой выстраивается «государство справедливости», но и реальный механизм и состояние государственной власти. В этом смысле правовому государству присущи определенные признаки, отличающие его, например, от полицейского или какого-либо другого типа государства. К таким признакам относятся: признание прав и свобод человека как границы деятельности государственной власти, верховенство права и закона, механизм разделения властей в виде системы сдержек и противовесов.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Главная задача и отличительная черта правового государства – защита прав и интересов общества и человека. Теория прав человека имеет многовековую историю, начиная с античного мира. Согласно римскому юристу Ульпиану естественное право распространялось как на людей, так и на животных. Несмотря на то что для периода Средних веков тема прав человека не была характерна, христианские богословы заложили этико-правовые основы понимания прав и свобод человека.

Во времена Английской революции Дж. Мильтон и Дж. Лилберн выступили с идеей прирожденных прав человека (свобода слова, совести, печати, петиций, частной

собственности, равенстве перед законом и судом и др.). На концептуальном уровне права и свободы человека были разработаны английским философом Дж. Локком, обосновавшим триаду неотчуждаемых прав: свобода, равенство, собственность. Естественные права, по его мнению, принадлежат индивиду уже в естественном (догосударственном) состоянии, однако они недостаточно обеспечены из-за отсутствия их четких критериев и беспристрастного общего для всех суда. Поэтому для гарантированности своих прав и свобод люди заключают общественный договор и вступают в политическое состояние, которое с этого момента является гарантом их прав и свобод. Век спустя в Декларации независимости США (1776), Билле о правах (1789–1791) неотчуждаемые права человека получили формальное закрепление.

Период Великой французской революции – важный этап в развитии и юридическом закреплении института прав человека. В Декларации прав человека и гражданина (1789), на положения которой повлияли политические идеи Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, утверждается:

1) люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться только на соображениях общественной пользы;

2) цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковыми являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Вехой в истории прав человека справедливо считается принятие комплекса юридических документов, к которым относятся: Устав Организации Объединенных Наций (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Международный пакт об экономических, социальных и политических правах (1966), Декларация прав ребенка (1959), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979).

В середине 70-х годов XX в. директор Департамента ЮНЕСКО по правам человека и мира К. Васак предложил классификацию прав человека в виде концепции «поколений». Понятие «поколение прав человека», как отмечается в современной юридической литературе [2, с. 608], отражает не только момент нормативного закрепления прав и свобод,

но и определяет конкретную группу общественных отношений, в которых права и свободы воплощаются. К правам первого поколения относятся личные гражданские и политические права (на жизнь, свободу и физическую безопасность личности, свободу мысли, совести и вероисповедания, равенство перед законом и судом, свободу от необоснованного ареста, задержания или наказания и др.). Права второго поколения образуют социальные, экономические и культурные права (на труд, социальное обеспечение, отдых и досуг, на образование и др.). Третье поколение прав человека объединяет в себе коллективные (социальные) права (на здоровую окружающую среду, на мир, на развитие и др.). В настоящее время, с развитием информационных технологий, возникла необходимость заявить о четвертом поколении прав человека, включающем право на глобальные коммуникационные связи, создание внегосударственного интернет-сообщества и др.

В действующей Конституции РФ с учетом поправок 2020 г. закреплён опыт конституционного строительства. Текст Основного закона является значительным достижением развития российской государственности в эволюции прав и свобод человека и гражданина, в нем утверждается: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17). Согласно ч. 1, 2. ст. 21 Конституции РФ «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Конституция РФ закрепляет правовые гарантии соблюдения прав человека. Согласно ст. 53 «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц»; в ч. 2. ст. 55 закреплено: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Кроме этого, установлен закрытый перечень оснований для ограничений прав и свобод человека в нашем государстве. Важное правило закреплено в ст. 18 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими.

Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Данная норма крайне важна и как гарантия соблюдения в нашей стране прав человека, и как ориентир для признания и дальнейшего развития механизма прямого действия конституционных актов, что соответствует природе правового государства.

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И ЗАКОНА. ОГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Государство – это централизованная система лиц, наделенных властными полномочиями, владеющая монополией принуждения и правом принятия общеобязательных решений. Оно обладает мощной силой, во многом превосходящей любую другую власть в обществе. Идея ограничения деятельности государства правом нацелена на установление пределов всемогущества верховной власти. Хорошо известно, что корпоративные интересы государственных служащих не всегда и не во всем совпадают с интересами членов общества, что показал еще Ж.-Ж. Руссо в своем знаменитом трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762), четко разграничив, с одной стороны, волю и интересы должностного лица, с другой стороны, волю и интересы гражданина. Конечно, ни одно общество не может обойтись без системы публичных служб, образующих государство, но в истории существовали (и продолжают существовать) общества, поработанные государством. Таковы были восточные деспотии и тоталитарные общества, в которых государство рассматривалось как цель, а индивид – как средство [3; 4; 5]. Стремление государства противопоставить себя обществу, навязав свою волю, породило проблему политического отчуждения (между верховной властью и народом) и необходимость ее разрешения.

Политическое отчуждение представляет собой процесс и результат превращения государства в нечто независимое от общества и довлеющее над ним. Один из способов преодоления политического отчуждения – подчинение государства праву, призванному обеспечить предсказуемость действий государственной власти, гарантировав стабильный правопорядок [6, с. 112–129; 7; 8]. От государственной власти зависит эффективность,

целесообразность, авторитетность предписаний права, определяющих правопорядок в обществе. Вместе с тем во все исторические периоды возможность издания верховной властью так называемых «незаконных законов» создает острую политико-правовую проблему. При таком правопорядке человек не может быть свободным – он становится зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека (и от государства). Основная опасность для личности здесь заключается в ничем не сдержанном самовластии лиц, облеченных верховной властью.

В исторической ретроспективе возможность произвола верховной власти по отношению к праву возрастает по мере того, как главным источником права становятся нормативные правовые акты, принимаемые уполномоченными государственными органами. Произвольные решения должностных лиц, противоречащие действующим правовым предписаниям (решения о дополнительных сборах, возложении на всех или часть лиц обязанностей, не предусмотренных действующими нормами права, и др.), выходят за пределы права и наносят существенный урон правовому порядку. Проблема соотношения права и деятельности должностных лиц, олицетворяющих собой государственную деятельность, – это во многом проблема законности и государственной дисциплины.

Философами и юристами была поставлена задача устроить государство таким образом, чтобы оно стало правовым. Однако эта задача крайне сложна как в теоретическом плане, так и в практическом осуществлении. Так, одной из гарантий разумности и справедливости общества признается необходимость правления в нем «законов, а не персон». Но законы бывают разные, и далеко не все из них имеют цель обеспечить права и свободы человека. «Законы» Платона, «Кодекс природы» Э.-Г. Морелли, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Путешествие в Икарию» Э. Кабе – всемирно известные труды, демонстрирующие всестороннюю регламентацию жизни человека с помощью закона. Несмотря на обилие законов, состояние такого общества не имеет ничего общего с правовым государством, а напротив, свидетельствует о сословном/казарменном/тоталитарном режиме, в котором любой закон, принятый верховной властью, считается обязательным и не нарушает «законность». Кроме этого, важно

отметить, что для того, чтобы действительно быть, а не только провозглашаться правовым, государству необходимо иметь, помимо способа организации государственной власти, еще и соответствующее состояние на всех уровнях этой иерархической лестницы. Государство состоит из множества лиц и учреждений, облеченных властными полномочиями, и на каждом уровне решения должны быть законны и справедливы, а лица, их выносящие, – компетентны.

В доктринальном плане необходимо понимать, что вопрос связанности государства правом не может быть разрешен в рамках теории юридического позитивизма, с точки зрения которой государство само себе ничего предписать не может. Данная проблема может быть положительно решена только с помощью метаюридических понятий (справедливость, добрые нравы, общее благо), лежащих вне положительного права, а их основание и границы необходимо искать в философско-правовых принципах. С этих позиций связанность государства нормами действующего права заключается в том, что государство не может (не должно) изменять правовые предписания произвольно. Государство не вправе нарушать неотъемлемые права личности. Его вмешательство в частную сферу жизни человека должно быть четко определено законом, за пределы которого оно не должно вторгаться. Государство не вправе налагать наказания за действия, не предусмотренные уголовным законодательством в качестве преступления. Формальная определенность действий государства – важный атрибут принципа законности, о чем писал еще Г. Гегель: «Суды, воины не только имеют право убивать людей, но это их долг, однако при этом точно определено, по отношению к какого типа людям и при каких обстоятельствах это дозволено и является долгом» [4, с. 189].

Разные решения вопроса связанности государства правом можно свести к основным: во-первых, теории самоограничения государства (Р. Иеринг). Согласно этому подходу, право является «хорошо понимаемой политической силой» и благоразумие властвующих лиц принуждает их к самоограничению. Во-вторых, теории ограничения государства правом. Представители этого подхода (Г. Еллинек, Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк и др.) утверждали, что государство сдерживает свои интересы в созданных им самим рамках, поскольку

нарушению этих границ мешает право. Вместе с тем эти подходы не решают принципиально значимые вопросы: если ограничение деятельности власти имеет правовой характер, то где найти эту высшую волю (источник), которая была бы обязательна для воли государства? если государство самостоятельно устанавливает границы своей деятельности, то что может ему помешать переставить их с учетом своих интересов и (или) изменившихся внешних обстоятельств?

Ответы на эти вопросы дает нам история и государственная практика. Действительно, в жизни государства фактические отношения нередко предшествуют нормам: в периоды переворотов и социальных революций, при которых государственный порядок является вначале чисто фактической силой, получающей правовой характер только после того, как она будет рационализирована в умах людей. Право самостоятельно не способно разрешать существенные столкновения в пределах государства. «Сила всегда идет впереди права», – писал Г. Еллинек. Процесс превращения фактических отношений в правовые у каждого народа различен, однако в любом случае в конечном итоге требуется правовое признание политического факта. Логически следует признать, что право должно быть создано или допущено государством [9, с. 360–361]. Исторически нормы (например, в области семейных отношений) могут предшествовать государству, но правовыми предписаниями они становятся только с того момента, когда государство обеспечивает их исполнение.

Государственный порядок есть постоянный компромисс между различными силами в обществе, обусловленный интенсивностью социальных интересов. Это объясняет, почему именно те или иные интересы лежат в основании права: право – это равнодействующая двух сил, из которых одна имеет своим источником интересы властных лиц, а другая – интересы подвластных. О различении фактической и юридической конституции писали Ф. Лассаль, Г. Еллинек, Г.Ф. Шершеневич; согласно позиции современных юристов конституция как документ есть акт политический, а ее действие – процесс юридический.

В чем же реально проявляется связанность государства правом и на чем основывается предсказуемость действий государственной власти? Для того чтобы фактическое стало правовым, новый порядок должен по-

лучить одобрение со стороны значительной части народа; на уровне массового сознания должна возобладать убежденность в разумности и необходимости перемен, что и создаст представление о правомерности этого порядка. Заметим, что деятельность государства регулируется нормами права, которые возникают и подлежат изменению только в установленных правом формах. Иными словами, такая норма обязательна и для органов государства. В этой обязательности проявляется связанность деятельности государства: каждая правовая норма дает право ожидать, что она ненарушима и будет применяться, пока не будет установлено правомерного основания к ее отмене. Таким образом, каждая норма права является гарантией того, что пока это право действует, государство ему тоже подчиняется. В целом можно утверждать, что предсказуемость правового порядка состоит в следовании государства своим обещаниям – верховная власть проявляет свою власть в нормах, которые она не только установила, изменяет, но и сама соблюдает.

Если государственная власть не соблюдает установленное ею право, действует в каждом конкретном случае по собственному усмотрению, посредством постоянно меняющихся указов, распоряжений, циркуляров, часто противоречащих друг другу, то политика в таком государстве становится непредсказуемой, государство сменяется произволом, что в конечном итоге приводит к социальным протестам разной интенсивности и распаду общества.

Вместе с тем важно понимать, что любая норма представляет собой только модель общественных отношений и не может полностью совпадать с реальностью. Все правовые гарантии могут быть только относительны, поскольку они, как и право в целом, носят условный характер как «дело рук человека». Г.Ф. Шершеневич еще в начале XX в. заметил: «Дело не в том, чтобы связать государство правовыми нитками подобно тому, как лилипуты связали Гулливера. Вопрос в том, как организовать власть так, чтобы невозможен был или был доведен до минимума конфликт между правом, исходящим от властвующих, и нравственными убеждениями подвластных. Для этого не надо изображать мнимые правовые гарантии, а следует лишь раскрывать нравственный долг гражданина в связи с сознанием личного интереса» [10, с. 258–259].

МЕХАНИЗМ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ. ИСТОРИЯ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Идея государственного механизма, в рамках которого власть осуществляется раздельно и самостоятельно сразу несколькими государственными органами или институтами, стала результатом многовекового политико-философского развития человеческого общества. Впервые идея разделения властей была предложена мыслителями Древней Греции. Теория ограничения власти, высказанная Платоном, Аристотелем, Полибием, стала реакцией на пагубные проявления тирании, при которой правитель, пользуясь абсолютной властью, использует ее не во имя общего блага, а для реализации собственных интересов.

Произвол власти отмечался философами не только как признак монархии-тирании, но и при извращенных формах коллективного правления – олигархии и демократии (охлократии). Осуществление власти одним безответственным субъектом – единоличным или коллективным – признавалось неприемлемым. Аристотель в «Политике» предложил систему разделения власти между народным собранием, публичными должностными лицами и судебной системой.

Похожая модель разграничения власти была воплощена в Римской республике, где власть осуществляли народные собрания, сенат, иерархия должностных лиц, а также отдельно – судьи. Тем не менее с приходом империи на смену республике, в эпохи принципата и домината, стали вновь возможными тиранические порядки: диктаторы, а затем императоры наделялись неограниченной властью и осуществляли ее произвольно и безответственно. Существование наряду с императором других государственных органов – сената и судей – не влияло на характер осуществляемой им власти и факт ее неограниченности. Таким образом, только лишь создания нескольких органов власти недостаточно для реальной защиты интересов общества. С падением Римской империи в Европе образовались самостоятельные национальные государства, и монархия надолго установилась в качестве преобладающей формы правления. Власть сосредотачивалась в руках наследственных правителей по системе вассалитета-сюзеренитета вплоть до XVIII в.

Современная доктрина разделения властей берет начало в политических учениях английских и французских мыслителей эпохи Просве-

щения и связана в первую очередь с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье. Осознание необходимости сбалансированного и рационального правления на основе разделения властей стало закономерным итогом не только социальных процессов Нового времени, но и общественно-го (в том числе научного) прогресса в целом, поскольку эпоха Просвещения и рост самосознания членов общества способствовали подрыву режима деспотического правления.

Ш. Монтескье первым из названных мыслителей предложил систему разделения властей, ставшую классической, на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Особое внимание он уделял необходимости отделения судебной власти от политических ветвей (законодательной и исполнительной). Эта классическая концепция разделения властей Ш. Монтескье была в наибольшей степени воспринята и усовершенствована в США. Одна из причин этого кроется в кардинально противоположном отношении Американской и Французской революций к вопросу самостоятельности судебной власти. В отличие от Франции, где королевские парламенты (суды) к моменту революции были коррумпированы и полностью лояльны тирании Бурбонов, окончательно разорвали связь с гражданским обществом, в Новой Англии наследие английских судей (общее право) не только не отрицалось, но рассматривалось как один из народных устоев, объединяющих едиными правовыми ценностями новое государство, состоящее из обособленных государств (штатов). Ключевое внимание при формировании принципа разделения властей в Конституции США 1789 г. было уделено идеям античных мыслителей и Монтескье, что объясняется высоким уровнем образованности членов Конституционного конвента из числа англо-американской интеллигенции. Принятая в качестве одной из основ Конституции классическая доктрина разделения властей была развита в учениях отцов-основателей: Дж. Адамса, Дж. Мэдисона, А. Гамильтона, авторитетных судей, например Дж. Маршалла, а также французского исследователя американской демократии А. де Токвиля.

ДОГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Согласно классической (воспринятой в большинстве стран) концепции суверенная власть разделяется на законодательную, исполнительную и судебную. При таком подходе

после формирования государственности единый суверен (субъект учредительной власти) существует только как идеальная конструкция (например, народ). Фактически вся полнота власти разделяется между тремя ветвями, которые осуществляют ее независимо друг от друга. Ни одна из ветвей власти не вправе присваивать себе полномочия или вторгаться в суверенную компетенцию какой-либо другой ветви. Это обусловлено тем, что ветви власти получают равную часть суверенной власти. Поэтому нельзя сказать, что функция или предназначение какой-либо одной из ветвей власти может быть важнее какой-либо из других. Именно поэтому рассматриваемая концепция получила название разделения властей, а не разделения власти. Каждая из ветвей власти, таким образом, учреждается сувереном для выполнения собственной функции государства на благо всего общества. Попытки одной ветви власти повлиять на осуществление функций другой ветви означали бы уменьшение количества публичных субъектов, работающих на благо общества, что могло бы привести к сокращению конкуренции политических взглядов при принятии важных для социума решений, а также единоличию и неограниченности власти одного из субъектов.

Первичное разделение осуществляемых властями функций получило название функционального разделения властей. Законодательная власть наделяется функцией принятия законов, то есть принятия общеобязательных решений общего характера и постоянного действия по наиболее важным вопросам жизни общества в целом. Как правило, законодательная власть в современных государствах принадлежит парламенту, полностью или частично избираемому населением страны. Основным признаком законодательной власти является ее всеобщность и перспективность (принятие решений на будущее). Согласно теории разделения властей в целях недопущения тиранического правления решения законодательной власти (в отличие от исполнительной и судебной) должны затрагивать не конкретные ситуации, а общество в целом. Абстрактность законов обеспечивает «умеренное» (термин Ш. Монтескье) правление и позволяет обосновывать придание таким решениям высшей юридической силы. Одновременно с функцией принятия законов законодательные органы выполняют также функции представительной власти,

поскольку только они, как правило, состоят из народных избранников, представляющих всех членов общества. Таким образом, представительная функция – это обеспеченный государственным механизмом общественный контроль. К проявлениям такой функции можно отнести парламентский контроль за расходованием бюджета или парламентские расследования случаев массовых нарушений прав человека.

Исполнительная власть, согласно доктрине разделения властей, наделяется функцией по исполнению законов. В узком смысле это означает принятие правительственных (административных) мер, направленных на реализацию конкретных законодательных актов, в том числе на недопущение их нарушения со стороны других субъектов права. В классической теории разделения властей полиция и правоохранительные органы рассматриваются как составляющая исполнительной власти. В широком смысле эта функция подразумевает исполнение общественных публично значимых решений в целом. Парламент, как орган представительной власти, получающий свой мандат от населения и представляющий его интересы, задает основные направления (курс) государственной политики, в то время как исполнительная власть, осуществляемая правительством и другими органами (например, министерствами), обладает широким усмотрением (дискреционной властью) – принимает любые необходимые для достижения поставленных обществом целей меры, ограничиваясь только требованиями конституции и закона.

В классической доктрине разделения властей судебной ветви отводится функция по разрешению любых общественных конфликтов (споров) и толкованию законов. Суды индивидуализируют абстрактные решения законодательной власти применительно к конкретным фактам (обстоятельствам дела), толкуют законы и разрешают спор (выносят индивидуальное решение). Деятельность судов, с одной стороны, связана с явным и открытым участием разнонаправленных социальных интересов, а с другой – обеспечивает окончательное властное решение в конкретной ситуации, в том числе затрагивающей конституционные права граждан. Поэтому к судебной власти во всей триаде разделения властей предъявляются особые требования. Во-первых, по общему правилу, деятельность судов (в отличие, например, от деятельности

правительства) является открытой и гласной, а производство в судах, как правило, устное. Во-вторых, именно в судах (в отличие от парламента или правительства) любой участник спора (публичный или частный субъект) наделяется процессуальными правами и гарантиями доступа к власти (правосудию). Наконец, судьям обеспечиваются особые гарантии независимости, например неприкосновенность и несменяемость, и обязанность руководствоваться при принятии решений только законом и собственной совестью. Согласно доктрине разделения властей только решение, полученное в результате столь сложного поискового процесса, может считаться окончательным и общеобязательным. Соблюдение такой строгой процедуры, принципов открытости и беспристрастности, предоставление всем участникам спора равных прав и гарантий считаются достаточными основаниями для того, чтобы признать принятое судьей (судьями) решение единственно верным и подлежащим неукоснительному исполнению.

Как отмечалось, впервые доктрина разделения властей была возведена в ранг конституционной ценности с прикладным эффектом при создании Конституции США. Однако практика показала, что такого функционального разделения властей недостаточно, поскольку невозможно тотальное абстрагирование ветвей власти друг от друга. В связи с этим классическая доктрина была дополнена системой сдержек и противовесов (*checks and balances*), позволяющих каждой из ветвей позитивно воздействовать на деятельность двух других. Так, например, исполнительной власти была отведена роль подписания и обнародования законов, принятых законодательной властью (промульгация). При этом она наделяется так называемым правом вето (отклонения закона). Однако это право не является абсолютным и может быть преодолено повторным рассмотрением в парламенте (как правило, квалифицированным большинством голосов), что также может рассматриваться как проявление системы сдержек и противовесов. Законодательный орган в качестве проявления представительной власти, как правило, наделяется правом выразить вотум недоверия исполнительной власти, что в ряде случаев влечет отставку правительства или отдельных должностных лиц. Например, подобные вотумы недоверия предусмотрены в парламентарных демократиях Германии

и Соединенного Королевства. В США же к данного рода механизму можно отнести абсолютное право импичмента, которым Конгресс может отстранить от должности любого служащего исполнительной или судебной власти.

В доктрине разделения властей законодательная и исполнительная власть могут оказывать влияние на судебную ветвь только до назначения судей на должность и до исполнения ими своих функций, то есть только посредством процесса назначения будущих судей на должность. Вместе с тем одной из фундаментальных сдержек судебной власти является отсутствие права действовать по собственной инициативе: судьи могут задействовать свою власть только по просьбе граждан или других субъектов и только там, где есть насущная необходимость в правосудии (восстановлении прав и справедливости). Мощнейшим противовесом в руках судебной власти является способность своими постановлениями отменить (лишить силы) любое решение законодательной или исполнительной власти (так называемый судебный контроль, в том числе конституционный контроль).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует заметить, что создание правового государства – процесс длительный, режим такого государства не может установиться мгновенно, поскольку требуется перестройка всего государственного аппарата в соответствии с поставленными задачами. Одновременно необходимо понимать, что уже существующее конституционно оформленное правовое и социальное государство может стремительно переродиться, если требования законности действий органов государства и должностных лиц утратят свою обязательность, суды начнут решать дела не по закону, а какими-то иными способами, население перестанет поддерживать представителей действующей публичной власти. Как показали Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, обосновывая разные классификации форм государства, такой регресс вполне возможен. Суть замечаний философов права сводилась не только к установлению четких критериев «правильных» (цель – обеспечение общего блага) и «неправильных» (цель – частная польза правителей) государств, но и в трансформации законных форм государства в свои противоположности и конечном

вырождении государства в тиранию. Об этом свидетельствует и состояние политических режимов в ряде государств в XXI в.

Проблемы формирования правового и социального государства остро стоят и в нашем обществе. В Конституции Российской Федерация названа правовым (ст. 1) и социальным (ст. 7) государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ введена ст. 75.1, которая гласит: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека

труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Несомненно, это важное достижение конституционализма и большой прогресс на пути развития институтов гражданского общества. Вместе с тем практическая работа по воплощению правовых норм очень трудна. Для нашего государства актуальными остаются проблемы верховенства права, законности действий государственных органов и должностных лиц, совершенствования системы правосудия и других правоохранительных органов. Для устойчивого правового порядка необходимо, чтобы новые правовые предписания соответствовали реальному соотношению сил в обществе, а также выражались в формах, доступных массовому правосознанию.

Список источников

1. Философия права : словарь / под ред. и сост. В.Н. Жукова. – 2-е изд., дораб. и доп. – Москва : Мир философии : Алгоритм, 2012. – 904 с.
2. Галкин И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации / И.В. Галкин // Право. Порядок. Ценности : монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. – Москва : Блок-Принт, 2023. – С. 601–627.
3. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : Наука, 1969. – 703 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права : пер. с нем. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 288 с.
6. Стоилов Я. Държавната власт: правно-политически разграничения и съотношения / Я. Стоилов. – София : Сиби, 2001. – 259 с.
7. Научени четения на тема «Предвидимост на правото». – София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2022. – 366 с.
8. Право. Порядок. Ценности : монография / под общ. ред. Е.А. Фроловой. – Москва : Блок-Принт, 2023. – 688 с.
9. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 752 с.
10. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : учебное пособие : в 2 т. / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Юридический колледж МГУ, 1995. – Т. 1, вып. 1. – 308 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фролова Елизавета Александровна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Frolova Elizaveta Alexandrovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 19.03.2023; одобрена после рецензирования 08.04.2023; принята к публикации 08.04.2023. The article was submitted 19.03.2023; approved after reviewing 08.04.2023; accepted for publication 08.04.2023.

References

1. Zhukov V.N. (ed.). Philosophy of law. 2nd ed. Moscow, Mir filosofii Publ., Algoritm Publ., 2012. 904 p.
2. Galkin I.V. The problem of ensuring the effective implementation of legislation in the field of human rights protection in the Russian Federation. E.A. Frolova (ed.). *Law. Order. Values*. Moscow, Blok-Print Publ., 2023, pp. 601–627. (In Russian).
3. Rousseau J.-J. Treatises. Moscow, Nauka Publ., 1969. 703 p.
4. Hegel G.W.F. Philosophy of law. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.
5. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law. Moscow, Zercalo-M Publ., 2002. 288 p.
6. Stoilov Ya. State power: political and legal differences and relations. Sofia, Sibi Publ., 2001. 259 p.
7. Readings on the topic «The Predictability of Law». Sofia University St. Kliment Ohridski Publ., 2022. 366 p.
8. Frolova E.A. (ed.). *Law. Order. Values*. Moscow, Blok-Print Publ., 2023. 688 p.
9. Jellinek G. The general doctrine of the state. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 752 p.
10. Shershenevich G.F. General theory of law. Law College of Moscow State University Publ., 1995. Vol. 1. Iss. 1. 308 p.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья

УДК 342.4

DOI 10.33184/pravgos-2023.2.3

Original article

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна

Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;

e-mail: evigpran@igpran.ru;

VINOGRADOVA Elena Valerievna

Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ИЕРАРХИЯ СИСТЕМЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОТ КОНЦЕПТА К КОНСТРУКТУ*

HIERARCHY OF THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL VALUES FROM CONCEPT TO CONSTRUCT

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционных ценностей в аспекте модели концепт-конструкт. В работе в результате анализа системы российских конституционных ценностей с точки зрения правового дискурса иерархии ее элементов предлагается обоснование подхода, определяющего единство их статуса. Аксиология современных правовых основ российской государственности предопределена отечественной историей. Поиск новых подходов актуализирован процессами конституционных преобразований, сформировавших новые институты и придавших иное звучание ранее существовавшим. Это предопределяет интерес к исследованию правовых основ отечественного конституционализма, контекстно связанного с философскими концептуальными идеями осмысления права. Целью исследования является формирование новых подходов к системе конституционно значимых ценностей. В качестве основной задачи обозначено преломление в конституционно-правовую науку социально-философской модели концепт-конструкт. Использовались историко-правовой и формально-юридический методы. Результатом исследования стало обоснование подходов, позволяющих говорить о единстве статуса конституционных ценностей. Сделан вывод о том, что проекция модели концепт-конструкт в право пока используется в качестве метода научного познания. Вместе с тем такое исследование актуально в рамках эволюции концептов, определяющих взаимодействие личности, общества и власти.

Abstract. The article is devoted to the study of constitutional values in the aspect of the concept-construct model. As a result of the analysis of the system of Russian constitutional values from the point of view of the legal discourse of the hierarchy of its elements, the article offers the justification of the approach that determines the unity of their status. The axiology of the modern legal foundations of Russian statehood is predetermined by national history. The search for new approaches is actualized by the processes of constitutional transformations that have formed new institutions and given a different meaning to previously existing ones. This predetermines the interest in studying the legal foundations of national constitutionalism, contextually related to philosophical conceptual ideas of legal reasoning. The purpose of the study is to form new approaches to the system of constitutionally significant values. The main task is the refraction of the socio-philosophical concept-construct model into the constitutional law science. Historical-legal and formal-legal methods are used. The study results in the substantiation of approaches allowing to speak about the unity of the status of constitutional values. It is concluded that the projection of the concept-construct model into law is still used as a method of scientific cognition. However, such research is relevant within the framework of the evolution of concepts that define the interaction of the individual, society and power.

Ключевые слова: российские конституционные ценности, социально-философская модель концепт-конструкт, иерархия конституционных ценностей

Для цитирования: Виноградова Е.В. Иерархия системы конституционных ценностей от концепта к конструкту / Е.В. Виноградова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 24–29.

Keywords: Russian constitutional values, socio-philosophical concept-construct model, hierarchy of constitutional values

For citation: Vinogradova E.V. Hierarchy of the system of constitutional values from concept to construct. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 24–29. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.3.

КОНСТИТУЦИОННАЯ АКСИОЛОГИЯ

Конституционные ценности – система, обладающая весьма солидным потенциалом. Этот потенциал может раскрываться в доктринальной аксиологии в формате защиты прав и свобод, в нормотворческих функциях органов публичной власти и пр. Исследованию этой системы посвящено много работ разного формата: от диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и парламентских слушаний до телевизионных передач и студенческих конференций. Вместе с тем появляются все новые аспекты для изучения, имеющие теоретическое и практическое значение [1]. Интересным видится исследование системы конституционных ценностей с точки зрения взаимодействия и установление иерархии формирующих ее элементов [2].

В аспекте правового дискурса иерархии элементов системы российских конституционных ценностей в статье отражена в проекции модели концепт-конструкт. Эта модель, достаточно хорошо известная социологам и философам, до сегодняшнего дня не проявлялась в пространстве права. Обусловлен этот анализ тем, что в реалиях современной российской гуманитарной науки очевидна тенденция перехода концептуально-конструктивного понимания социально-философского научного знания из плоскости политических дискуссий к правовому осмыслению. Это не может не радовать. Однако востребованность философии, даже если ее применение имеет большой налет софистики, подчас приводит к вольному толкованию. Социологические термины, вырванные из контекста, также нуждаются в уточнении, прежде чем они будут институализированы в правовых категориях. Аргументом, обосновывающим этот тезис, можно считать категорию «социальный конструкт», которая в дискуссиях социально-правовой направленности используется в интуитивном значении. При этом контекстно социальный конструкт

отформатирован социальной феноменологией Бергера и Лукмана [3], постмодернистской критикой социологии и акторно-сетевой теорией Латура [4]. То есть все не так просто, но на площадках ток-шоу «эксперты» социальным конструктом называют нечто вымышленное, придуманное. С одной стороны, действительно можно определять «государство» (право, справедливость и т. д.) как социальный конструкт, но это не означает иллюзорность «права», и то, что оно исключительно субъективно. Право достаточно сложно. В нем, конечно, присутствуют элементы субъективного, например при определении природы правосознания, правочувствования и т. п., но предполагать его объективность, в частности в контексте законотворчества, правоприменения и пр., – грешить против истины.

Поэтому прежде чем рассмотреть систему конституционных ценностей в интерпретации понятий концепт-конструкт, важно обозначить, в каком значении они будут использованы в данной статье.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ КОНЦЕПТ-КОНСТРУКТ

Прежде всего хотелось бы отметить, что любой концепт формируется на основе многовековой традиции, за исключением концептов, которые находятся в начальном периоде становления и потому сохраняют, по мнению современных исследователей, в частности Ж. Делёза, авторскую подпись. Концепты не рождаются «готовыми» [5, с. 7], и в процесс их конструирования вовлекаются репрезентативные инструменты языков культуры [6]. Идеи, возникающие в процессе обоснования явлений или процессов, формируют концепции, фиксирующие взгляды на анализируемые объекты, что имеет большое значение для эволюции исследований. Они создают определенный срез знания, понятийным ядром которого можно считать концепцию, в которой отражены и свойства объекта,

и отношение к нему субъекта научного поиска. Концептуализация, объединяя термины, закономерности, теории и модели исследования, преобразует идею в элемент любой науки. Вместе с тем для наук гуманитарного цикла это особенно важно, так как концепт, не имея четкого форматирования, легко размывается. Отсутствие жестких границ зачастую не предполагает возможности сохранения концепта в его изначальном виде. И именно трансформируясь в конструкт, концептуальная идея получает шанс манифестироваться.

Смысловое содержание понятия «концепт» абстрагировано от конкретно-языковой формы его выражения. Употребляя термин «концепт», С. Аскольдов определял его «как субститут неопределенного большинства предметов одного и того же порядка» [7]. Концептуальная схема иллюстрируется схемой «понимание – объяснение», являясь итогом взаимодействия специфических для каждого социума морали, религии, философии, права.

Онтологически концепты как способы восприятия реальности отличаются от конструктов, которые представляют собой познавательные инструменты. Конструкты, создаваемые разными концептами, например, формируясь в результате переводов (аранжировок), имеют ценность, обусловленную первоначальной исходной идеей. Вместе с тем концепт, «раскрываясь» в конструкте, обеспечивает его переход на эмпирический уровень познания. Концепт, как первичная функция в математике, через производные – конструкты – репрезентируется. Модель концепт-конструкт в рамках теоретического знания определяет вкус его риторики, выявляет релевантные сферы применения и способы влияния на иные концептуальные идеи.

Продуцирование концепта создает фрагменты в социологических, психологических и философских конструктах. В парадигмах постструктуралистской философии, например в номадологии Ж. Делёза, концепт определяется как системосозидающий элемент. Он, отражая объективную социальную реальность, пройдя путь от правила, на основе которого формировались суждения, оценки, структурировались эмпирические материалы, в современной философии рассматривается не только в качестве функционального наполнения научного знания (или научной теории). Системосозидающие элементы модели концепт-конструкт все чаще выполняют функции ор-

ганизации научного знания. Преобразование концепта в конструкт стало трактоваться как дополнительный инструмент познания.

Использование этих моделей для анализа социальных отношений в контексте правовых предписаний может проявляться весьма эффективно. В правовом научном знании большая роль принадлежит систематизации. Чаще всего, рассуждая о системе права или отдельного его элемента, имеется в виду иерархизированный порядок.

Создавая диалектическое единство, элементы модели концепт-конструкт сохраняют формальную самостоятельность. Это предопределяет возможность применения декомпозиционного анализа как этапа для перехода от частного к общему в процессе исследования системы конституционных ценностей.

ИЕРАХИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В научных работах, посвященных исследованию системы конституционных ценностей, признание их иерархии воспринимается практически аксиоматично. Однако закрепление в конституционном праве в качестве особо защищаемых общественных отношений совокупности важных интересов не предполагает установления для каких-либо из них особого статуса. Важность и значимость гарантий защиты некоторых прав не может устанавливать их приоритет, учитывая, что все они отформатированы как наиболее значимые самим погружением их в конституционные тексты. Конституционно-правовые ценности, создавая систему, не могут соотноситься между собой в контексте иерархической системы. Установление приоритета для какой-либо из них может быть аргументировано необходимостью достижения баланса в конкретном случае. Так обычно поступает Конституционный Суд РФ, принимая решение при рассмотрении жалобы или запроса о соответствии Конституции какого-либо положения нормативно-правового акта. Однако придание какой-либо конституционной ценности большей, по сравнению с другими, значимости не может быть закреплено нормативно или предопределяться ее местом в системе. Декларируемые как конституционные, все ценности имеют одинаково высокий статус и не зависят ни от порядка их закрепления, ни от других оснований. Время их появления в системе также не обосновывает приоритетность.

История развития системы конституционных ценностей в современной российской государственности на этапе закрепления положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), создала повод для возможных рассуждений о том, что если права человека являются высшей ценностью, то все другие можно отнести к ценностям более низкого порядка. Однако это не так. Юридиксо-аксиологический компонент прав и свобод человека перевел их в категорию конституционно значимых ценностей, то есть более важных, чем другие ценности, закрепленные нормативными актами уровня ниже конституционного. Но из анализа конституционных положений вовсе не следует, что при любых обстоятельствах права и свободы человека обладают абсолютным приоритетом над всеми другими. В противном случае мы вынуждены будем согласиться с конституционным пониманием меньшей значимости прав общества, его безопасностью и пр. При этом в качестве одной из важнейших конституционных ценностей не может не считаться стабильность системы государственной власти, ориентированной на защиту прав и свобод [8, с. 4]. Права, для которых не установлен субъект их реализации, остаются декларативными. Отсутствие органов власти, целью деятельности которых в соответствии с положениями российской Конституции является реализация прав и свобод, сделает невозможным их исполнение.

Признание ценности конституционной происходит по-разному: иногда она изначально утверждается в тексте, порой она позиционируется в виде принципа, в некоторых случаях придание ей высочайшего статуса конституционной ценности происходит при обосновании правовой позиции конституционного суда. В частности, таким образом эволюционирует принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, придание статуса которому Конституционный Суд РФ определил в 2001 г. В своем Постановлении¹ он обозначил, что для того, чтобы поддержать доверие к действиям государства, необходима адаптация к изменениям правового регулирования. С этой целью законодателью предлагалось сохранять разумную стабильность правового регулирования, что предполагает недопустимость внесения про-

извольных изменений в действующую систему норм.

Принцип, отформатированный как конституционная ценность, в настоящее время в конституционно-правовом пространстве России определяет реальность вне теоретического дискурса. Принцип, как концептуальная идея для эффективного регулирования общественных отношений, создает основу правовой системы и определяет направление развития правовой действительности. Конституционные принципы, как отмечает Г.А. Гаджиев, «в большей степени, чем конкретные конституционные нормы, подвержены трансформации в процессе истолкования, что и обеспечивает динамизм в развитии конституционного права» [9, с. 37]. По мнению Д.А. Керимова, принципы «носят характер ориентиров, программ, средств преобразования общественных отношений» [10, с. 36]. Факт признания конституционного принципа конституционной ценностью ставит ее в общей системе в один ряд с уже существующими в ней элементами.

Признавая за конституционными принципами, которые могут не быть дефинированы в тексте основного закона, право быть включенными в систему конституционных ценностей, следует отметить, что таким образом может быть проиллюстрировано единство системы концепт-конструкт. Если в правовом пространстве мы будем исходить из того, что концепт – это идея либо принцип, не закрепленный в нормативных актах, но оказывающий влияние на процесс нормативного регулирования общественных отношений, то в качестве конструкта, можно воспринимать легитимацию этой идеи, закрепление ее в нормативных актах.

Таким образом, отсутствие иерархии в системе конституционных ценностей предопределяет равный статус существования в ней норм и принципов. Проецируясь сквозь модель концепт-конструкт, равенство всех конституционных ценностей предопределяет эволюцию системы, трансформацию ее элементов. Ценность, переходя из социально-философского формата в конституционно правовой, сохраняет за ней смысл, предполагающий, что основой правовой системы ценностей является восприятие их созвучности правовой системе страны в параметрах аксиологического фона своего времени. Ценности историчны, они выражают «интерес эпохи», который весьма устойчив. Теоретическим выражением «инте-

¹ Постановление КС РФ от 25.05.2001 № 8-П.

реса эпохи» являются идеальные типы, которые, однако, совершенно лишены, по Веберу, какого бы то ни было момента оценки и не должны рассматриваться как «образцы совершенства» [11, с. 353]. Ценности формируются социумом, отражая запросы, осмысленные в разных форматах. В современных государствах они очень часто формируются положениями основных законов страны.

Признание конституционной кой-либо ценности предопределяет необходимость согласования разнонаправленных интересов государства, общества, личности. И здесь для поиска оптимального баланса необходим критерий. Ценность конституционных норм заключается в том, что, обладая высшей юридической силой, они имеют абсолютный характер. Вместе с тем очевидно, что реализация одних конституционно-правовых норм может быть сопряжена с препятствиями реализации других, поэтому перевод ситуации из плоскости юридических норм и возникающих на их основе правоотношений в аксиологическую область, в сферу ценностей каждый раз предполагает поиск справедливого баланса между ними. Конституционно-правовые нормы, формируя правовые ценности создают возможность использовать не буквальное, а аксиологическое их толкование.

Поиск оптимального равновесия между интересами личности, общества, государства является актуальной проблемой современного конституционного права, одним из решений которой видится нахождение баланса конституционно значимых ценностей при определении конституционности оспариваемых норм, реализуемый в практике Конституционного Суда РФ. Эти интересы зачастую не совпадают, а иногда и противопоставляются друг другу. Именно поэтому создание системы конституционных ценностей, соответствующей объективной оценке происходящих процессов становления правовой государственности и развития гражданского общества, весьма актуально для формирования современного российского конституционно-правового пространства.

Современное конституционное право нередко оперирует такими категориями, как цели, ценности, приоритеты, имеющими в изначальном смысле не правовое, а скорее философское, социологическое содержание. В то же время использование этих категорий в конституционно-правовом аспекте вызывает необходимость определения именно правового

содержания и особенностей, обусловленных правовым наполнением.

Реализация конституционных ценностей в формате легитимации решения без участия в этом процессе государства в принципе невозможна, поскольку полномочиями утвердить в процессе поиска оптимального баланса частных и публичных интересов решение наделены только субъекты публичной власти.

В практике Конституционного Суда РФ получил свое обоснование целый ряд формально не зафиксированных в Конституции ценностей, охватывающих организующее воздействие на соответствующие общественные отношения, включая такие как справедливость и определенность публичных правоотношений, стабильность и определенность публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений. Анализ его решений позволяет сделать вывод, что, уделяя большое внимание защите основных конституционных ценностей, к которым относятся права и свободы личности, суверенитет и государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, единство экономического пространства, обеспечение обороны страны и безопасности государства, в этих решениях можно встретить как свидетельства приоритета частного, так и публичного интереса. Это подтверждает ранее сформулированное суждение об отсутствии иерархии в системе российских конституционных ценностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение хотелось бы отметить, что предложенный автором вывод предопределяет возможность включения в дискуссию о приоритетах в системе конституционных ценностей. Использование при этом социально-философских моделей, в частности модели концепт-конструкт, позволяет глубже исследовать природу правовых институтов, используя новые междисциплинарные подходы, предложить новые аргументы в дискурсе, посвященном поиску эффективного взаимодействия между личностью, обществом, государством, создающем суверенное отечественное пространство конституционных ценностей.

Список источников

1. Виноградова Е.В. К вопросу об иерархии системы конституционных ценностей / Е.В. Виноградова // Образование и право. – 2022. – № 2. – С. 149–153.
2. Виноградова Е.В. Конституционные ценности – система без иерархии / Е.В. Виноградова // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. С. 78–82.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е.Д. Руткевич. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
5. Делёз Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; пер. с фр. С. Зенкина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 288 с.
6. Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии / Х.Э. Бёдекер // История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей : пер. с нем / под ред. Х.Э. Бёдекера. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 5–17.
7. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–279.
8. Виноградова Е.В. Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации / Е.В. Виноградова, П.А. Виноградова. – Москва : Эдитус, 2020. – 200 с.
9. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов. Конституционные суды и законодательные органы – друзья и соперники на арене конституционной политики / Г.А. Гаджиев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2 (63). – С. 22–45.
10. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства / Д.А. Керимов. – Москва, 2003. – 681 с.
11. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва, 1990. – 804 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградова Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradova Elena Valerievna – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 12.05.2023. The article was submitted 30.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 12.05.2023.

References

1. Vinogradova E.V. Constitutional values – a system without hierarchy. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2022, no. 2, pp. 149–153. (In Russian).
2. Vinogradova E.V. Constitutional values – a system without a hierarchy. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: History and the Presence*, 2022, no. 3, pp. 78–82. (In Russian).
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. *Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.
4. Latour B.; Gavrilenko S. (ed.). *Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 384 p.
5. Deleuze J., Guattari F. *What is philosophy?* Saint Petersburg, Aletejya Publ., 1998. 288 p.
6. Boedeker Kh.E. Reflection of historical semantics in historical cultural studies. Boedeker Kh.E. (ed.). *History of concepts, history of discourse, history of mentality. Collection of articles*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 5–17. (In Russian).
7. Askoldov S.A. Concept and word. Neroznak V.P. (ed.). *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology*. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 267–279. (In Russian).
8. Vinogradova E.V., Vinogradova P.A. Strengthening constitutional guarantees by the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. Moscow, Editus Publ., 2020. 200 p.
9. Gadzhiev G.A. Principles of law and law from principles. Constitutional courts and legislative bodies – friends and rivals in the arena of constitutional policy. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2008, no. 2 (63), pp. 22–45. (In Russian).
10. Kerimov D.A. *Problems of the general theory of law and state*. Moscow, 2003. 681 p.
11. Weber M. *Selected works*. Moscow, 1990. 804 p.

Научная статья
УДК 349.6
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.4

Original article

ЗАСЛАВСКАЯ Надежда Михайловна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: zaslavskaya-n@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0000-2955-9201>

ZASLAVSKAYA Nadezhda Mikhailovna
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ КАК ГАРАНТИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА ОБРАЩЕНИЕМ С ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОТХОДАМИ)

ENVIRONMENTAL CONTROL AS A GUARANTEE OF THE EFFECTIVENESS OF STATE
ENVIRONMENTAL ADMINISTRATION IN THE DIGITAL SOCIETY (BASED ON THE
EXAMPLE OF STATE ENVIRONMENTAL CONTROL (SUPERVISION) OVER INDUSTRIAL
WASTE MANAGEMENT)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые результаты реформы контрольно-надзорной деятельности, проходящей в Российской Федерации с 2016 г. по настоящее время. Плюсы и минусы реформы иллюстрируются на примере экологического контроля, в том числе контроля в области обращения с отходами. Цель: анализ результатов реформы контрольно-надзорной деятельности на примере государственного экологического контроля (надзора) за обращением с промышленными отходами. Методы: поиск и сбор данных; их обработка: описание, обобщение, классификация, поиск закономерностей; анализ результатов обработки данных. Результаты: действующее правовое регулирование отношений в области экологического контроля и надзора требует дальнейшего совершенствования для достижения целей, поставленных как при реформировании всей системы контрольной деятельности в стране, так и перед системой государственного экологического управления. Ситуация, когда в секторе государственного управления достижение одних показателей происходит за счет снижения других, представляется недопустимой, а точнее – недальновидной, особенно когда достижение экономических показателей является приоритетным по отношению к экологическим.

Ключевые слова: государственное экологическое управление, экологический контроль и надзор, государственный надзор в области обращения с отходами, реформа контрольно-надзорной деятельности

Abstract. The article discusses some results of the reform of control and supervision activities taking place in the Russian Federation from 2016 to the present. The pros and cons of the reform are illustrated by the example of environmental control, including control over waste management. Purpose: to analyze the results of the reform of control and supervision activities on the example of state environmental control (supervision) over industrial waste management. Methods: data retrieval and collection; data processing: description, generalization, classification, search for patterns; analysis of data processing results. Results: the current legal regulation of relations in the field of environmental control and supervision requires further improvement in order to achieve the goals set for reforming the entire system of control activities in the country, and to the system of state environmental administration. The situation when the achievement of some indicators occurs at the expense of reducing others in the public administration sector seems unacceptable, or rather short-sighted, especially when the achievement of economic indicators is prioritized over environmental ones.

Keywords: state environmental administration, environmental control and supervision, state control in the field of waste management, reform of control and supervision activities

Для цитирования: Заславская Н.М. Экологический контроль как гарантия эффективности государственного экологического управления в цифровом обществе (на примере государственного экологического контроля (надзора) за обращением с промышленными отходами) / Н.М. Заславская. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 30–37.

For citation: Zaslavskaya N.M. Environmental control as a guarantee of the effectiveness of state environmental administration in the digital society (based on the example of state environmental control (supervision) over industrial waste management). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 30–37. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.4.

ВВЕДЕНИЕ

Контрольным мероприятиям в процессе управления традиционно отводится важное место и придается большое значение. В доктрине экологического права это утверждение также нашло подтверждение. Так, А.К. Голиченков совершенно обоснованно относит государственный экологический контроль к одному из факторов эффективности всего эколого-правового механизма, который наряду с контролем включает социально-экологическую обоснованность нормы, ее конкретизацию в хозяйственно-правовых нормах, материально-техническое обеспечение и эколого-правовую культуру исполнения, организационную работу, ответственность за неисполнение и материальное стимулирование исполнителя нормы [1, с. 75]. В.В. Петров отмечал, что правоотношения в сфере государственного экологического контроля по своему назначению являются организационной гарантией реализации всех эколого-правовых предписаний [2, с. 79].

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Экологический контроль¹ в системе функций государственного управления – это своего рода камертон, он представляет собой обратную связь между идеальным и реальным: в процессе осуществления государственного экологического контроля происходит сопоставление правила поведения, закрепленного в правовой норме (идеальная, эталонная ситуация), с обстоятельствами реальной жизни. Именно эта функция управления позволяет оценить эффективность всего механизма. Государственный экологический контроль

показывает, воплотилась ли правовая норма (закрепленное в нормативном акте правило поведения) в реальное поведение субъектов общественных отношений, и если воплотилась, то как, в какой степени, каким образом. Иных прямых способов проверки органами государственной власти правильности реализации функций государственного экологического управления действующим законодательством не предусмотрено².

При переходе к цифровому обществу обозначенная роль государственного экологического контроля должна усилиться, приобрести особое значение. В ситуации, когда все больше функций государственного экологического управления в целом или в части (пока в части) осуществляется в дистанционном формате, без реального взаимодействия управляющих субъектов (органов государственной власти) с управляемыми (природопользователями), контроль за деятельностью всех субъектов экологических отношений должен быть усилен. Объясняется это и объективными, и субъективными причинами. Переход ко всему новому объективно требует больше внимания – для формирования правильного единообразного понимания правовых требований и их неукоснительного соблюдения, а также для проверки эффективности и правильности предлагаемых нововведений. Субъективный момент заключается в необходимости принятия изменений, адаптации к технологическому цифровому подходу. Однако в настоящее время на основании официальных поручений

¹ В настоящей работе термины «контроль» и «надзор» употребляются в качестве синонимов.

² К числу таких функций мог бы быть отнесен, например, экологический мониторинг, но (за исключением локального экологического мониторинга, который, по мнению автора, не является собственно мониторингом) в результате осуществления названной функции государственного экологического управления не представляется возможным установить законность деятельности каждого природопользователя, проверить соблюдение каждым подконтрольным субъектом обязательных требований.

и отчетов³ об их выполнении государственного контроля, в том числе и экологический, наоборот, ослаблен⁴.

Следует отметить, что в период цифровизации государственного экологического управления государственный экологический контроль как одна из функций, пусть и с особой ролью, но одна из функций такого управления, подвержена общим изменениям системы в целом и сама претерпевает (должна претерпевать) цифровизационные преобразования – в период, когда не только роль усиливается, но и задачи усложняются, правовые основы контрольной деятельности меняются.

Обращает на себя внимание то, что цифровизация природопользования и реформирование контрольно-надзорной деятельности совпали по времени⁵, но если в официальных целях и задачах цифровизации природопользования контролю уделяется много внимания, то в целях и задачах реформирования самого контроля о необходимости его цифровизации речь не идет.

Так, согласно Распоряжению Правительства РФ от 8 декабря 2021 г. № 3496-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования» для формирования благоприятных условий цифровой трансформации отрасли в числе первых

задач – «комплексная цифровизация деятельности участников отрасли, снижение затрат на взаимодействие с государством и контрольно-надзорными органами, что должно быть достигнуто путем обеспечения контроля деятельности природопользователей ... повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности в сфере государственного экологического надзора, в том числе повышение эффективности выявления и пресечения правонарушений в сфере охраны окружающей среды при помощи цифровой платформы «Госконтроль», повышение качества контрольной работы, в том числе за счет комплексного использования единого информационного ресурса и присоединения внешних источников информации природопользователей, снижение затрат территориальных органов и подведомственных учреждений на сбор, ввод, обработку и контроль форм отчетности»⁶. При этом в Паспорте приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности»⁷ к вопросам цифровизации контроля и надзора специально не обращаются⁸.

Достижениями настоящего этапа реформы контрольно-надзорной деятельности признано внедрение «регуляторной гильотины» и риск-ориентированного подхода, сокращение количества контрольных мероприятий, осуществляемых при взаимодействии контролирующих лиц с подконтрольными, и уменьшение выявленных правонарушений⁹.

Однако ответ на вопрос о том, соответствует ли это целям, обозначенным в Паспорте названной приоритетной программы (снижение уровня ущерба охраняемым законом ценностям; снижение уровня материального ущерба по контролируемым видам рисков;

3 Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru/events/president/news/68669 (дата обращения: 01.02.2023).

4 Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля (с изм. и доп. от 29.12.2022) : Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11, ст. 1715. Плановые контрольные мероприятия проводятся по очень ограниченному кругу оснований, внеплановые контрольные мероприятия – по согласованию с органами прокуратуры, без согласования – в исключительных случаях (поручения Президента РФ, Председателя Правительства РФ, по требованию прокурора и др.).

5 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30, ст. 4884 ; Перечень поручений Президента РФ от 31.12.2020 № Пр-2242 по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», состоявшейся 04.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 01.02.2023) ; О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № N 31 (ч. I), ст. 5007.

6 Собрание законодательства РФ. 2021. № 51, ст. 8889.

7 Приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2023).

8 Предполагается, что «внедрение информационных технологий, электронных площадок и сервисов, удобных для оперативной коммуникации всех вовлеченных в контрольную сферу», должно стать ключевым направлением нового этапа реформы, которое по поручению Президента РФ должно быть отражено в готовящейся Концепции реформы контрольно-надзорной деятельности» [3, с. 102].

9 Стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru/events/president/news/68669 (дата обращения: 01.02.2023).

снижение при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую и иные виды деятельности; рост индекса качества администрирования контрольно-надзорных функций), представляется не совсем очевидным.

Так, сообщается о значительном снижении количества выявленных правонарушений за последние несколько лет (преимущественно за 2021 и 2022 г.)¹⁰, связывается это с положительными результатами реформы контрольно-надзорной деятельности, принятием нового федерального закона¹¹, сокращением количества актов, устанавливающих обязательные требования (внедрен принцип принятия новых обязательных требований только после отмены двух устаревших (1 in 2 out)), их актуализацией [4].

Однако, например, в условиях так называемого контрольного моратория очевидным представляется то, что количество контрольных мероприятий сократилось¹², как следствие, произошло резкое (сопоставимое) уменьшение числа выявленных нарушений, что с обоснованным сомнением является только следствием снижения реально совершенных нарушений¹³. Более закономерным являлся

бы рост как умышленного (в связи с ощущением безнаказанности в условиях отмены большинства плановых и сокращением оснований внеплановых контрольных мероприятий), так и неумышленного (новые «незнакомые» правовые акты, кардинально иные формы и др.) несоблюдения обязательных требований. Но так как контрольные мероприятия практически не проводятся, ни подтвердить, ни опровергнуть каждое из названных утверждений невозможно.

Одной из новелл¹⁴ Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» стал принцип приоритета проведения профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда (ущерба), по отношению к проведению контрольных (надзорных) мероприятий (п. 1 ст. 8). Реализация этой задачи должна способствовать добросовестному соблюдению обязательных требований. Значимость профилактических мероприятий подчеркнута и в определении самого государственного контроля (надзора). Согласно ст. 1 названного федерального закона под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в том числе посредством профилактики нарушений обязательных требований.

Следует отметить, что, несмотря на заявленный приоритет, институт «профилактических мероприятий» в современном законодательстве представляется слабо разработанным. «Предотвращение» нарушений обязательных требований традиционно относилось к задачам контрольной

10 Григоренко Д. Цель надзора – помочь бизнесу, а не наказать [Электронный ресурс]. URL: government.ru/news/45755/ (дата обращения: 01.02.2023).

11 О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (с изм. и доп. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 50 (ч. III), ст. 8792.

12 Так, если в 2021 г. федеральными органами власти было проведено 726 392 проверки, то за первые 11 месяцев 2022 г. – 355 215 проверок, а общее количество контрольно-надзорных мероприятий в 2022 г. существенно ниже, чем в 2020 г., во время пандемии COVID-19 (Контроль и надзор в 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: inspections.enforce.spb.ru (дата обращения: 01.02.2023) ; Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: knd.ac.gov.ru/wp-content/uploads/2022/07/Doklad-KND-2021.pdf (дата обращения: 01.02.2023)).

13 Динамика индекса качества регуляторной среды, по версии Всемирного банка (Worldwide Governance Indicators), за весь период реформы контрольно-надзорной деятельности (с 2016 по 2021 г.) отрицательная. В 2021 г. Россия ухулила свои показатели качества регуляторной среды и переместилась с 132-го на 141-е место, уступив 67 % индексируемых стран (Worldwide Governance Indicators [Электронный ресурс]. URL: info.worldbank.org/governance/wgi (дата обращения: 01.02.2023)).

14 В Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в 2016 г. была закреплена обязанность применения контрольными (надзорными) органами профилактических мероприятий. Под такими мероприятиями понимались: размещение на официальных сайтах в сети Интернет перечней нормативных правовых актов или их частей, содержащих обязательные требования; информирование контролируемых лиц по вопросам соблюдения обязательных требований; регулярное обобщение практики осуществления контроля (надзора); выдача предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований. Однако о приоритете профилактических мероприятий над собственно контрольными речи не шло.

деятельности наряду с их выявлением и пресечением. Однако так же традиционным является и то, что проблема определения надлежащего места института превенции до сих пор не решена¹⁵, и это в условиях, когда основными результатами реформы должны стать переход от принудительного к превентивному типу осуществления государственного регулирования, сокращение случаев причинения вреда охраняемым законом ценностям, снижение административного давления на контролируемых лиц [5]. В Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» нет легального определения профилактических мероприятий (только их перечисление), не определены принципы их осуществления, не внедрен механизм проверки правильности осуществления органами публичной власти профилактических мероприятий. В связи с тем, что профилактические мероприятия для контролируемых субъектов носят преимущественно добровольный характер, эти лица должны быть заинтересованы в их проведении. Стимулы такой заинтересованности только предстоит разработать¹⁶.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАДЗОР В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ

Еще одной особенностью состоявшейся реформы публичного контроля является его ограничение оценкой соблюдения обязательных требований. Например, ст. 25 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», называвшаяся «Государст-

венный надзор в области обращения с отходами», была изменена и в части названия, и в части содержания в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле». В настоящее время ст. 25 называется «Оценка соблюдения обязательных требований в области обращения с отходами».

Как указано в пояснительной записке к законопроекту, который впоследствии был принят и которым внесены названные изменения, его основное содержание – статьи, вносящие изменения в федеральные законы, в соответствии с которыми осуществляются виды федерального государственного контроля (надзора), виды регионального государственного контроля (надзора), виды муниципального контроля. Указанные федеральные законы приводятся в соответствии с положениями Федерального закона № 248-ФЗ¹⁷, который вступил в силу с 1 июля 2021 г. Однако почему вид «государственный надзор в области обращения с отходами» сменился на «оценку соблюдения обязательных требований», в записке не поясняется.

Согласно определению государственного контроля (надзора) оценка соблюдения гражданами и организациями обязательных требований является одной из форм контрольной деятельности, как и профилактика правонарушений, их выявление, принятие предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, а также устранение их последствий и (или) восстановление правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений, которые только в совокупности позволяют решить поставленные перед контрольной деятельностью задачи.

Можно предположить, что исключение из Федерального закона «Об отходах производства и потребления» нормы о государственном надзоре в области обращения с отходами связано с официально обозначенной необходимостью сокращения видов госу-

¹⁵ В ранее действовавшем законодательстве также предусматривалось, что деятельность органов контроля (надзора) направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований. Однако каким образом органы контроля (надзора) должны были осуществлять полномочия по предупреждению нарушений обязательных требований, не уточнялось.

¹⁶ Необходимо отметить, что в 2022 г. отмечался значительный рост профилактических мероприятий, особенно в сопоставлении с контрольными мероприятиями, число которых значительно сократилось. Однако связано это в первую очередь с тем, что в условиях моратория на плановые контрольные мероприятия профилактические стали обязательными; отказ от проведения профилактического визита в целом ряде случаев в настоящее время не допускается. (Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (с изм. и доп. от 04.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11, ст. 1715.

¹⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» : Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ (с изм. и доп. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 24 (ч. I), ст. 4188.

дарственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

По информации, включенной в Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2021 г., в результате проведенной реформы количество видов федерального контроля сократилось со 180 до 100, регионального – с 50 до 33, муниципального – с 20 до 7. Таким образом, общее уменьшение составило 95 видов контроля¹⁸. Здесь возникает целый ряд вопросов, ключевыми представляются как минимум два: были ли в действительности эти виды контроля упразднены и следовало ли их исключать?

Отвечая на первый вопрос, необходимо обратиться к новой редакции ст. 25 Федерального закона «Об отходах производства и потребления». Согласно указанной норме «оценка соблюдения обязательных требований в области обращения с отходами ... проводится в рамках федерального государственного экологического контроля (надзора) и регионального государственного экологического контроля (надзора) в соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»». Представляется очевидным, что об упразднении речи не идет, сокращение этого вида контроля произведено формально, а государственный надзор в области обращения с отходами и ранее в соответствии с законодательством относился к видам государственного экологического надзора (п. 2 ст. 65 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в ред. от 9 марта 2021 г.).

Следует ли упразднить государственный надзор в области обращения с отходами? Ответ на этот вопрос содержится в официально опубликованной информации. Согласно государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации» «в 2021 г. на территории Российской Федерации образовалось 8448,6 миллионов тонн отходов производства и потребления, что на 21,5 % выше уровня 2020 г.

Долгосрочная динамика образования отходов показывает устойчивую тенденцию увеличения их объема с 2012 г. За период с 2012 г. по 2021 г. совокупная масса отходов, образованных в Российской Федерации, увеличилась в 1,7 раза»¹⁹.

В таких фактических условиях представляются парадоксальными цели снижения административного давления, приоритета профилактических мероприятий, упразднения контроля за обращением с отходами и др. Только действенный контроль за всеми мероприятиями по обращению с отходами, переход на цифровые технологии могут стать эффективными в решении задачи по предотвращению постоянного увеличения количества отходов, а в последствии и их сокращению. Нельзя допускать насаждения «модных» инструментов, механизм реализации которых отсутствует. Яркий пример – попытка внедрения раздельного сбора твердых коммунальных отходов. Социальная реклама, иная популяризация, раздельные контейнеры для сбора разных видов отходов, а в итоге для всех видов отходов одна машина-перевозчик с одним баком на все виды отходов, которые просто по очереди из разных сортировочных баков скидываются в один для перемещения.

Не меньшим парадоксом в этой сфере является и то, что согласно всем официальным источникам, в том числе и названному государственному докладу, наибольшее количество отходов образуется в промышленном производстве и при добыче полезных ископаемых – 86,8 % от общего количества всех образующихся отходов в Российской Федерации²⁰. При этом в последнее время основное внимание теоретиков и практиков, вслед за законодателем, было сосредоточено на вопросах обращения твердых коммунальных отходов. Теме промышленных отходов уделялось мало внимания. А это не то что не менее

19 Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Раздел «Документы» [Электронный ресурс]. URL: www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2021 (дата обращения: 01.02.2023).

20 См., также: Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г. // Собрание законодательства РФ. 2018, № 6, ст. 920.

18 Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: knd.ac.gov.ru/wp-content/uploads/2022/07/Doklad-KND-2021.pdf (дата обращения: 01.02.2023).

важная экологическая проблема, но в количественном и качественном значении – с точки зрения негативного воздействия на окружающую среду – и более значительная.

Опять-таки, обращаясь к уже названному государственному докладу «О состоянии и охране окружающей среды в Российской Федерации», нельзя не заметить, что в его структуре в качестве самостоятельного выделен раздел, посвященный твердым коммунальным отходам, и отсутствует специальный раздел по промышленным отходам. Эта структура отчета представляется не случайной, а действительным отражением направлений деятельности. Сложившаяся ситуация требует кардинального изменения подходов, что подчеркивается и в официальных программных документах. Как справедливо было отмечено С.Н. Русиным, «в демократическом правовом государстве политика вообще и экологическая политика в частности не может формироваться без участия широкого круга субъектов. Обязательными участниками этих процессов должны быть, наряду с органами власти различного уровня и соответствующими должностными лицами, граждане и общественные организации» [6, с. 12]. К этому перечню представляется необходимым добавить и научное сообщество как профессионального участника этих отношений с целью научного осмысления предлагаемых изменений²¹.

Следует отметить, что тема правового регулирования отношений в области промышленных отходов все чаще обсуждается в научном сообществе [7]. Примером и подтверждением возрастающего научного и практического внимания к теме промышленных отходов, контроля за их обращением может служить проведенная 29 сентября 2022 г. Всероссийская конференция «Государственный экологический контроль (надзор) за обращением с промышленными отходами». Организатором

конференции выступили Институт права Башкирского государственного университета (ныне – Уфимский университет науки и технологий) и Южно-Уральское межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Всеми участниками конференции – учеными и практикующими юристами – была обозначена важность обращения к выбранной проблематике²².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, в рассматриваемой сфере немаловажное значение имеет и решение других проблем, как теоретических (от отсутствия легального термина «промышленные отходы», которые обладают не меньшей спецификой, чем твердые коммунальные отходы, вплоть до решения вопроса о том, являются ли вещества, образуемые в процессе осуществления производственной деятельности и добычи полезных ископаемых, отходами в понимании Федерального закона «Об отходах производства и потребления» как «вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению»), так и практических (например, развитие промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов). Однако все это обуславливает необходимость увеличения эффективности государственного контроля не за счет невыявления правонарушений в условиях непроведения контрольных мероприятий, а в первую очередь за счет взвешенной (не механической – формальное сокращение видов контроля, нормативных правовых актов по принципу «1 вместо 2») оптимизации процессов контрольной деятельности и внедрения новых цифровых технологий.

²¹ В настоящее время, по субъективным оценкам автора, практика привлечения представителей науки уступает место так называемым правовым экспериментам, которые первоначально ограничиваются либо по территориальному принципу, либо по принципу времени действия и позволяют, по мнению законодателя, создать прообраз будущего правового регулирования.

²² Автор выражает отдельную признательность Р.Х. Гиззатуллину, доктору юридических наук, заведующему кафедрой экологического и трудового права Института права ФГБОУ «Уфимский университет науки и технологий», за приглашение принять участие в работе названной конференции и за ее блестящую организацию.

Список источников

1. Голиченков А.К. Экологический контроль: теория и практика правового регулирования / А.К. Голиченков. – Москва : МГУ, 1991. – 325 с.
2. Петров В.В. Закон Российской Федерации об охране окружающей природной среды: концепция и механизм реализации / В.В. Петров // Государство и право. – 1992. – № 11. – С. 73–84.
3. Спиридонов А.А. Комплексное реформирование контроля и надзора: отечественный опыт в конституционно-правовом измерении / А.А. Спиридонов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 102–116.
4. Гордиенко У.Н. Тенденции развития контрольно-надзорной деятельности в рамках «регуляторной гильотины» / У.Н. Гордиенко // Административное право и процесс. – 2022. – № 10. – С. 85–88.
5. Переседов А.М. Институт превенции в законодательстве о контроле (надзоре) / А.М. Переседов // Административное право и процесс. – 2021. – № 12. – С. 51–54.
6. Русин С.Н. Экологическая политика и право. Проблемы формирования и реализации / С.Н. Русин // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 9–15.
7. Закупень Т.В. Особенности перехода права собственности на отходы промышленного производства в рамках заключения концессионных соглашений государственно-частного партнерства / Т.В. Закупень // Хозяйство и право. – 2022. – № 4. – С. 90–105.

REFERENCES

1. Golichenkov A.K. Environmental control: theory and practice of legal regulation. Moscow State University Publ., 1991. 325 p.
2. Petrov V.V. Law of the Russian Federation on the Protection of the Environment: Concept and Implementation Mechanism. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1992, no. 11, pp. 73–84. (In Russian).
3. Spiridonov A.A. Control and supervision comprehensive reform: domestic experience through constitutional law dimension. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 10, pp. 102–116. (In Russian).
4. Gordienko U.N. Development trends of control and supervision activities within regulatory guillotine. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Procedure*, 2022, no. 10, pp. 85–88. (In Russian).
5. Peresedov A.M. The institution of prevention in laws on control (supervision). *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Procedure*, 2021, no. 12, pp. 51–54. (In Russian).
6. Rusin S.N. Ecological policy and law. Problems of formation and implementation. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*, 2016, no. 3, pp. 9–15. (In Russian).
7. Zakupen T.V. Peculiarities of the transfer of the property right to industrial waste within the framework of conclusion of concession public-private partnership agreements. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*, 2022, no. 4, pp. 90–105. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Заславская Надежда Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zaslavskaya Nadezhda Mikhailovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Environmental and Land Law, Faculty of Law.

Статья поступила в редакцию 25.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 19.04.2023. The article was submitted 25.03.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 19.04.2023.

Научная статья
УДК 349.4, 349.6
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.5

Original article

ЗЛОТНИКОВА Тамара Владимировна
Московский государственный университет
геодезии и картографии (МИИГАиК),
Москва, Россия;
e-mail: tzlotnikova@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-0540-0399>

ZLOTNIKOVA Tamara Vladimirovna
Moscow State University of Geodesy and
Cartography (MIIGAiK), Moscow, Russia.

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ИННОВАЦИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ОПАСНЫМИ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОТХОДАМИ

THE ROLE OF LEGAL INNOVATIONS AND ENVIRONMENTAL EXPERTISE IN ENSURING
THE SAFETY OF HAZARDOUS INDUSTRIAL WASTE MANAGEMENT

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных глобальных экологических проблем современности, связанной с накоплением отходов производства и потребления, в особенности наиболее токсичных и опасных промышленных отходов I и II класса опасности. Представлен анализ динамики и отдельных изменений, внесенных в последние годы в законодательство об отходах. С учетом личного участия рассмотрены результаты рецензирования государственной экологической экспертизы проекта одного из планируемых в стране промышленных объектов по переработке отходов I и II класса опасности в Кировской области. Поскольку планы по размещению подобных объектов затрагивают несколько российских регионов, отраженные в статье проблемы могут представлять интерес для обеспечения экологической безопасности всей страны. Цель: анализ динамики изменений законодательства об отходах производства и потребления, а также роли государственной и общественной экологических экспертиз в обеспечении безопасности предприятий по переработке опасных промышленных отходов I и II класса опасности. Методы: сравнения, описания, формальной и диалектической логики, юридико-догматический, толкования правовых норм. Результаты и выводы: показана экологическая опасность некачественного проведения государственной экологической экспертизы, особенно экспертизы объектов высокой промышленной опасности. Отмечена роль общественной экологической экспертизы в случаях, когда ее результаты затрагивают экологические интересы миллионов граждан. На основании положений экологического законодательства аргументирована недопустимость и опасность реализации без серьезной доработки и корректировки проектов промышленных предприятий по переработке отходов I и II классов опасности, запланированных в нескольких регионах страны.

Abstract. The paper is devoted to one of the topical global environmental problems of our time connected with the accumulation of production and consumption waste, especially the most toxic and hazardous industrial waste of the 1st and 2nd hazard classes. The author presents an analysis of the dynamics and some changes made in recent years to the waste legislation. Taking into account personal participation, the author considers the results of the review of the state environmental expertise of the project of one of the planned industrial facilities in the country for processing of waste of the 1st and 2nd hazard classes in the Kirov region. Since the plans to locate such facilities affect several Russian regions, the problems reflected in the article may be of interest to ensure the environmental safety of the whole country. Purpose: to analyze the dynamics of changes in the legislation on production and consumption waste, as well as the role of state and public environmental expertise in ensuring the safety of facilities for processing of hazardous industrial waste of the 1st and 2nd hazard classes. Methods: comparison, description, formal and dialectical logic, legal-dogmatic, interpretation of legal norms. Results and conclusions: the paper shows the ecological danger of poor-quality state environmental expertise, especially when considering objects of high industrial danger. The role of public environmental expertise is noted in cases when its results affect the environmental interests of millions of citizens. Based on the provisions of the environmental legislation, the paper substantiates the inadmissibility and danger of implementation without serious development and adjustment of projects of facilities for processing of waste of the 1st and 2nd hazard classes, planned in several regions of the country.

Ключевые слова: законодательство об отходах, отходы производства, токсичные и опасные отходы, переработка отходов 1–2 класса опасности, государственная экологическая экспертиза, общественная экологическая экспертиза, безопасное обращение с опасными промышленными отходами

Для цитирования: Злотникова Т.В. Роль правовых инноваций и экологической экспертизы в обеспечении безопасности обращения с опасными промышленными отходами / Т.В. Злотникова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 38–45.

Keywords: waste legislation, industrial waste, toxic and hazardous waste, processing of waste of the 1st and 2nd hazard classes, state environmental expertise, public environmental expertise, safe hazardous industrial waste management

For citation: Zlotnikova T.V. The role of legal innovations and environmental expertise in ensuring the safety of hazardous industrial waste management. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 38–45 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.5.

Предпосылки изменений законодательства об отходах

С момента принятия в России Федерального закона «Об отходах производства и потребления»¹ (далее – ФЗ № 89, Закон об отходах) прошло уже без малого четверть века. Вполне понятно, что за этот период текст закона претерпел неоднократные изменения многочисленными поправками, внесенными почти пятьюдесятью законодательными актами, что вызвано необходимостью совершенствования этого непростого закона.

На национальном уровне проблема обращения с отходами производства и потребления имеет в последние годы стойкую тенденцию к обострению, то есть отмечен стабильный рост объемов образования таких отходов. Да и в глобальном масштабе эта проблема остается одной из наиболее напряженных среди экологических. Об этом свидетельствуют экспертные прогнозные оценки, изложенные в докладе Всемирного банка, посвященном глобальным экологическим загрязнениям². Так, к 2050 г. количество ежегодно производимых на планете бытовых отходов, то есть мусора, может превысить 3,4 млрд тонн, тогда как в 2016 г. этот показатель чуть превышал 2 млрд тонн. Но с учетом ожидаемого роста населения планеты вследствие происходящей урбанизации такие объемы могут в действительности оказаться еще выше. Даже оценки международных экспертов указывают на ежегодный прирост образования отходов до 70 %. Приведенные данные показывают, что повышение эффективности

правового регулирования обращения с отходами производства и потребления является крайне своевременной и весьма актуальной мерой по решению наиболее острой современной экологической проблемы.

Подобные весьма тревожные данные последних десятилетий опубликованы в экспертно-аналитическом докладе «Анализ проблем и оценка состояния сферы управления отходами производства и потребления в Российской Федерации», выполненном Санкт-Петербургским специализированным экспертным подразделением по экологической безопасности по заданию и в рамках плана работы Счетной палаты РФ в 2013 г.³ Эксперты указывают, что в России «фактически отсутствует системная переработка и обезвреживание отходов производства и потребления». По уровню сбора и перерабатываемых отходов Россия серьезно отстает от большинства стран европейского континента. В нашей стране по причине отсутствия соответствующих мощностей и инфраструктуры только 4–5 % коммунальных отходов поступают на переработку. И хотя указанные данные за последующие годы несколько улучшились, они далеки от показателей многих развитых стран.

В отличие от нашей страны показатели переработки отходов в ведущих европейских странах значительно отличаются. Например, доля размещенных на шведских полигонах бытовых отходов составляет менее 1 %, при этом утилизируется 99 % отходов, что является одним из лучших мировых показателей⁴.

1 Об отходах производства и потребления : Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/Документы/cons_doc_LAW_19109 (дата обращения: 10.03.2023).

2 Всемирный банк: количество мусора на планете может увеличиться к 2050 году на 70 % [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5589242>, 21.09.2018 (дата обращения: 02.02.2023).

3 Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ проблем и оценка состояния сферы управления отходами производства и потребления в Российской Федерации» по п. 2.2.11.5 Плана работы Счетной палаты РФ на 2013 г., Санкт-Петербург, 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: seppreb.ru/node/144 (дата обращения: 02.02.2023).

4 Нулевые отходы: как в Швеции решают проблему мусора [Электронный ресурс]. URL: tass.ru/obschestvo/4285030 (дата обращения: 10.02.2023).

Подобных впечатляющих результатов в большинстве стран Европы, где перерабатывается более половины твердых бытовых отходов, позволил достичь принцип «минимизации или предотвращения образования отходов за счет внедрения малоотходных технологий, а также организация эффективной системы раздельного сбора мусора»⁵.

Отдельно следует отметить наиболее острую проблему опасных отходов. Мировое сообщество выработало ряд межгосударственных мер, особенно в части совершенствования правовых механизмов трансграничного перемещения опасных отходов и эффективного контроля за ним, что в разной степени регламентируется несколькими международными документами, основным из которых является Базельская конвенция, ратифицированная Россией еще в 1994 г.⁶

НОВОВВЕДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТХОДАХ

Реформирование всего правового регулирования и динамика вносимых изменений в российское законодательство об отходах весьма впечатляют и осуществляются очень неравномерно. Если в первый период после принятия вышеупомянутого специального законодательного акта по обращению с отходами (с 1998 по 2013 г. включительно) изменения и дополнения в него внесены 20 законами, то за последующий вдвое короткий временной период (с 2014 г. по конец 2022 г.) в Закон об отходах внесены изменения 26 федеральными законами и одним Постановлением Конституционного Суда РФ⁷.

Подобная динамика указывает на большую правовую нестабильность и пробель-

ность законодательных норм в данной сфере. При этом внесенные с декабря 2014 г. изменения и дополнения в Закон об отходах столь существенны и радикальны, что позволили им дать персональное название – «мусорная реформа»⁸.

В результате внесения новых правовых конструкций указанный закон по количеству статей увеличился более чем вдвое (появилось около трех десятков новых статей и даже новая глава 5.1). Наряду с общими требованиями к обращению с отходами всех пяти классов опасности в современном законе отдельно выделены правовые требования к обращению с отходами I и II классов опасности. Для этих целей предложен ряд правовых нововведений: определены условия организации и полномочия специального органа – Федерального оператора по обращению с опасными отходами (ст. 14.1 ФЗ № 89), предусмотрена разработка федеральной схемы обращения с ними (ст. 14.2 ФЗ № 89).

Для обеспечения информированности при реализации деятельности по обращению с наиболее опасными отходами (I и II классов опасности), а также учета и контроля обращения с такими отходами и на основании новой статьи 14.3 упомянутого законодательного акта была образована федеральная государственная информационная система учета и контроля за обращением с отходами I и II классов опасности⁹.

Важным документом в укреплении регулирования накопившихся в России проблем, связанных с обращением с отходами, стала Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г.¹⁰, принятая распоряжением Правительства РФ.

5 Утилизация промышленных отходов в России и мире: проблемы и решения [Электронный ресурс]. URL: magazine.neftegaz.ru3, 2020. Экология (дата обращения: 11.02.2023).

6 О ратификации Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением: Федеральный закон от 25.11.1994 № 49-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/Документы/cons_doc_LAW_15629 (дата обращения: 11.02.2023).

7 По делу о проверке конституционности положений статьи 24-1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» в связи с запросом Арбитражного суда Республики Карелия: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2019 № 30-П [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329467/ (дата обращения: 11.02.2023).

8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления»: Федеральный закон от 29.12.2014 № 458-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: base.garant.ru/70831116/ (дата обращения: 11.02.2023).

9 О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»»: Федеральный закон от 26.07.2019 № 225-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document...0001201907260078> (дата обращения: 11.02.2023).

10 Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р // Собрание законодательства РФ. 2018. № 6, ст. 920.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Следует отметить, что в научной литературе очень мало работ, посвященных правовым вопросам проблем отходов, в том числе токсичных и опасных. Одним из первых научных исследований, заложивших теоретико-правовые основы для исследования вопросов обращения с опасными токсичными веществами, в том числе и отходами, является диссертационная работа М.М. Бринчука [1]. Особая значимость и ценность ее заключается в том, что она была подготовлена в период отсутствия специального самостоятельного законодательного регулирования одной из основных экологических проблем России.

Весьма ценный вклад в развитие эколого-правовых подходов к решению и развитию накопившихся многогранных проблем, связанных с вредными промышленными отходами, внесли диссертационные работы других ученых.

Так, С.В. Львович развивает идеи по совершенствованию контрольно-надзорных функций в отношении обращения с различными отходами, в том числе опасными [2]. Однако до сих пор не реализовано его законодательное предложение о включении в понятийный аппарат законодательства об отходах понятия «безопасное обращение с отходами».

О.Л. Радчик рассматривает не только особенности обращения с экологически опасными отходами, но и предлагает разнообразные меры юридической ответственности, необходимые для минимизации нарушений правил обращения с веществами и отходами, представляющими наибольшую экологическую опасность [3].

Н.А. Енисейская детально рассматривает разные классы опасности отходов через призму нарушений законодательства, связанных с обращением производственных и бытовых отходов. Особое внимание автор уделяет анализу предъявленных исков о возмещении экологического вреда от нарушений законодательства в сфере обращения с производственными и бытовыми отходами, а также административной ответственности за подобные нарушения [4].

М.В. Пономарев в своей диссертации, раскрывая организационные и эколого-правовые основы обращения с производственными и бытовыми отходами (от государственного регулирования деятельности при обращении с отходами, рассмотрения эколого-правовых особенностей этапов обращения с отходами производства и потребления до разработки эколого-правовых средств, необходимых для реализации принципа «расширенной ответственности производителя» в сфере обращения с отходами), справедливо отмечает «острую необходимость коренной перестройки сложившейся за десятилетия системы обращения с отходами» на территории нашей страны, называет главные причины отставания России в решении глобальных вызовов, связанных с проблемами отходов [5].

ЗНАЧЕНИЕ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ С НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫМИ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОТХОДАМИ

В контексте заявленной темы уместно рассказать об итогах личного участия в судебно-экспертной деятельности – рецензировании заключения государственной экологической экспертизы (далее – госэкоэкспертиза, ГЭЭ) по объекту «Производственно-технический комплекс по переработке отходов I и II класса опасности в Кировской области». Данное исследование проведено в соответствии с положениями федеральных законов «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹¹ и «Об экологической экспертизе»¹² на предмет оценки соответствия выполненных экспертных исследований в рамках указанной ГЭЭ требованиям федерального законодательства, а также надлежащей достоверности и обоснованности полученных выводов. Рецензирование проводилось в рамках подготовки судебного обжалования указанного заключения госэкоэкспертизы на основании Методических рекомендаций НП «СПО судебных экспертов»,

11 О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 15.02.2023).

12 Об экологической экспертизе : Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: [consultant.ru/Документы/cons_doc_LAW_8515](https://www.consultant.ru/Документы/cons_doc_LAW_8515) (дата обращения: 11.02.2023).

изданных для проведения подобных судебно-экспертных исследований¹³.

В России планируется к размещению несколько подобных однотипных потенциально опасных объектов. В 2022 г. на территории специальных объектов в четырех регионах страны завершилось уничтожение российского химического оружия, и эти объекты было решено переоборудовать в предприятия по переработке и утилизации отходов I и II классов опасности.

Указанный проект с предлагающимися неапробированными технологиями оказался не только экологически ущербным, он был санкционирован несовершеннолетней и недостаточно профессиональной госэкоэкспертизой, проведенной с серьезными нарушениями экологического законодательства. Следует отметить, что проект не был позитивно воспринят и поддержан населением. Граждане включились в активную борьбу, используя все доступные способы: от многочисленных обращений в контрольно-надзорные органы вплоть до коллективных жалоб Президенту страны и судебных обжалований принятых разрешительных заключений, для чего была организована общественная экологическая экспертиза проектных материалов. Подобная гражданская активность по неприятию размещения экологически опасных производств и сопровождающих их недостаточно продуманных разрешительных и управленческих решений более чем обоснованна.

Характерно, что при проведении госэкоэкспертизы на все четыре чрезвычайно опасных объекта был применен практически конвейерный подход с одним и тем же экспертным составом. Более того, все четыре экспертизы были проведены в единые сроки и утверждены представителем руководства Росприроднадзора в один день. Очевидно, что такой «поточно-конвейерный» подход не способствует интересам экологической безопасности и тем более абсолютно неприемлем при рассмотрении подобных экологически опасных проектов для уполномоченного органа, ответственного за государственную экологическую экспертизу.

¹³ Методические рекомендации по оценке соответствия выполненных экспертных исследований и их оформления требованиям федерального законодательства, методикам исследований и методическим рекомендациям, а также надлежащей достоверности и обоснованности полученных выводов, утв. Протоколом заседания контрольного комитета НП «СПО судебных экспертов» № 995 в ред. от 13.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: exprus.academy «Рецензирование» Методика (дата обращения: 29.11.2022).

Автор публикации, являясь не только автором-разработчиком Федерального закона «Об экологической экспертизе» (будучи депутатом, заместителем, а затем председателем Комитета по экологии Госдумы РФ 1-го и 2-го созывов), но и аудитором-экологом с многолетним стажем, приняла непосредственное участие как дипломированный судебный эксперт в рецензировании итогов госэкоэкспертизы по проектному решению одного из четырех промышленных объектов – ПТК «Марадыковский» в Кировской области. Сравнение текстов всех четырех заключений госэкоэкспертизы объектов, как и технологическая схожесть самих проектов, показало идентичность всех недостатков, нестыковок кировских проектных предложений с другими аналогичными, а также их непроработанность. Кроме того, рецензенты отметили в целом низкое качество экспертного заключения, выводов госэкоэкспертиз – почти идентичных, как «под копирку», по всем четырем промышленным объектам.

Рецензентам предстояло ответить на десять поставленных перед ними вопросов, включая соблюдение установленных законодательством процедуры, порядка и качества проведенной ГЭЭ. Их интересовали вопросы независимости, компетентности и наличия необходимых знаний экспертов комиссии госэкоэкспертизы, соответствующие специфике экспертируемого ими объекта, включая «всесторонний, полный, объективный и комплексный анализ» не только представленных заказчиком на государственную экоэкспертизу материалов, но и их соответствие требованиям законодательства. Кроме того, предстояло выявить обоснованность и полноценность выводов ГЭЭ о соответствии проектных технологических решений требованиям промышленной и экологической безопасности, учете передовых достижений отечественной и зарубежной науки и техники, общественного мнения, а также о правильности оценки масштабов предполагаемого экологического воздействия от эксплуатации такого опасного объекта на население и окружающую природу. Ответы на все поставленные вопросы должны были показать обоснованность или необоснованность выводов членов госэкоэкспертизы. Необходимо отметить, что ни на один вопрос, поставленный перед рецензентами, не было дано ни одного удовлетворительного и утвердительного ответа.

Подчеркнув серьезные упущения и недоработки материалов проекта, авторы рецензии опирались не только на нормы и требования экологического законодательства, но и на современные данные отечественной и зарубежной науки в части технологий, связанных со спецификой объекта ГЭЭ. При этом отмечена поверхностность результатов госэкспертизы в части очевидных недостатков проекта, столь серьезных, что положительный вердикт ГЭЭ по объекту экспертизы совершенно недопустим. Так, в заключении госэкспертизы вообще не было указано на отсутствие требуемых законодательством обязательных проектных проработок по альтернативным вариантам размещения предприятия, включая «нулевой вариант», предусматривающий полный отказ от его создания.

Не менее серьезным нарушением заключения ГЭЭ можно считать полное отсутствие анализа потенциального диоксинового загрязнения атмосферного воздуха (соответственно, опосредованно вод и почв), которое неминуемо при реализации проектной экологически ущербной технологии, о чем свидетельствуют многочисленные зарубежные и отечественные научные данные, приведенные в рецензии, например, научные исследования В.Г. Петрова, доказывающего серьезные диоксиновые загрязнения при сжигании отходов разного класса опасности [6]. Однако эксперты ГЭЭ эту проблему проигнорировали, хотя только по этой причине проект должен был быть отправлен на доработку.

Еще более опасным по своим последствиям недостатком рассматриваемой госэкспертизы является игнорирование отсутствия в проектных материалах отдельных положительных заключений ГЭЭ и сведений об апробации совершенно новых для России технологий (как это требуется по законодательству об экоэкспертизе и о промышленной безопасности).

Таковыми же неприемлемыми и опасными для экологической безопасности страны являются проектные мощности по переработке ртутьсодержащих отходов, которые совершенно не обоснованны и серьезно превышают реальные российские потребности (с учетом мощностей уже действующих в стране установок по демеркуризации). ФГУП Федеральный экологический оператор (ФГУП ФЭО), как заинтересованный заказчик ГЭЭ, а в дальнейшем и ответственный за эксплуатацию подобных предприятий по всей стране, в аналогичных материалах другого проекта аргу-

ментирует избыточно заявленные мощности для переработки ртутьсодержащих отходов. Об этом сам заказчик ПТК – ФГУП ФЭО – прямо говорит в материалах обосновывающей документации другого аналогичного ПТК «Северо-Запад» в Калужской области, где на странице 18 прямо указано, что строительство данного объекта связано с «перспективами развития направления международного сотрудничества путем приема отходов от соседних стран (Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония и пр.)».

Подобные проектные решения с мощностями переработки ртутьсодержащих отходов, многократно превышающими внутренние потребности страны, предназначенные для завоза из-за рубежа высокотоксичных ртутьсодержащих отходов, противоречат не только отечественному законодательству, но и международным обязательствам России по Базельской конвенции, которая напрямую запрещает трансграничное перемещение таких токсичных высокоопасных отходов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СУДЕБНЫМИ ЭКСПЕРТАМИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГОСЭКОЭКСПЕРТИЗЫ (С УЧЕТОМ ЛИЧНОГО УЧАСТИЯ АВТОРА ПУБЛИКАЦИИ)

На основании изложенного судебные эксперты сделали вывод о приготовлении к опасному и массовому (с учетом запланированных нескольких подобных предприятий) экологическому преступлению с многочисленными нарушениями положений действующего экологического законодательства и международного обязательства. Уголовное законодательство России за подобные деяния, то есть за приготовление к преступлению (ст. 30), обозначенному в ст. 247 УК РФ (за нарушение правил обращения с опасными отходами и веществами), предусматривает серьезную уголовную ответственность.

Кроме того, рецензентами в работе госэкспертизы отмечено еще несколько серьезных нарушений экологического законодательства (в части игнорирования требований по применению наилучших доступных технологий, по обеспечению промышленной безопасности и т. д.).

Рассмотрев дополнительно все три проведенные по проекту кировского предприятия общественные экологические экспертизы, рецензенты пришли к выводу о том, что и в этом вопросе со стороны уполномоченного органа – Росприроднадзора, организовавшего

и утвердившего рецензируемую госэкоэкспертизу, также отмечены не менее серьезные нарушения законодательства об экологической экспертизе.

Основные аспекты указанной судебно-экспертной деятельности не только доложены и приобщены к материалам, переданным в суд для оспаривания результатов ГЭЭ, но и публично доложены автором статьи общественности Кировской области. Кроме того, эти результаты представлены и в другом заинтересованном регионе (Ижевск), где предусмотрено размещение аналогичного объекта по утилизации особо опасных отходов, на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правовой охраны окружающей среды и природопользования» (посвящена памяти основателя эколого-правового образования в Удмуртской Республике доктора юридических наук, профессора В.Н. Яковлева) и опубликованы в реферативном журнале [7]. Важен отклик со стороны представителя природоохранной прокуратуры удмуртского региона, участвовавшего в работе указанной научной конференции. Заинтересовавшись темой и результатами выступления, природоохранные прокуроры запросили полную версию рецензии для принятия мер прокурорского реагирования по аналогичному объекту в своем регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами не только проведен анализ ряда инновационных изменений законодательства об отходах, связанных с правовым регулированием обращения высокотоксичных отходов, но и показана практическая реализация указанных экологических норм. В частности, пунктирно, без концентрации на деталях и подробностях, указаны основные нестыковки, несовершенства и недоработки проектных решений, противоречащих требованиям законодательства. На конкретных фактах и законодательных нормах показано, что неудовлетворительное, недопустимо низкого качества заключение и результаты проведенной ГЭЭ по проектной документации производственного комплекса в Кировской области по утилизации наиболее токсичных и опасных отходов и выводы указанной ГЭЭ грубо противоречат действующему экологическому законодательству. Неслучайно суд, куда граждане совместно с общественной организацией обратились за оспариванием результатов рецензируемой некачественной ГЭЭ по кировскому объекту,

приобщил рецензию судебных экспертов к материалам дела.

Ранее отмеченное наличие четырех аналогичных объектов к размещению по практически одинаковым проектным решениям и технологиям, а также почти одинаковым заключениям ГЭЭ по всем четырем производственным комплексам в разных регионах позволяет заявлять о недопустимости реализации всех указанных объектов чрезвычайной опасности без коренных доработок и корректировок технологических решений. В обязательном порядке также требуется серьезная доработка оценки воздействия на состояние окружающей среды, в составе которой должен быть проработан «нулевой вариант», то есть возможный полный отказ от размещения промышленных объектов в регионах, уже и без того экологически напряженных из-за проведенного в них уничтожения накопленных запасов химического оружия.

Опасные по своим очевидным предсказуемым и тем более по непредсказуемым последствиям технологии и проекты, которые при реализации могут грубо нарушить основополагающие гражданские права на здоровье и экологически безопасную среду проживания, не должны реализовываться. Именно в этом основной смысл всех требований и норм законодательства об экологической экспертизе и предназначение госэкоэкспертизы, с которой эксперты не справились.

Следует отметить, что уже принятые и санкционированные уполномоченными госорганами проектные решения не так просто отменить или хотя бы изменить в сторону их экологизации. Но неединичные примеры последних лет в разных регионах страны показывают возможность корректировки или вообще отмены подобных экологически невыверенных решений. Такое благоприятное для местного населения развитие событий возможно только до начала реализации проектных решений, причем исключительно при серьезной активности и профессионализме заинтересованных граждан, поддерживаемых местной властью. Ведь все жители региона, от рядовых граждан до местных элит и представителей разного уровня власти и контрольно-надзорных органов, живут на одной земле, в одной и той же местности с одинаковой окружающей природой и дышат одним и тем же воздухом. Следовательно, среда жизнедеятельности и существования в регионе на всех одна: она либо для всех комфортная и благоприятная, здоровая и благополучная, либо для всех неблагоприятная. Тут выбор однозначен и очевиден.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бринчук М.М. Правовая охрана окружающей среды от загрязнения токсичными веществами : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / М.М. Бринчук. – Москва, 1991. – 363 с.
2. Львович С.В. Правовое регулирование обращения с отходами производства и потребления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / С.В. Львович. – Саратов, 2000. – 176 с.
3. Радчик О.Л. Юридическая ответственность за нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / О.Л. Радчик. – Москва, 2001. – 216 с.
4. Енисейская Н.А. Государственный контроль в области обращения с отходами производства и потребления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Н.А. Енисейская. – Москва, 2007. – 200 с.
5. Пономарев М.В. Правовое регулирование охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / М.В. Пономарев. – Москва, 2020. – 216 с.
6. Петров В.Г. Расчет количества образовавшихся диоксинов в дымовых газах установок по сжиганию отходов и оценка токсичности газовой смеси / В.Г. Петров // Химическая физика и мезоскопия. – 2016. – Т.18, № 3. – С.460–467.
7. Злотникова Т.В. К вопросу об экологической безопасности объектов по утилизации и обезвреживанию наиболее опасных промышленных отходов: мнение судебного эксперта и автора закона об экологической экспертизе // Т.В. Злотникова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2022. – Т. 32, вып. 3. – С. 511–520.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Злотникова Тамара Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой земельного права и государственной регистрации недвижимости факультета управления территориями, заслуженный эколог Российской Федерации, почетный работник охраны природы, академик Российской экологической академии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zlotnikova Tamara Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Land Law and State Registration of Real Estate, Faculty of Territorial Management, Honored Ecologist of the Russian Federation, Honorary Worker of Nature Protection, Academician of the Russian Ecological Academy.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 27.04.2023. The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 27.04.2023.

REFERENCES

1. Brinchuk M.M. Legal protection of the environment from pollution by toxic substances. Doct. Diss. Moscow, 1991. 363 p.
2. Lvovich S.V. Legal regulation of the treatment of production and consumption wastes. Cand. Diss. Saratov, 2000. 176 p.
3. Radchik O.L. Legal liability for violation of the rules for handling environmentally hazardous substances and wastes. Cand. Diss. Moscow, 2001. 216 p.
4. Yeniseiskaya N.A. State control in the field of production and consumption waste management. Cand. Diss. Moscow, 2007. 200 p.
5. Ponomarev M.V. Legal regulation of environmental protection in production and consumption waste management. Cand. Diss. Moscow, 2020. 216 p.
6. Petrov V.G. Calculation of the amount of dioxins formed in the flue gases of waste incinerators and assessment of the toxicity of the gas mixture. *Himicheskaya fizika i mezoskopiya = Chemical Physics and Mesoscopy*, 2016, vol. 18, no. 3, pp.460–467. (In Russian).
7. Zlotnikova T.V. On environmental safety of facilities for the disposal and neutralization of the most hazardous industrial waste: opinion of a forensic expert and the author of the law on environmental expertis. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2022, vol. 32, iss. 3, pp. 511–520. (In Russian).

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна
Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;
e-mail: e.v.mihailova@bk.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>

MIKHAILOVA Ekaterina Vladimirovna
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION AND PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION

Аннотация. Осуществляемое реформирование процессуального законодательства оказывает сильное влияние на реализацию конституционных принципов судопроизводства. Конституционная обязанность российского государства по защите прав человека и гражданина в ряде случаев приводит в противоречие с процессуальной формой отправления правосудия. И напротив: конституционное право каждого на судебную защиту, понимаемое как абсолютизированное право на возбуждение судопроизводства, зачастую приводит к злоупотреблению правосудием как исключительной функцией государства. Цель: определить сущность права на судебную защиту, его границы, выявить соответствие отдельных процессуальных институтов конституционно-правовым гарантиям права на судебную защиту. Методы: формальной и диалектической логики, сравнения, толкования правовых норм, юридико-догматический. Результаты: выявлено противоречие конституционным основам теории «электронного судопроизводства», «электронного суда», «цифровизации правосудия». Принцип осуществления правосудия только судом, конституционно закрепленные требования к судье не допускают передачу полномочий по отправлению правосудия никаким другим органам власти и тем более компьютерным программам. Конституционное право на судебную защиту как объективное право необходимо отличать от права на обращение в суд по конкретному делу. Предложено ограничить право на возбуждение административного судопроизводства по делам об оспаривании нормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов государственной власти необходимостью обосновать, в чем заключается нарушение оспариваемым актом или действием (бездействием) публичного интереса (интереса неограниченного круга лиц). Обоснована необходимость законодательного закрепления критерия разграничения дел, рассматриваемых в гражданском судопроизводстве, от дел, подлежащих рассмотрению в порядке административного судопроизводства.

Abstract. The ongoing reform of procedural legislation has a strong impact on the implementation of constitutional principles of judicial proceedings. The constitutional obligation of the Russian state to protect human and civil rights in a number of cases conflicts with the procedural form of the administration of justice. Conversely, the constitutional right of everyone to judicial protection, understood as an absolute right to initiate judicial proceedings, often leads to the abuse of justice as an exclusive function of the state. Purpose: to determine the essence of the right to judicial protection, its limits, and to define whether certain procedural institutions comply with the constitutional and legal guarantees of the right to judicial protection. Methods: formal and dialectical logic, comparison, interpretation of legal norms, legal and dogmatic. Results: the paper reveals a contradiction to the constitutional foundations of the theory of «electronic justice», «electronic court», «digitalization of justice». The principle of administration of justice by the court alone and the constitutional requirements for a judge do not permit the transfer of powers to implement justice to any other authorities, let alone computer software. The constitutional right to judicial protection, as an objective right, must be distinguished from the right to apply to a court in a particular case. The article proposes to limit the right to initiate administrative proceedings in cases of challenging normative legal acts, decisions and actions (inactions) of state authorities by the need to justify the breach of the public interest (interest of unlimited number of persons) by the act or action (inaction) contested. The article justifies the necessity of legislative fixing of the criterion of differentiation of cases considered in civil proceedings from cases subject to consideration in administrative proceedings. It is proposed to fix the presence of civil law requirements in the application as a basis for refusing to accept an administrative claim and terminating the proceedings. The principle of confidentiality of

Предложено закрепить в качестве основания для отказа в принятии административного искового заявления и прекращения производства по делу наличие в заявлении требований гражданско-правового характера. Принцип конфиденциальности судебной примирительной процедуры противоречит конституционному принципу гласности судопроизводства, в силу чего более целесообразной видится «нотариальная примирительная процедура».

Ключевые слова: право на судебную защиту, конституционные принципы, процессуальная форма защиты, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, судебная примирительная процедура, гласность, конфиденциальность, электронный суд, принцип осуществления правосудия только судом

Для цитирования: Михайлова Е.В. Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту и проблемы их реализации / Е.В. Михайлова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 46–52.

the judicial conciliation procedure is contrary to the constitutional principle of publicity of the proceedings that is why the «notarial conciliation procedure» seems to be more appropriate.

Keywords: right to judicial protection, constitutional principles, procedural form of protection, civil proceedings, administrative proceedings, judicial conciliation procedure, publicity, confidentiality, electronic court, principle of administration of justice by the court alone

For citation: Mikhailova E.V. Constitutional and legal guarantees of the right to judicial protection and problems of their implementation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 46–52. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.6.

ВВЕДЕНИЕ

Конституция РФ в ст. 2 закрепляет важнейшую обязанность российского государства – признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. В ст. 45 Основного закона также обозначено, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Право каждого на судебную защиту его прав и свобод еще раз закреплено в ст. 46 Конституции.

Право на судебную защиту – это, таким образом, неотъемлемое конституционное право каждого человека, причем не только гражданина, но и лица без гражданства, иностранца. В этой гарантии наиболее ярко проявляется сущность российского государства как правового, где право и свобода главенствуют, являются высшей ценностью; государство призвано способствовать их воплощению, а в случае нарушения – принудительному восстановлению.

Можно согласиться с мнением К.В. Арановского о том, что «отношения между правом и государством таковы, что государство должно праву подчиниться. Причем государство оправдывает себя настолько, насколько остается в служебном положении, а право обращается к ресурсам государства постольку,

поскольку они нужны для его действительно-го господства, верховенства»¹.

ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Право на судебную защиту имеет абсолютный характер: никто не может быть его лишен ни по каким соображениям. Отраслевое процессуальное законодательство, последовательно раскрывая конституционно-правовые гарантии реализации этого права, в первых статьях закрепляет, что отказ от права на судебную защиту недействителен (ч. 2 ст. 3 ГПК РФ, ч. 3 ст. 4 АПК РФ).

Формулировка ч. 2 ст. 4 КАС РФ несколько иная и звучит так: «Принуждение к отказу от права на обращение в суд является недо-

¹ Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114541/cb37e4a3c8e64afcf3f357a88c6ea9de15e1bb6b/ (дата обращения: 05.03.2023).

пустимым». Она создает впечатление, что добровольно отказаться от права на обращение в суд возможно, лишь принуждать к этому – незаконно. Однако даже в том случае, если лицо поставило свою подпись в документе о том, что оно обязуется не обращаться в суд, это условие ничтожно, особенно в сфере публично-правовых отношений. Такое «обязательство» будет противоречить Конституции РФ. Поэтому представляется необходимым привести положение ч. 2 ст. 4 КАС РФ в соответствие с Конституцией РФ и по аналогии с ГПК РФ и АПК РФ закрепить такую формулировку: «Отказ от права на обращение в суд с административным иском является недействительным».

При этом нужно различать два понятия: «право на судебную защиту» и «право на обращение в суд». Анализ действующего процессуального законодательства приводит к мысли, что законодатель не всегда их разграничивает.

Право на судебную защиту – это право объективное, обращенное ко всем и к каждому. Это, в широком смысле, абстрактное право на обращение в суд. М.А. Гурвич, заложивший основы традиционного учения об иске, понимал его как «право на иск», то есть «всеобщий доступ к правосудию, который открыт всем» [1, с. 63]. В этом смысле лишить кого-либо этого права, действительно, невозможно, как невозможно, например, лишить кого-либо права стать родителем.

«Праву на иск», или на судебную защиту, противостоит «право на предъявление иска». Обладая объективной возможностью в любой момент обратиться в суд, не в каждом случае лицо может это сделать. Необходимы установленные законодательством предпосылки, а также соблюдение ряда условий. Так, требуется указать, в чем состоит нарушение права, свободы или законного интереса, легитимировать предполагаемого нарушителя, обратиться в суд по подсудности, соблюсти досудебный (претензионный) порядок урегулирования, если он требуется по закону или по условиям договора. В противном случае в принятии искового заявления будет либо отказано, либо оно будет возвращено. Это совершенно нормально. Как писал Е.В. Васьковский, «государственная власть не может оказывать своей помощи всякому, кто обращается к ней, без разбора» [2, с. 3].

Право на судебную защиту также вовсе не означает право на получение благоприятного судебного решения. Суд, проверив все обстоя-

тельства дела, может вынести решение об отказе в удовлетворении заявленных требований. То есть право на судебную защиту будет реализовано, но в конкретном случае в удовлетворении притязания – отказано. Аналогичным образом никто не может быть лишен права стать родителем, но отдельные лица при определенных обстоятельствах могут быть лишены родительских прав.

Таким образом, следует правильно понимать конституционно закрепленное право на судебную защиту. Это не право обратиться в суд, когда взбредет в голову, не право на получение благоприятного судебного решения, не механизм сведения счетов. Это исключительная, объективная возможность при наступлении ряда установленных процессуальным законодательством обстоятельств и соблюдении необходимых условий в случае невозможности свободно реализовать закрепленные в правовых нормах права, свободы и законные интересы стать стороной в деле.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА

Право на судебную защиту может быть реализовано не иначе как в установленном процессуальным законодательством порядке. При этом, как и любой нормативно-правовой акт, отраслевые процессуальные кодексы должны находиться в полном соответствии с положениями Конституции РФ. В этой связи крайне важно отметить следующее.

В последнее время научное сообщество увлечено идеями «цифровизации правосудия» и даже «электронного суда». Более того, говорят и об «электронном суде» [3, с. 54]. В специальной литературе можно встретить массу публикаций на эту тему, виднейшие процессуалисты выступают с докладами на научных мероприятиях. Например, И.В. Воронцова считает, что так называемый «электронный суд» – это наше недалекое будущее, и представляет он собой возможность получить решение по делу путем заполнения «несложных форм» [4, с. 167]. Впрочем, некоторые авторы высказывают разумные опасения. Так, пишут о том, что судьи в условиях «цифровизации правосудия» утратят свои профессиональные навыки, следствием чего будет неминуемое снижение авторитета судьи [5, с. 35].

Но обратимся к тексту Конституции РФ.

В ч. 1 ст. 118 прямо закреплено, что правосудие в Российской Федерации осуществ-

ляется только судом. Это конституционный, общеправовой принцип. Он означает, что рассмотрение и разрешение дел в процессе отправления правосудия может осуществляться только специальным органом государственной власти – судом в лице назначенного в установленном порядке судьи (или нескольких судей). Ни один другой орган власти, должностное лицо, гражданин, организация – никто не вправе осуществлять правосудие. Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет (ст. 119).

Данные конституционные нормы полностью закрывают любую дискуссию об «электронном суде» или «электронном судье». Ни одно судебное решение не будет являться законным, если оно вынесено не судом в лице назначенных в установленном порядке судей.

Функцию по отправлению правосудия действующая Конституция не позволяет переложить ни на одно должностное лицо, ни на один орган власти, помимо суда, и уж тем более не позволяет «поручить» отправление правосудия компьютерной программе.

Представляется, что все закономерные процессы развития цифровых, электронных технологий могут влиять на судопроизводство исключительно в одном аспекте – в аспекте использования компьютерных программ для формирования архивов судебных дел, для информационного сопровождения деятельности судьи (если раньше на столе у судьи лежал кодекс в виде книги, то теперь он может быть представлен в виде компьютерного файла), а также для целей так называемого «электронного документооборота», и то он должен носить дополнительный характер. Правоприменители должны сохранить возможность личного участия в судебных заседаниях, и лишь когда это объективно затруднительно – участвовать в них по видео-конференц-связи. Они должны иметь право по-прежнему подавать процессуальные документы в бумажном виде, и лишь при желании и наличии технической возможности (которая имеется далеко не у всех жителей нашей страны) – посредством заполнения соответствующих форм на сайте суда. Иными словами, речь может идти только об электронном делопроизводстве в судах. Никакие технологии не могут и не должны посягать на конституционный

принцип осуществления правосудия только судом, изменять установленную федеральным законом процессуальную форму судебной защиты. В самом деле, российский гражданский процесс в своей основе неизменно с реформы 1864 г.; несмотря на появление телефонной связи, никто не стал называть его «телефонным правосудием». Несомненно, что только судья, обладая высокими профессиональными знаниями, безупречной репутацией и жизненным опытом, может верно оценить обстоятельства конкретного дела и представленные доказательства, вынести не только правильное, но и справедливое решение по делу. Не стоит забывать, что слово «правосудие» означает «правый, то есть справедливый, суд».

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

Требуется остановиться еще на одном аспекте реализации конституционного права на судебную защиту. В соответствии со ст. 118 Конституции РФ правосудие в нашем государстве осуществляется посредством гражданского, уголовного, административного, арбитражного и конституционного судопроизводства. Такая дифференциация процессуальных форм защиты неизбежно предполагает наличие развитого института подведомственности.

Как известно, судебное решение является законным только в том случае, если оно принято в точном соответствии с нормами процессуального права. Это в своей правовой позиции подчеркнул Пленум Верховного Суда РФ². Поэтому наличие самостоятельного процессуального кодекса, предусматривающего порядок рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел, является основанием для отмены даже правильного по существу решения, вынесенного судом по иным правилам, в рамках применения иного процессуального кодекса. Следовательно, необходим критерий или правило разграничения дел, рассматриваемых по правилам гражданского и арбитражного судопроизводства, и дел, подлежащих рассмотрению в рамках административного судопроизводства по правилам КАС РФ. На се-

² О судебном решении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45640/ (дата обращения: 05.03.2023).

годняшний день такой законодательно закрепленный критерий отсутствует.

Между тем Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что дела, возникающие в сфере публично-правовых отношений и подлежащие рассмотрению по правилам КАС РФ, характеризуются отсутствием равенства субъектов и автономии их воли. Пленум указал, что в публично-правовой сфере одна сторона реализует по отношению к другой властные полномочия³.

Однако здесь кроется большая проблема. Дело в том, что нормами гражданского законодательства регулируется целый ряд отношений, отвечающих сформулированным Пленумом признакам. Например, все отношения в сфере пенсионного законодательства, законодательства, предусматривающего иные меры социальной поддержки, дела о лишении и ограничении родительских прав, изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд и др. характеризуются неравноправным положением участвующих в них лиц и административной «вертикалью». Тем не менее рассматриваются эти дела не в административном, а в гражданском судопроизводстве.

Нужно особо подчеркнуть, что процессуальная форма защиты права очень важна для сторон правового конфликта. Если сравнивать правила гражданского и административного судопроизводства, то очевидно, что последнее максимально нацелено на защиту слабой стороны – гражданина – в споре с органом публичной власти.

В административном судопроизводстве суд процессуально активен и может, в отличие от гражданского процесса, по собственной инициативе истребовать доказательства, выходить за пределы доводов сторон и даже – в необходимых случаях, в интересах законности – за пределы заявленных требований. Бремя доказывания в административном судопроизводстве также «смещено» в сторону органа публичной власти, который обязан доказать законность и обоснованность своих действий (бездействия), актов, решений.

Таким образом, необходим четкий законодательно закрепленный критерий отнесения дел к административному судопроизводству.

Если принять признаки публично-правовых дел, предложенные Пленумом Верховного Суда РФ, то внушительное количество дел, в настоящее время рассматриваемых судами общей юрисдикции в гражданском судопроизводстве, должно быть «перенесено» в область административного судебного процесса.

Говоря о подведомственности, надо отметить, что в настоящее время решение вопроса о том, какое судопроизводство по конкретному делу – гражданское или административное – следует возбуждать, практически отнесено на усмотрение суда. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ суд, установив в ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства по административному делу, что оно подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства.

Между тем заявитель может быть с этим не согласен. Как было показано, рассмотрение дела по правилам КАС РФ для него процессуально «выгоднее». Поэтому было бы правильнее закрепить, что суд отказывает в принятии административного искового заявления и прекращает производство по делу в случае, если заявленные требования должны быть рассмотрены по правилам гражданского судопроизводства. Заявитель в этом случае вправе обжаловать соответствующее определение суда, что в значительно более высокой степени будет служить гарантией реализации его конституционного права на судебную защиту.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ ПРИМИРИТЕЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Нужно отметить еще один момент. Конституционное закрепление получил принцип гласности судопроизводства (ст. 123 Конституции РФ). В соответствии с ним слушания всех дел в судах осуществляются в открытых судебных заседаниях, за исключением дел, в отношении которых закон прямо предусматривает проведение закрытых судебных заседаний, а также случаев, когда суд удовлетворил ходатайство лица, участвующего в деле, о проведении закрытого судебного заседания в связи с необходимостью исследовать факты и доказательства, связанные с тайной личной жизни, коммерческой тайной (ст. 10 ГПК РФ).

Принцип гласности закреплен в Конститу-

³ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205136/ (дата обращения: 05.03.2023).

ции потому, что имеет основополагающее значение: обеспечивает «прозрачность» правосудия, право общественности на осуществление контроля за независимостью судебной власти. При этом в 2019 г. в действующее гражданское, арбитражное и административное процессуальное законодательство были внесены серьезные дополнения. Речь идет о «судебной примирительной процедуре», имплементированной в цивилистический процесс и административное судопроизводство.

Прежде всего, встает вопрос о том, насколько примирительная функция отвечает конституционно-правовому смыслу правосудия. Конечно, и до 2019 г. суд в порядке подготовки гражданских дел к судебному разбирательству должен был принять меры к примирению сторон. Однако они заключались в том, что суд разъяснял участникам дела их право заключить мировое соглашение и, в случае изъяснения ими такого намерения, откладывал судебное разбирательство. Примирившись вне стен суда, стороны могли представить суду свое соглашение для утверждения в качестве мирового.

Самостоятельно суд примирительной процедуры не проводил. Теперь же функцию примирения в судах осуществляют специальные субъекты – судебные примирители, в качестве которых выступают судьи в отставке, а список судебных примирителей утверждает Верховным Судом РФ.

Несмотря на то что судья, рассматривающий дело, по-прежнему сам примирительную процедуру не проводит, она все же является частью процессуальной формы, элементом судопроизводства, поскольку регулируется нормами процессуального законодательства. Складывается ситуация, при которой суд, как орган государственной власти, осуществляет дополнительную функцию по оказанию посреднических примирительных услуг. При этом судебная примирительная процедура осуществляется в условиях конфиденциальности (ст. 6 Регламента проведения судебного примирения⁴).

Представляется, что конфиденциальность судебной примирительной процедуры, возведенная в ранг судопроизводственно-

го принципа, противоречит общеправовому конституционному принципу гласности судопроизводства в Российской Федерации. Разумеется, проведение судебного примирения в открытом заседании не возымеет того эффекта, на достижение которого оно направлено. Но здесь необходимо задуматься о том, насколько органично примирительная процедура вписывается в правосудие. Было бы целесообразнее отдать примирительные процедуры на откуп, например, нотариату. Тогда судьи, не испытывая неловкости из-за того, что проверяют законность соглашений, достигнутых под руководством их коллег (судей в отставке), могли бы проверять нотариально удостоверенные соглашения о примирении и, в случае их соответствия всем требованиям законодательства, утверждать как мировые соглашения. Помимо совершенно очевидной разгрузки судебной системы, которой позволит достичь внедрение «нотариального примирения», такой порядок будет оперативным и, учитывая высокие профессиональные качества нотариусов, весьма надежным. Суд же при этом останется судом, разрешающим спор о праве, а не урегулирующим его.

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ ВОЗБУЖДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Наконец, важно сказать следующее. Конституционное право на судебную защиту не должно пониматься как «право на сутяжничество». Суд – это орган государственной власти, обладающий исключительными полномочиями, и право на возбуждение судопроизводства должно иметь известные границы и условия. Например, право граждан оспаривать нормативные и ненормативные правовые акты, имеющие общеобязательный характер, решения, действия (бездействие) органов государственной власти и должностных лиц сегодня имеет абсолютный характер. Однако поскольку публичное право и интерес принадлежат не только административному истцу, но и всему обществу, неограниченному кругу лиц, право возбуждать административное судопроизводство по указанным делам должно предполагать обоснование заявителем наличия нарушения оспариваемым актом или действием (бездействием) не только его субъективного права, но и права публичного – нарушение общественного интереса. Именно об этом писал в свое время Н.М. Коркунов: «Нарушение установлен-

4 Об утверждении Регламента проведения судебного примирения : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/0dcf894c82d829f36c8108a6743fd0fd33bda8ea/ (дата обращения: 05.03.2023).

ного правом приспособления объекта к совместному пользованию затрагивает интересы всех участвующих в пользовании и потому требует мер охраны права, независимых от чьего-либо индивидуального усмотрения» [6, с. 228].

Помимо этого, в связи со сказанным, требуется переосмыслить действие таких проявлений диспозитивности в сфере разрешения дел публично-правовой природы, как право на заключение мирового соглашения. Например, в советское время по делам, возникающим из административных правоотношений, мировые соглашения не допускались⁵. Заключение мировых соглашений, скажем, в налоговых делах в арбитражном судопроизводстве несет серьезные коррупционные ри-

ски и требует если не упразднения, то введения правила об обязательном участии в деле прокурора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, можно отметить следующее. Конституция РФ, помимо своей высшей юридической силы, в которой никто, как хочется надеяться, не сомневается, является актом прямого действия и может и должна применяться судами при разрешении вопросов, не урегулированных специальными нормами процессуального законодательства. Любые изменения и дополнения, вносимые законодателем в процессуальные законы, должны строго отвечать конституционно закрепленным принципам, основным началам судопроизводства.

⁵ Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Леснической, В.К. Пучинского. Москва : Юрид. лит., 1976. С. 302.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гурвич М.А. Избранные труды / М.А. Гурвич. – Краснодар : Советская Кубань, 2006. – Т. 1. – 672 с.
2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васильковский ; под ред. В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2003. – 464 с.
3. Мезенцев И.В. О чем думает электронный судья? / И.В. Мезенцев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1 (52). – С. 54–56.
4. Воронцова И.В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие» / И.В. Воронцова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 167–168.
5. Крайнова Н.А. «Электронные весы правосудия»: цифровизация процессов или оцифровка задач? / Н.А. Крайнова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 1 (52). – С. 35–38.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 430 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующей сектором процессуального права, главный научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 08.04.2023. The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 07.04.2023; accepted for publication 08.04.2023.

REFERENCES

1. Gurvich M.A. Selected works. Krasnodar, Sovetskaya Kuban' Publ., 2006. Vol. 1. 672 p.
2. Vaskovskiy E.V.; Tomsinov V.A. (ed.). Textbook of civil procedure. Moscow, Zercalo Publ., 2003. 464 p.
3. Mezentshev I.V. What does the electronic judge think? *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2019, no. 1 (52), pp. 54–56. (In Russian).
4. Vorontsova I.V. Concerning relationship between the concepts of «e-court» and «e-justice». *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2019, no. 3, pp. 167–168. (In Russian).
5. Kraynova N.A. «Electronic scales of justice»: digitalization of processes or digitalization of tasks? *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2019, no. 1 (52), pp. 35–38. (In Russian).
6. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2003. 430 p.

Научная статья
УДК 34 (075.8)
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.7

Original article

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна
Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;
e-mail: polyakova_ta@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-3791-2903>

POLYAKOVA Tatyana Anatolievna
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КАМАЛОВА Гульфия Гафиятовна
Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия;
e-mail: kamalova_gulfiya@inbox.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-3568-9429>

KAMALOVA Gulfiya Gafiyatovna
Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

ЦЕННОСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ

VALUE CHANGES IN THE DEVELOPMENT OF INFORMATION LAW IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассматриваются ценностные измерения развития процессов цифровизации права. Целью исследования является анализ теоретических вопросов, связанных с совокупностью базовых идей и начал информационного права России на этапе перехода на новый виток развития в условиях дальнейшей цифровизации и формирования многополярного мира. Методы исследования включают общетеоретические (анализ, обобщение, моделирование) и частнонаучные методы познания, в том числе формально-логический метод изучения общественных отношений. На основе исследования выявленных общих тенденций цифровой трансформации права в целом и доктрины информационного права в частности авторами делается вывод о приоритете охраны ключевых ценностей права при развитии машиночитаемого права как элемента технократического типа развития общества и государства. Проведенное исследование показало, что «машинизация» права потребует научного осмысления соотношения традиционных форм права и формирующегося технократического его формата. В этой связи необходимо развитие правовых механизмов обеспечения и защиты важнейших ценностных начал права, внедрение цифровых инноваций, включая машиночитаемое право.

Ключевые слова: информационное общество, информационное право, ценности права, конституционные ценности, принципы права, информационные права и свободы, трансформация права, цифровые технологии, машиночитаемое право, информационная безопасность

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № FMUZ-2021-0042 «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности».

Abstract. In the article, the authors consider the value dimensions of the development of digitalization of law. The purpose of the study is to analyze the theoretical issues related to the set of basic ideas and principles of Russia's information law at the transition stage to a new round of development in the context of further digitalization and the formation of a multipolar world. Research methods include general theoretical (analysis, generalization, modeling) and specific scientific methods of cognition, including the formal-logical method of studying public relationships. Based on the study of the revealed general tendencies of digital transformation of the law in general and the doctrine of information law in particular, the authors conclude that the protection of key law values in the development of machine-readable law as an element of the technocratic type of development of society and the state is a priority. The conducted research shows that «machinization» of the law will require scientific understanding of the relationship between traditional forms of law and the emerging technocratic format. In this regard, it is necessary to develop legal mechanisms to ensure and protect the most important law values, the introduction of digital innovations, including machine-readable law.

Keywords: information society, information law, law values, constitutional values, principles of law, information rights and freedoms, transformation of law, digital technologies, machine-readable law, information security

Financing. The study is carried out within the framework of state task No. FMUZ-2021-0042 «Legal regulation of digital economy, artificial intelligence, information security».

Для цитирования: Полякова Т.А. Ценностные изменения развития информационного права России / Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 53–59.

For citation: Polyakova T.A., Kamalova G.G. Value changes in the development of information law in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 53–59 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.7.

ВВЕДЕНИЕ

Динамика состояния правовой системы любого государства определяется уровнем развития государства и общества на определенном историческом этапе, а также совокупностью защищаемых интересов, особенностями исторического развития и множеством иных факторов. В этой связи следует присоединиться к позиции Е.А. Фроловой, отметившей во вступительной статье к монографии Я. Стоилова «Принципы права: понятие и применение», что «Право каждого народа – результат постепенного развития социума» [1, с. 6].

Вместе с тем обстоятельства последних лет значительно меняют существующие концептуальные подходы в правовой доктрине, в том числе и к развитию регуляторных механизмов в информационном пространстве. При совершенствовании правовой доктрины, полагаем, важно учитывать позицию признанного теоретика права – В.Д. Перевалова. Рассматривая проблемы формирования и реализации правовой доктрины, он отмечал многогранность и многообразие развития доктрины, а «также наличие в ее содержании такого общего начала, благодаря которому она возникла, жива до сих пор и перспективна в будущем. Таким определяющим началом, объединяющим различные позиции исследователей, являются научные юридические знания, которые составляют содержание юридической науки в целом и правовой доктрины в частности» [2, с. 5].

Одними из ключевых факторов сегодняшней действительности в нашем постоянно меняющемся мире под воздействием дальнейшего развития информационно-коммуникационных технологий и геополитического кризиса, влияющих на модернизацию правовых доктринальных положений, становятся научные исследования общих начал правового обеспечения процессов цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека и информационной безопасности, определяющих горизонты права информационного пространства.

Право, являясь универсальным регулято-

ром социальной действительности, невзирая на всю свою объективную консервативность в ракурсе приоритета общественной стабильности, неизбежно реагирует на трансформацию регулируемых общественных отношений, новые вызовы, риски и угрозы, определяющие современную повестку и векторы развития. Масштабность происходящей сегодня трансформации общества и государства позволила исследователям отметить формирование нового «регуляторного ландшафта» [3], характер и содержание которого предопределяют изменения, происходящие в правовом пространстве.

В сферу модернизации права включаются новые категории и понятия, классификации, формируются новые институты, отрасли и подотрасли права, кардинально изменяются существующие правовые механизмы, появляются непривычные и порой весьма технологичные по своей сути процедуры и правила. Представляется, что это затронуло практически всю правовую систему России и отечественную теорию государства и права, является ответом на трансформацию общественных отношений и продиктовано кардинальными изменениями условий, в которых они протекают [4]. При этом динамика трансформации и вызванных ею эффектов воздействия на общество и государство столь высока, что научное осмысление происходящих изменений порой не успевает за ними. Неслучайно исследователи обсуждают вопросы доверия к праву в условиях цифровой трансформации [5]. В этой связи усиливается значение концептуальных вопросов развития права как фундамента обеспечения стабильности общества и государства, включая ценностные измерения любой отрасли права.

РОЛЬ ЦЕННОСТНЫХ НАЧАЛ В РАЗВИТИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ

В условиях активного развития цифровых технологий особое значение приобретает информационное право, которое последовательно стоит на передовых рубежах информа-

тизации, компьютеризации и цифровизации. Целый ряд научных исследований, которые по праву можно отнести к научной школе информационного права и правового обеспечения информационной безопасности как неотъемлемой его части, формирующейся на базе Института государства и права Российской академии наук, развивающих его правовую доктрину, подтверждают на основе достигнутых научных результатов, что в информационном праве получили развитие институты доступа к информации и достоверности, идентификации в цифровом пространстве, интернет-права, информации ограниченного доступа и множество иных, совокупность которых определяется динамикой общественных отношений в информационном пространстве и их регулированием [6]. Вместе с тем на информационное право существенное влияние оказала цифровизация права в целом, которая охватила три основных направления: внедрение информационных технологий в юридическую деятельность, правовое регулирование общественных отношений в связи с использованием таких технологий и современное продвижение машиночитаемого права, основанного на технологиях искусственного интеллекта.

Новый этап продвижения информационного общества и развития цифровых технологий детерминировал процесс формирования цифрового права, место которого в правовой системе пока оценивается исследователями весьма вариативно. Вместе с тем в настоящее время существенное значение приобретает правовое регулирование разнообразных цифровых сервисов, платформ и экосистем, цифровой метавселенной и осмысление их правовой природы. Изменения в праве под влиянием научно-технического прогресса неизбежны, и в этой связи нельзя обойти вниманием широко разворачивающийся научный дискурс о праве искусственного интеллекта [7; 8], приоритетное значение которого среди прорывных цифровых технологий сейчас уже не может быть переоценено.

Значительное влияние на развитие информационного права оказывает усиление внимания государства к процессам, обострившимся в информационном пространстве под влиянием сначала удаленного взаимодействия субъектов в ходе противодействия распространению коронавирусной инфекции COVID-19, а в последующем – необходимости обеспечения технологической независимости

России в отношении информационно-коммуникационных технологий как ответа на санкционную агрессию государств, организацию антироссийских рестрикций так называемым коллективным Западом.

Сегодня поступательная цифровая трансформация и ключевое значение технологической независимости России в области информационно-коммуникационных технологий становятся драйвером и основными факторами дальнейшего развития правового регулирования цифровой среды. В связи с активизацией развития цифровых технологий в Российской Федерации требуется научное осмысление и обоснование основных тенденций развития информационного законодательства, дальнейшее развитие опорных вех теории и методологии информационного права, обеспечивающих переход этой отраслевой науки на следующий уровень. Вместе с тем современная трансформация права вызывает определенную обеспокоенность у исследователей, что особо значимо в условиях вхождения науки информационного права в состав публично-правовых отраслей [6].

Кроме того, последние годы характеризуются тенденцией развития машиночитаемого права. В целях активизации этого процесса в 2021 г. утверждена Концепция развития технологии машиночитаемого права¹, предполагающая разработку совокупности онтологий права. Это ставит задачу формализации права в целях «машинизации» реализации норм права и встраивания онтологии права в различные информационные системы, включая государственные. Под онтологией в науке понимается философское учение о фундаментальных закономерностях бытия, охватывающее вопросы единства и полноты реальности, включая виртуальную², в отличие от компьютерных наук, где это понятие трактуется как формальное описание множества объектов определенной предметной области, включающее таксономии определений понятий, правил вывода и взаимосвязей, то есть как

1 Концепция развития технологий машиночитаемого права, утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2023).

2 Онтология // Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2001. С. 424.

формальная модель определенной области знаний или практики.

В связи с этим в Концепции развития технологий машиночитаемого права под онтологией понимается описание на формальном языке совокупности объектов права и отношений между ними. Следует, однако, отметить, что строгое формальное представление права сильно затруднено в связи с его сложной системой, широким использованием множества оценочных категорий, распространенностью толкований положений норм права, многообразием структурных связей и их неоднозначностью, зависимостью реализации от конкретных обстоятельств, в которых протекают общественные отношения.

Между тем развитие и внедрение машиночитаемого права имеет значительные перспективы, его можно оценивать как одну из самых инновационных моделей цифровой трансформации права, реализуемых посредством формализованного представления содержания правовых норм и последующей автоматизации правоприменения. Однако представляется, что такой сценарий развития права может оказать не только революционное воздействие на него, но и имеет высокую степень риска, подрывая ценность и саму сущность права, а не только форму его бытия.

Цифровизация и «машинизация» права являются проявлениями развития техногенного типа общества, что сопровождается пересмотром ценностных ориентиров и отражается в отказе и пересмотре совокупности традиционных ценностей общества, формировании новых социальных ценностей. Кроме того, это проявляется в изменении общественных отношений в части усиления доверия различных субъектов к цифровым сервисам и системам, результатам их функционирования при одновременном подрыве доверия к общественным институтам, включая право.

Эффективность «машинизации» права закономерно взаимосвязана с модернизацией устройства общества и государства, что, в свою очередь, предполагает не только совокупные усилия исследователей целого спектра различных отраслей науки и практики, но и пересмотра ключевых начал регламентации человеческой деятельности, а также регуляторных механизмов в самом широком их понимании. Полагаем, что центральную роль в этом процессе может сыграть достижение новых успехов в области разработки и приме-

нения технологии искусственного интеллекта и регулировании взаимосвязанных отношений. Однако уже сегодня в этом отношении в обществе отмечается определенный алармизм³. Кроме того, следует учитывать отсутствие у систем искусственного интеллекта, робототехники и иных киберфизических систем эмпатии, чувства справедливости и в целом затруднительность представления этических норм, которые для права являются критически важными.

Для права в целом и информационного права в частности ценностные ориентиры имеют первостепенное значение, поскольку, с одной стороны, они определяют базовые идеи, сформулированные в процессе эволюции права и лежащие в его основе, а с другой стороны, научное исследование их трансформации позволяет осуществлять прогнозирование рисков цифровизации, которые в своей сущности всегда являются информационными. В связи с этим изучение ценностей права, основанное на интеграционной теории ценностей, привлекает множество исследователей [9]. В качестве значимой характеристики ценностей права среди прочих ученые выделяют возможность удовлетворения общественных и субъективных интересов правовыми средствами, так как право традиционно является институтом обеспечения справедливости в обществе, баланса интересов личности, общества и государства, его культуры. При этом прежде всего право охраняет ценности, имеющие приоритетное значение для поступательного движения общества и государства, выражая преобладающее в обществе представление субъектов правоотношений о необходимом уровне справедливости, свободы, целесообразной защищенности прав, допустимых ограничениях, возможных пределах регулирования и вмешательства государства, критериях обеспечения согласования интересов.

Проведенное исследование показывает, что в настоящее время происходит приобретение первоначального опыта «машинизации» права, которое, с одной стороны, безусловно, должно позволить выявить логические противоречия и пробелы права, создать базу для продвижения идей сервисного публичного управления, с другой стороны, это потребует

3 Гейтс не поддержал Маска и Возняка в вопросе искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/04/2023/642c203b9a79475abc3f0348 (дата обращения: 10.04.2023).

научного осмысления в части соотношения традиционных форм права и формирующегося технократичного его формата. Однако научных исследований, в которых глубоко проработаны концептуальные аспекты указанных процессов «машинизации» права в контексте сохранения важнейших ценностей права, пока явно недостаточно.

Проблемы в данной области усугубляются тем, что сегодня в России отсутствует единый и непротиворечивый корпус действующих нормативных правовых актов различных уровней. Это влечет вопрос в части системности работ по построению онтологий права и актуализирует формирование единой национальной системы правовой информации [10, с. 14] как основы разработки формальных моделей правовых концептов и взаимосвязей между ними. Кроме того, целесообразно выделение абстрактных теоретических концептов права и множества тех правовых положений, смысловое содержание которых выявляется в ходе многократного применения, но являющихся малопригодными для формального представления.

В указанных условиях внимание исследователей ожидаемо привлекают базовые начала информационного права, его теория и методология, логично объединяющие его отдельные составные части. Ключевую роль среди них играет совокупность правовых принципов как проявление ценностных начал [11]. Представляется, что в отраслевых принципах информационного права должны быть обобщенно отражены ценностные ориентиры развития соответствующей отрасли. Это определяет их важнейшую синергетическую функцию, выраженную в том, что правовые принципы определяют совокупность ориентиров развития отрасли, связывая отдельные ее подотрасли и институты в единую систему, тем самым обеспечивая преемственность в динамике ее движения от отдельных норм и исследований к развитой системе отрасли права и законодательства.

Базовые идеи и начала отдельной отрасли права базируются на конституционных ценностях, получивших свое логическое развитие в новеллах, внесенных в 2020 г. в Конституцию РФ и позволяющих утверждать, что произошло усиление конституционных оснований информационного права при отнесении вопросов информационной безопасности и оборота цифровых данных к федеральному ведению.

Кроме того, Конституция РФ, концентрированно выражая правовые ценности, содержит имеющие ключевое значение для развития информационного права положения о приоритете прав человека, гарантиях защиты достоинства граждан, информационных правах и свободах, баланса прав и обязанностей, базовые положения концепции суверенитета, устойчивого развития и множество иных [12].

Анализируя ценностные начала информационного права, следует остановиться на вопросе ценности права в целом, детерминированной тем, что право, являясь общеобязательным регулятором, поддерживаемым силой государства, обеспечивает определенный гарантированный уровень прав и свобод на основе идей свободы воли и формального равенства субъектов. Это выделяет право среди остальных регуляторов как олицетворение свободы, достигнутой обществом в ходе своего развития, гарантий прав и правопорядка, упорядоченности ответственности и социально значимых идей.

В современных условиях цифровизации как технократического пути развития общества и государства, цивилизационного кризиса и формирования многополярного мира, когда наблюдается отход ряда государств от ключевых идей уважения национальных ценностей, право приобретает значимость не только как необходимый регулятор поведения субъектов, но и как общественный институт, гарантирующий социальную стабильность в условиях быстро меняющегося мира и довольно высокой степени неопределенности будущего.

В связи с этим в ходе так называемой «машинизации» права одной из функций информационного права является формирование условий для дальнейшего развития цивилизации посредством нахождения баланса между технократическим типом развития общества и общенациональными ценностями. Право, являясь фактором стабильности общества, трансформируясь под влиянием технологических достижений, создает, таким образом, правовые условия их развития и внедрения, формируя качественно новую среду различных видов деятельности. В связи с этим следует согласиться с мнением о важности соблюдения принципов гуманизма и ответственности перед будущим поколением [13]. При этом ценностные аспекты права наиболее ярко проявляются не столько в букве закона, сколь-

ко в его «духе», отражаясь в базовых началах и идеях, а также фундаментальных правах человека и принципах права.

Как показывает исследование, цифровые технологические инструменты права, реализованные на большом массиве данных, технологии искусственного интеллекта и иных прорывных технологиях, позволяя вроде бы все более объективно и беспристрастно принимать правовые решения, нивелируя ошибки в связи с так называемым человеческим фактором, одновременно могут лишать человека свободы воли и возможности выбора, диктуя определенную, жестко обусловленную применяемыми правилами и алгоритмами модель поведения, что становится острой социально-правовой проблемой в условиях развивающейся турбулентности в мире.

Исследование свидетельствует также о том, что уже сегодня применение цифровых технологий ведет к реализации рисков дискриминации лица по признакам расы, национальности, пола, успешности и многим иным. Это вызывает нарушение прав человека во множестве разнообразных отношений, включая сферу трудоустройства, кредитования, условно-досрочного освобождения и иных, формируя информационно-правовые риски в сфере профилирования человека и его деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, полагаем обоснованным вывод о необходимости развития правовых механизмов обеспечения и защиты важнейших ценностных начал права в рамках, например, внедрения машиночитаемого права как механизма принятия решений, имеющих юридически значимые последствия. При формировании онтологий машиночитаемого права должно быть обеспечено сохранение ценности права как социального регулятора в целях обеспечения национальных интересов и социальной стабильности. Ключевую роль в этом играет информационное право, уже традиционно занимающее передовые рубежи правового регулирования цифровых технологий, поэтому необходимы дальнейшие исследования, направленные на развитие теории информационного права, его горизонтов и его правовой доктрины, имеющие междисциплинарное и публично-правовое значение [14]. Сегодня развитие информационного права и законодательства – важная стратегическая задача, решение которой должно основываться на развитии информационно-правовой доктрины и реализации политики обеспечения информационной безопасности как одном из приоритетных направлений национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролова Е.А. «Принципы права» Янаки Стоилова / Е.А. Фролова // Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение : монография / вступит. ст., науч. ред. пер. Е.А. Фроловой. – Москва : Проспект, 2023. – С. 6–12.
2. Перевалов В.Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации : монография / В.Д. Перевалов. – DOI 10.12737/1839406. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2022. 168 с.
3. Полякова Т.А. О новом «регуляторном ландшафте» в условиях цифровой трансформации системы права и экономики / Т.А. Полякова, А.А. Чеботарева // Информационное право. – 2020. – № 2. – С. 4–8.
4. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий / А.В. Минбалева, Г.Г. Камалова, Г.И. Радченко и др. – Саратов, 2019. – 206 с.
5. Polyakova T.A. Trust in the law during the digital transformation / T.A. Polyakova, V.B. Naumov, A.V. Minbaleev // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 139–147.
6. Полякова Т.А. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права / Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, Н.В. Короткова // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 94–104.

REFERENCES

1. Frolova E.A. «Principles of Law» by Yanaka Stoilov. Stoilov Ya.; E.A. Frolova (ed.). Principles of law: concept and application. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 6–12. (In Russian).
2. Perevalov V.D. Legal doctrine: problems of formation and implementation. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2022. 168 p. DOI 10.12737/1839406.
3. Polyakova T.A., Chebotareva A.A. On the new regulatory landscape in the conditions of digital transformation of legal and economic systems. *Informacionnoe pravo = Information Law*, 2020, no. 2, pp. 4–8. (In Russian).
4. Minbaleev A.V., Kamalova G.G., Radchenko G.I. et al. Legal regulation of digital technologies in Russia and abroad. The role and place of legal regulation and self-regulation in the development of digital technologies. Saratov, 2019. 206 p.
5. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 11, pp. 139–147. (In Russian).
6. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. The main trends and problems of the development of the science of information law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 9, pp. 94–104. (In Russian).

7. Мишина Н.В. Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права / Н.В. Мишина // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 3-5 (72). – С. 62–65.

8. Полякова Т.А. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права / Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (65). – С. 133–145.

9. Лебедев С.Н. Теория ценности и ценности права: история и методология / С.Н. Лебедев // История государства и права. – 2011. – № 21. – С. 6–10.

10. Троян Н.А. Информационно-правовое обеспечение развития национальной системы правовой информации : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.13 – Информационное право / Н.А. Троян. – Москва, 2021. 204 с.

11. Минбалеев А.В. Принципы информационного права / А.В. Минбалеев // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 79–80.

12. Виноградова Е.В. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России / Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 32–49.

13. Чубукова С.Г. Принцип ответственности перед будущими поколениями в информационном праве / С.Г. Чубукова // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 11 (167). – С. 134–137.

14. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации / Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. и др. – Москва, 2022. – 368 с.

7. Mishina N.V. Artificial intelligence law as a new area of legal regulation or a new branch of law. *Evrasijskij soyuz uchenyh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, no. 3-5 (72), pp. 62–65. (In Russian).

8. Polyakova T.A., Kamalova G.G. «Law of artificial intelligence» and its place in the system of information law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 3 (65), pp. 133–145. (In Russian).

9. Lebedev S.N. The theory of value and value of right: history and methodology. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2011, no. 21, pp. 6–10. (In Russian).

10. Troyan N.A. Information and legal support for the development of the national system of legal information. *Cand. Diss. Moscow*, 2021. 204 p.

11. Minbaleev A.V. Principles of information law. *Vestnik YUUGU. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 79–84. (In Russian).

12. Vinogradova E.V., Polyakova T.A. On the place of information sovereignty in the constitutional legal sphere in modern Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 1 (63), pp. 32–49. (In Russian).

13. Chubukov S.G. Principle of responsibility before future generations in information law. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2018, no. 11 (167), pp. 134–137. (In Russian).

14. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. et al. New horizons for the development of the information law system in the context of digital transformation. *Moscow*, 2022. 368 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полякова Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующей сектором информационного права и международной информационной безопасности;

Камалова Гульфия Гафиятовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой информационной безопасности в управлении.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polyakova Tatyana Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Acting Head of the Information Law and International Information Security Sector;

Kamalova Gulfiya Gafiyatovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Information Security in Management.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 02.05.2023. The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 02.05.2023.

Научная статья
УДК 347.61
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.8

Original article

РАБЕЦ Анна Максимовна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Томск, Россия;
e-mail: rabecjur@mail.ru;
<https://orcid.org/0009-0006-9306-7790>

RABETS Anna Maksimovna
National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia.

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF LEGAL
REGULATION OF FAMILY RELATIONS

Аннотация. В статье обосновывается системообразующая роль Конституции РФ как правовой базы в регулировании семейных отношений и как непосредственного источника семейного права. Исследование проведено с целью определения места конституционных норм в системе семейного права, их значения для формирования целей, задач и принципов правового регулирования семейных отношений, для их непосредственного регулирования, а также место Конституции РФ как нормативного правового акта в системе семейного законодательства. Для достижения данной цели применялись методы исторического, системного и сравнительно-правового анализа правовых норм, содержащихся в различных отраслях законодательства Российской Федерации и в семейном законодательстве ряда зарубежных государств. Результатом исследования явился вывод о том, что Конституция РФ играет главенствующую роль в правовом регулировании семейных отношений, возглавляя правовую систему Российской Федерации в целом и систему семейного права как самостоятельной отрасли российского права, а также двухуровневую систему семейного законодательства, включающую конституции и уставы субъектов Российской Федерации. Также сделан вывод, что Конституция РФ как источник семейного права содержит нормы, регулирующие семейные отношения, воспроизведенные в СК РФ как принципы семейного права, играет роль непосредственного нормативного правового акта, регулирующего семейные отношения и применяемого при разрешении конкретных семейно-правовых споров. На конституционном уровне обеспечивается интеграция в механизм правового регулирования семейных отношений иных социальных регуляторов: традиционных семейных ценностей, национальных обычаев, традиций и т. п., включение в систему семейного права Российской Федерации международных договоров, их приоритет, непосредственное действие и толкование Конституционным Судом РФ. Предложено закрепить на конституционном уровне и в семейном законодательстве Российской Федерации право человека на брак и на семью.

Abstract. The article justifies the systemic role of the Constitution of the Russian Federation as a legal basis for regulating family relations and as a direct source of family law. The study is carried out with a view to determine the place of constitutional norms in the system of family law, their significance for the formation of goals, objectives and principles of legal regulation of family relations, for their direct regulation, as well as the place of the Constitution of the Russian Federation as a normative legal act in the system of family law. To achieve this goal, methods of historical, systemic and comparative legal analysis of legal norms contained in various branches of the legislation of the Russian Federation and in the family legislation of a number of foreign states are used. The study concludes that the Constitution of the Russian Federation plays a dominant role in legal regulation of family relations, presiding over the legal system of the Russian Federation as a whole and the system of family law as an independent branch of Russian law, as well as a two-tier system of family law, including the constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation. It is also concluded that the Constitution of the Russian Federation as a source of family law contains rules governing family relations, reproduced in the Family Code of the Russian Federation as the principles of family law, plays the role of a direct normative legal act that regulates family relations and is applied in resolving specific family law disputes. At the constitutional level, the integration into the mechanism of legal regulation of family relations of other social regulators is ensured: traditional family values, national customs, traditions, etc., the inclusion of international treaties in the system of family law of the Russian Federation, their priority, direct action and interpretation by the Constitutional Court of the Russian Federation. It is proposed to enshrine at the constitutional level and in the family law of the Russian Federation the human right to marriage and family.

Ключевые слова: конституция, семейное право, семейное законодательство, источники, нормы, традиционные ценности, международные договоры, толкование, непосредственное действие

Keywords: constitution, family law, family legislation, sources, norms, traditional values, international treaties, interpretation, direct action

Для цитирования: Рабец А.М. Конституция Российской Федерации в системе правового регулирования семейных отношений / А.М. Рабец. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 60–70.

For citation: Rabets A.M. The Constitution of the Russian Federation in the system of legal regulation of family relations. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 60–70 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.8.

ВВЕДЕНИЕ

Вряд ли имеет смысл приводить какие-либо специальные аргументы в доказательство социальной и в особенности правовой ценности действующей Конституции РФ, во многом отличной от конституций СССР и РСФСР. Тем не менее анализ научной и учебной литературы нередко свидетельствует о чисто формальной, стереотипной оценке Конституции РФ, без глубокого проникновения в содержание ее положений, без ее рассмотрения, что называется, «вглубь и вширь», без надлежащей оценки ее потенциала для развития как отдельной личности, отдельной семьи, так и государства и общества в целом.

Всесторонняя оценка роли и места Конституции РФ в системе правового регулирования семейных отношений важна также для определения места семейного права в системе российского права, поскольку многолетняя дискуссия о его отраслевой самостоятельности не просто продолжается, а, как говорится, набирает обороты. Не менее активно обсуждается проблема соотношения семейного и гражданского законодательства, то есть проблема отраслевой самостоятельности семейного законодательства. Автор стремился выявить, насколько это возможно в рамках небольшой статьи, все аспекты действия Конституции РФ как регулятора семейных отношений в надежде на неформальный, более пристальный взгляд читателя на роль Основного закона РФ в регулировании семейных отношений.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РФ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Словосочетание «система правового регулирования», использованное в названии данной статьи, представляет собой собирательное понятие, объединяющее и одно-

ременно дифференцирующее внутреннее содержание права как системы норм, объединенных в правовые институты, подотрасли и отрасли, и его внешнее выражение как системы нормативных правовых актов, также объединенных в институты, подотрасли и отрасли. Иными словами, система правового регулирования семейных отношений в целях данного исследования понимается как система семейного права и как система семейного законодательства.

Сразу же возникает вопрос: не является ли излишним употребление слова «система», не достаточно ли общеизвестного термина «правовое регулирование», включающего внутреннюю и внешнюю стороны правового воздействия на соответствующие общественные отношения? Думается, что именно слово «система» является ключевым понятием, не позволяющим упустить из вида неразрывную связь, качественные отличия и самостоятельность понятий «система права» и «система законодательства».

Системообразующая роль Конституции РФ в системе семейного права как самостоятельной отрасли российского права состоит в формировании его конституционных основ, то есть базовой (фундаментальной, глубокой, сущностной) системы правового регулирования семейных отношений, на основе которой формируется более широкая и более конкретная система правовых норм, составляющих содержание семейного права. Конституционная основа правового регулирования семейных отношений выражается в виде системы конституционных принципов семейного права, воспроизведенных в семейном законодательстве.

Системообразующая роль Конституции РФ как базового источника семейного права выражается в том, что она выстраивает иерархию законов, поскольку все они не долж-

ны противоречить смыслу Основного закона (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ).

В Российской Федерации Конституция разграничивает компетенции в области правового регулирования всех общественных отношений между федеральным законодательством и законодательством субъектов Федерации. В современной России регулирование едва ли не основной части общественных отношений находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Иными словами, перечисленные в ст. 72 Конституции РФ общественные отношения регулируются совместно федеральным законодательством и законодательством субъектов.

Такая система законодательного регулирования общественных отношений сложилась исторически, начиная с Конституции СССР 1936 г., закрепившей в ст. 14 положение, в соответствии с которым в СССР регулирование общественных отношений осуществляется путем принятия общесоюзных и республиканских законов¹. На общесоюзном уровне кодифицированными актами, регулирующими соответствующие общественные отношения, являлись Основы, на уровне союзных республик – кодексы. В частности, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье были приняты на 4-й сессии Верховного Совета СССР 27 июня 1968 г.² Кодексы о браке и семье союзных республик, принятые в 1969–1972 гг., регламентировали соответствующие семейные отношения, урегулированные Основами, более детально, с учетом местных особенностей, национальных обычаев, традиций и т. п., а также отношения, не урегулированные Основами. По существу, по этому же конституционному принципу строится система семейного законодательства Российской Федерации и в настоящее время.

В соответствии с п. «к» ст. 72 Конституции РФ семейное законодательство является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Таким образом, Конституция РФ выстраивает его систему, в состав которой входит федеральное и региональное законодательство. В соответствии с п. «а» данной статьи в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов нахо-

дится обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции РФ и федеральным законам. Конституция РФ, как источник семейного права, выстраивает также иерархию конституционного законодательства, суть которой состоит в обязательном закреплении в конституциях республик и уставах других субъектов Федерации норм, подтверждающих, как отмечает Л.М. Пчелинцева, что законодательство, регулирующее семейные отношения, находится в совместном ведении Российской Федерации и конкретно-го субъекта³.

После внесения в Конституцию РФ поправок в конституции каждого субъекта включены положения о том, что в совместном ведении Российской Федерации и данного субъекта находятся также защита семьи, материнства, отцовства и детства, защита брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей и осуществления совершеннолетними детьми заботы о родителях. В конституционном законодательстве каждого субъекта Федерации закреплено, что на его территории обеспечивается соответствие законодательства данного субъекта Конституции РФ и федеральным законам. Иначе говоря, на соответствующей территории обеспечивается соответствие семейного законодательства СК РФ и другим федеральным законам, регулирующим общественные отношения в сфере жизнедеятельности семьи.

Конституционные принципы семейного права Российской Федерации

Анализ конкретных положений Конституции РФ в той последовательности, в какой они размещены в тексте данного документа, позволяет утверждать, что с учетом конституционных поправок в системе правового регулирования семейных отношений непосредственно действуют следующие конституционные принципы:

- принцип государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 3 ст. 7);
- принцип равенства всех граждан в семейных отношениях независимо от пола, ра-

1 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

2 Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 27, ст. 2414.

3 Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М.: Норма ИНФРА-М, 1999. С. 23.

сы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ч. 2 ст. 19);

- принцип запрета любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19);

- принцип равенства прав и свобод мужчин и женщин и равенства возможностей для их реализации (ч. 3 ст. 19);

- принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 1 ст. 38, п. «ж.1» ст. 72);

- принцип приоритета и равенства прав и обязанностей родителей по обеспечению воспитания и образования детей, заботы совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях (ч. 2, 3 ст. 38, ч. 4 ст. 43, п. «ж.1» ст. 72);

- принцип приоритетности детствосбережения в государственной политике (ч. 4 ст. 67);

- принцип приоритета семейного воспитания детей (ч. 4 ст. 67);

- принцип защиты брака как союза мужчины и женщины (п. «ж.1» ст. 72).

Важным в теоретическом и практическом отношении представляется вопрос о том, является ли данный перечень конституционных принципов семейного права исчерпывающим. Дело в том, что в Конституции РФ прямо не сформулирован принцип государственной охраны семьи, материнства, отцовства и детства, в то время как в ряде субъектов он сформулирован в специальных законах, могущих быть приравненными к числу конституционных по своей значимости и по содержанию⁴.

Не имея возможности в рамках данной работы раскрыть содержание данного принципа и его качественные отличия от принципа государственной защиты семьи, материнства,

отцовства и детства, отметим лишь, что государственную охрану семьи следует понимать как профилактическую деятельность государства по нормализации выполнения семьей ее социальных функций, по предотвращению или нейтрализации всякого рода внешних и внутренних неблагоприятных факторов, могущих воздействовать на семью, в том числе внутрисемейных конфликтов. Имеются все основания утверждать, что данный принцип имеет надежную и прочную конституционную основу, а потому он может быть признан конституционным принципом семейного права Российской Федерации.

Конституция РФ как непосредственный регулятор семейных и сопутствующих им отношений

Конституционное нормотворчество, как отмечается в юридической литературе, носит особый характер. В большинстве своем Конституция содержит нормы-принципы, правила, декларации, цели [1, с. 21].

Тем не менее Конституция РФ создает более широкую и надежную основу для того, чтобы рассматривать ее в качестве непосредственного регулятора семейных отношений. В этом смысле непреходящее значение для их регулирования имеют нормы, закрепленные в гл. 2. По мнению А.М. Нечаевой, самую непосредственную роль в регулировании семейных отношений играют конституционные положения о том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (п. 2 и 3 ст. 17). Она подчеркивает также важность для воспитания несовершеннолетних детей положений, установленных, в частности, ст. 60 Конституции РФ, согласно которым гражданин Российской Федерации может осуществлять самостоятельно в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. Автор называет следующие нормы Конституции РФ, непосредственно регулирующие семейные отношения: ст. 17, 19, 35, 38, 46, 55, 60, 72 [2, с. 36]. Таким образом, можно утверждать, что Конституция РФ является непосредственным, притом весьма активным, регулятором семейных отношений, на чем и акцентировала внимание А.М. Нечаева.

⁴ См., например: Об охране семьи, материнства, отцовства и детства : Закон Республики Адыгея от 28.09.1994 № 117-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/32301918/> (дата обращения: 20.02.2021); Об охране семьи, материнства, отцовства и детства : Закон Республики Ингушетия от 29.11.1999 № 27-РЗ // Ингушетия. 1999. № 61 ; Об охране семьи, материнства, отцовства и детства : Закон Кабардино-Балкарской Республики от 17.08.1996 № 21-РЗ // Кабардино-Балкарская правда. 1996. № 157 ; Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Карачаево-Черкесской Республике : Закон Карачаево-Черкесской Республики от 23.04.1999 № 635-XXII [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/459904571> (дата обращения: 20.02.2021).

Характеристику конституционных положений, касающихся жизнедеятельности семьи, можно продолжить. В частности, вряд ли можно спорить с важностью положений, закрепляющих право человека на частную жизнь, на личную и семейную тайну, на защиту чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ), на которых основан один из главных принципов семейного права – недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (п. 2 ст. 1 СК РФ).

В силу п. 1 ст. 24 Конституции РФ не допускается без согласия гражданина сбор, распространение, хранение и использование информации о его частной жизни. Реальная защита чести семьи обеспечивается в настоящее время ч. 1 ст. 152 ГК РФ, в силу которой по требованию заинтересованных лиц иск о защите чести может быть предъявлен и после смерти члена семьи, в отношении которого распространены ложные, порочащие его сведения. В силу п. 10 данной статьи гражданин вправе требовать защиты от посягательства на его частную жизнь при распространении о нем не только порочащих, но любых сведений, не соответствующих действительности.

В соответствии с п. 1 ст. 152.3 ГК РФ, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведения о его происхождении, месте пребывания или жительства, личной и семейной жизни. Право требовать защиты частной жизни гражданина в случае его смерти имеют дети, родители и переживший супруг такого гражданина.

В случае разглашения сведений о частной жизни, как соответствующих, так и не соответствующих действительности, в том числе порочащих честь и достоинство лица, судом может быть взыскана в пользу потерпевшего компенсация морального вреда, если при этом было допущено нарушение нематериальных благ, к примеру, разглашена вопреки воле усыновителя охраняемая законом тайна усыновления либо иная семейная тайна⁵.

Нормальная жизнедеятельность семьи возможна, прежде всего, в замкнутом пространстве, где семья в целом и каждый из ее членов удовлетворяют свои постоянно возоб-

новляющиеся культурно-бытовые потребности, где происходит душевное и духовное общение. Поэтому, будучи неотъемлемой частью функционирования семьи в обществе, она (ее жизнедеятельность) гарантируется Конституцией РФ путем признания права человека на жилище и на неприкосновенность жилища (ст. 25 и 40). Это положение получило свое развитие в ЖК РФ. В частности, в силу ст. 3 ЖК РФ «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных настоящим Кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения. Никто не может быть выселен из жилища или ограничен в праве пользования жилищем, в том числе в праве получения коммунальных услуг, иначе как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, другими федеральными законами».

Несомненно, большое значение для жизни семьи имеют положения, закрепленные в ст. 27 Конституции РФ, признающие право каждого законно находящегося на территории Российской Федерации на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства, на свободный выезд за пределы Российской Федерации и беспрепятственное возвращение. Во-первых, эти положения являются конституционной основой для закрепления в СК РФ права каждого из супругов на выбор места пребывания и жительства, что обеспечивает возможность прекращения совместного проживания, если оно становится невыносимым ввиду неприязни супругов друг к другу или вызвано объективными причинами и носит длительный характер. Во-вторых, данные нормы гарантируют право ребенка на общение с родителями, проживающими в разных государствах.

Два важнейших для детей положения содержатся в ст. 29 Конституции РФ. Во-первых, согласно ч. 1 данной статьи каждому гарантируется свобода мысли и слова. Данная норма служит основой для законодательного закрепления права ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также права быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства (ст. 57 СК РФ). Во-вторых, думается, что положение, содержащееся в ч. 2 данной статьи, о недопущении пропаганды или агитации, возбужда-

⁵ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 // Российская газета. 2022. № 257.

ющих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, о запрещении пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства можно использовать для конституционного обоснования любого запрета распространения среди детей информации, причиняющей вред их физическому, психическому, интеллектуальному и нравственному развитию, в том числе пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Положения, содержащиеся в ч. 1 ст. 34 Конституции РФ, в силу которых «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности», являются базовыми для закрепления в ст. 31 СК РФ права каждого из супругов на выбор профессии и рода занятий, что обеспечивает финансовую независимость супругов, следовательно, не только их равенство в правах, но и фактическое равенство каждого из них как личности.

В силу ч. 2 и 4 ст. 35 Конституции РФ «Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами... Право наследования гарантируется». Эти положения являются конституционной основой для регулирования имущественных отношений между членами семьи, прежде всего между супругами. Дальнейшее развитие и совершенствование семейного законодательства в этом направлении способствует возрастанию удельного веса диспозитивных начал в правовом регулировании семейных отношений, усилению роли договоров, а с развитием семейного бизнеса – проникновению в семейную сферу таких сугубо гражданско-правовых институтов, как банкротство, что потребует от законодателя совмещения почти несовместимых начал: сохранения характерных для семьи лично-доверительных связей и в то же время развития чисто рыночных отношений.

Реализация конституционного принципа государственной защиты семьи потребовала совершенствования наследственного законодательства, которое, что называется, «повернулось лицом» к семье, закрепив важные для нее институты совместного завещания супругов и наследственного договора. К сожалению, принцип свободы воли завещателя и приоритет наследования по завещанию остаются неприкосновенными, что далеко не

всегда обеспечивает реализацию принципа приоритетной защиты несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Примером является законодательство об обязательной доле несовершеннолетних и нетрудоспособных супруга, детей и родителей при наследовании по завещанию, решенное отнюдь не в пользу этих лиц (ст. 1149 ГК РФ). Более того, при образовании наследственного фонда лица, имеющие права на обязательную долю, вообще поставлены в весьма неопределенное положение, поскольку должны выбирать между правами выгодоприобретателя и наследника, что весьма затруднительно.

Примером непосредственного конституционного регулирования семейных отношений являются нормы, закрепляющие принципы приоритета семейного воспитания и равенства прав и обязанностей родителей по заботе о детях и по их воспитанию (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ). В силу ч. 4 ст. 43 Конституции РФ на родителей и лиц, их заменяющих, возлагается еще одна важная конституционная семейно-правовая обязанность: обеспечить получение детьми обязательного в Российской Федерации основного общего образования.

Разумеется, речь должна идти также об обязанности родителей по заботе о благосостоянии своих несовершеннолетних детей, в том числе по их содержанию. Следовательно, можно утверждать, что права и обязанности родителей по воспитанию своих несовершеннолетних детей относятся к числу конституционных.

То же самое можно сказать и об обязанности детей в отношении родителей. В ч. 3 ст. 38 Конституции РФ содержится норма, возлагающая на совершеннолетних трудоспособных детей обязанность заботиться о своих нетрудоспособных родителях, куда, несомненно, входит обязанность по их содержанию. Таким образом, Конституция РФ создает основы для регулирования алиментной обязанности между родителями и детьми. Правда, как представляется, «не царское это дело» – закреплять на конституционном уровне алиментные отношения, механизм правового регулирования которых в основном четко отлажен, а потому вполне достаточно закрепления в текущем семейном законодательстве.

Другое дело – декларирование на конституционном уровне обязанности детей, независимо от их возраста, уважать своих роди-

телей, их родительский труд, оказывать им внимание, посильную помощь в выполнении домашних обязанностей, в уходе за младшими братьями и сестрами и т. п. В этом смысле современная семья нуждается в эффективной и срочной помощи, в том числе путем правового регулирования, поскольку зачастую родители в силу целого ряда причин не могут противостоять мощному потоку деструктивной информации, негативно воздействующей на несовершеннолетних. Нередко отказ от поддержки нуждающихся нетрудоспособных родителей является прямым продолжением не просто непослушания, а злого неповиновения их разумным требованиям.

Что касается обязанностей несовершеннолетних детей в отношении своих родителей, то на протяжении периода развития конституционного регулирования семейных отношений данный вопрос решался по-разному. В ст. 66 Конституции СССР 1977 г. содержалась норма, закрепляющая обязанность граждан СССР заботиться о воспитании детей, а также обязанность детей, без указания на возраст, заботиться о своих родителях и оказывать им помощь⁶. Данная норма была воспроизведена в ст. 77 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г., в главе об алиментных обязанностях родителей и детей⁷.

Данное положение послужило поводом для возникновения в семейно-правовой доктрине дискуссии об установлении на уровне семейного законодательства обязанности несовершеннолетних детей повиноваться разумным требованиям родителей и оказывать им посильную помощь [3, с. 97]. Эта дискуссия продолжается и в настоящее время, тем более что в ряде зарубежных стран, в том числе на постсоветском пространстве, такая обязанность закреплена, в частности, в кодексах Украины, Беларуси, Латвии, Молдовы. В целом ряде литературных источников рассматривается нормотворческий опыт ряда зарубежных государств других регионов. Н.А. Матвеева, анализируя законодательство ряда стран западной Европы, считает весьма актуальным вопрос о необходимости законодательно-

го наделения несовершеннолетних граждан юридическими обязанностями по отношению к семье и обществу [4, с. 27].

Конституция РФ, прямо не закрепляя такой обязанности детей, предусматривает, что «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» (ч. 4 ст. 67.1). СК РФ отказался от нормативного закрепления обязанности детей независимо от их возраста заботиться о своих родителях и оказывать им помощь, возможно, по причине отсутствия подобной формулировки в Конституции РФ.

Некоторые специалисты полагают, что такая обязанность не может быть обеспечена конкретными санкциями, а потому ее законодательное закрепление не имеет смысла [5, с. 89].

Однако думается, что в семейном праве декларативные обязанности имеют гораздо большую степень значимости, чем, скажем, в гражданском праве, поскольку именно в подобных декларативных нормах, в том числе обязывающего характера, должно быть отведено надлежащее место непаравовым регуляторам семейных отношений, таким как правила общежития, нормы морали и нравственности. Позитивное восприятие с детского возраста такой обязанности не только как нравственной, но и как правовой, так сказать «впитывание» ее сознанием ребенка и подростка, зачастую действует гораздо более эффективно, чем угроза применения санкций за непослушание родителей, за непочтение к ним. Представляется верным высказывание О.И. Цибулевской, что ценности, закрепленные в праве, должны обрести вид системы, исключающей неравнозначность и разбалансированность прав и обязанностей [6, с. 75].

Итак, Конституция РФ, помимо деклараций, целей и принципов, создающих базу для правового регулирования общественных отношений, во многих случаях участвует в непосредственном их регулировании. Разумеется, она не содержит всего комплекса семейных прав и обязанностей; этого от Конституции

6 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41, ст. 617.

7 Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32, ст. 1397.

не требуется, поскольку функцию непосредственного регулирования конкретных общественных отношений должно выполнять текущее законодательство, основанное на положении Конституции, заключающемся в том, что перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 55).

Однако в настоящее время в средствах массовой информации и в науке семейного права поднимается вопрос не просто о законодательном закреплении, а о конституционном признании права человека на семью, в том числе на заключение брака. Так, исследуя принцип гендерного равенства с позиций прав и свобод человека, на это справедливо обратила внимание Ю.А. Акимова, относя это право к числу конституционных. По этому поводу автор замечает: «Полагаем, что каждый человек обладает фундаментальным правом на заключение брака, основание семьи, поддержку и защиту семьи со стороны государства. Право на брак и семью представляет собой комплексный правовой институт, отдельные элементы которого закреплены в международно-правовых актах, основных законах и текущем законодательстве. Нарастающей тенденцией в области обеспечения гендерного равноправия в реализации права на вступление в брак, создание, поддержку и защиту семьи в европейских странах, а также в странах Северной Америки является рассмотрение стабильных отношений однополых пар в качестве отношений семейных и предоставление этим парам возможности юридического признания их семей со всеми вытекающими юридическими последствиями (налоговые льготы, опекунов над детьми, родительские отпуска, право наследования совместно нажитой собственности, право на пенсию по случаю потери кормильца и т. д.)» [7, с. 47].

О.В. Смышляева также отмечает, что право на создание семьи представляет собой личное неотчуждаемое право каждого человека, которое должно иметь как конституционное признание, так и государственное гарантирование и защиту. Автор понимает его как комплексное право человека, которое предполагает свободу действий субъектов по созданию семьи (заключению брака), выход из семейного союза (брака), право ребенка жить и воспи-

тываться в семье, обеспечиваемое государством в случае отсутствия у ребенка родителей или при невыполнении ими родительских обязанностей по причине субъективного (нежелание) или объективного (невозможность) характера [8, с. 34].

С таким подходом к трактовке конституционного права на создание семьи, включая право на заключение брака, следовало бы согласиться, тем более что в законодательстве ряда европейских стран прямо закреплено право на создание семьи и на заключение брака. Примером может служить СК Украины (ст. 4, 23).

Правда, трудно безоговорочно принять подход О.В. Смышляевой к пониманию содержания данного права. Невозможно не заметить в такой трактовке преобладание идеи неограниченной свободы как создания семьи, так и ее разрушения. Неограниченная свобода действий супругов, и особенно родителей, их права на отказ от воспитания своих детей, что называется, в любой момент, как только у них пропадет желание их воспитывать и содержать, – все это мало похоже на семью, а родители в таком их представлении превращаются в неких «функционалов» в области «детопроизводства».

Однако оба названных автора правы в одном: можно сожалеть, что в действующей Конституции РФ право каждого человека на создание семьи не нашло прямого закрепления. Тем не менее в соответствии со ст. 55 Конституции РФ данному праву обеспечено конституционное признание. Другое дело, что его закрепление в СК РФ не просто целесообразно и желательно, а безусловно, необходимо. Однако и при настоящем положении вещей, то есть при отсутствии в действующем СК РФ соответствующей нормы, нет оснований говорить о некоей безысходной ситуации: в случае возникновения проблем, касающихся признания и защиты такого права в отношении конкретного лица как конституционного права, оно может и должно быть защищено на основании Конституции, поскольку она является непосредственно действующей, с возможностью ссылаться на нее при осуществлении правосудия⁸.

8 О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 // Вестник Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЙСТВИЯ НЕПРАВОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ СЕМЕЙНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Как было отмечено, в состав источников семейного права входят также традиционные ценности, национальные семейные обычаи и традиции, с которыми Конституция РФ связана самым непосредственным образом. В частности, в соответствии с п. «в» ст. 114 Конституции РФ Правительство РФ обеспечивает проведение Российской Федерацией единой социально ориентированной государственной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, ценности Конституции рефлексивно отражают ценности общества, являются главными хранителями, а иногда и генераторами ценностных нормативов государства [9, с. 89].

Что касается семейных обычаев и традиций, то им отведено особое место в конституциях целого ряда субъектов Российской Федерации. Таким образом, конституционное законодательство играет свою организующую роль в системе иных социальных регуляторов семейных отношений.

РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РФ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРИОРИТЕТА ДЕЙСТВИЯ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В систему источников семейного права входят общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации; последние являются разновидностью так называемых нормативных договоров. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В силу ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ Российская Федерация является правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных органи-

зациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

Не останавливаясь на конкретных международно-правовых актах как на источниках семейного права, обратим внимание на то, что практика применения некоторых из них при разрешении межгосударственными органами, в частности Европейским судом по правам человека, споров, в том числе семейно-правового характера, стороной в которых была Российская Федерация, обусловила необходимость внесения в Конституцию РФ ряда поправок, обеспечивающих ее главенствующую роль в правовой системе страны. Это означает, что международные договоры Российской Федерации, обладая приоритетом перед национальным законодательством при рассмотрении споров с участием иностранных лиц, а также их истолкование не должны противоречить Конституции РФ. В частности, Основной закон был дополнен ст. 79, в силу которой «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Толкование международных договоров Российской Федерации на предмет их соответствия Конституции РФ осуществляет Конституционный Суд РФ. В силу п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ он осуществляет толкование международных договоров Российской Федерации, не вступивших в силу. В соответствии с п. «б» ч. 5.1 данной статьи Конституционный Суд в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также о возможности исполнения

решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Как известно, одним из поводов для внесения в Конституцию РФ соответствующих поправок, касающихся действия на территории Российской Федерации международных договоров в их истолковании, противоречащем публичному порядку Российской Федерации, явилась практика Европейского суда по правам человека, противоречащая не только конституционному определению понятия брака как союза мужчины и женщины, но и доминирующим в российском обществе моральным принципам, восприятию брака как традиционной семейной ценности, как основы для создания семьи, рождения и совместного воспитания детей супругами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конституция РФ является не только самостоятельным источником любой отрасли права, в частности семейного, но играет главенствующую роль в системе источников права, так как является фундаментом пра-

вовой системы любого государства. Нормы Конституции оказывают формирующее воздействие на различные аспекты общественной жизни: государственно-политический, экономический, социальный, нравственно-духовный. Можно сказать, что Конституция есть выражение основных ценностей нашего общества, облеченных в правовую форму. Что касается конституционных основ непосредственного правового регулирования семейных отношений, то имеются все основания утверждать, что духом Конституции пронизана вся система семейного законодательства – как федерального, так и регионального. Она также органически связана с национальными обычаями и традициями, с традиционными семейными ценностями, обеспечивает их охрану и защиту, внедрение в механизм правового регулирования семейных отношений. Конечно, весьма желательным представляется прямое признание на конституционном уровне права человека на брак и на семью; возможно, со временем общество придет к выводу о его безусловной необходимости, а также к осознанию важности конституционного закрепления обязанностей детей в отношении своих родителей. Однако и в настоящей ее редакции роль действующей Конституции в регулировании семейных отношений невозможно переоценить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крашенинников П.В. Государственная поддержка института семьи: конституционные поправки / П.В. Крашенинников, Е.В. Бадулина // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 4. – С. 19–24.
2. Нечаева А.М. Семейное право: учебник / А.М. Нечаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2015. – 306 с.
3. Рабец А.М. Место юридических обязанностей в семейно-правовом статусе несовершеннолетних: проблемы законодательного закрепления и реализации / А.М. Рабец // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 10. – С. 96–98.
4. Матвеева Н.А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран / Н.А. Матвеева // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 4. – С. 25–28.
5. Нечаева А.М. Правовые проблемы воспитания несовершеннолетних: монография / А.М. Нечаева. – Москва: Проспект. – 2017. – 212 с.
6. Цибулевская О.И. Формирование юридической доктрины в России (в аспекте глобализации) / О.И. Цибулевская // Проблемы осуществления гражданских прав: межвузовский сборник научных трудов / под ред. С.В. Мартышкина, В.Д. Рузанова. – Самара, 2002. – С. 72–79.
7. Акимова Ю.А. Поддержка и защита семьи с точки зрения конституционного принципа гендерного равенства / Ю.А. Акимова // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 46–50.

REFERENCES

1. Krashennnikov P.V., Badulina E.V. The support of the family institute: constitutional amendments. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2020, no. 4, pp. 19–24. (In Russian).
2. Nechaeva A.M. Family law. 3rd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2015. 306 p.
3. Rabets A.M. The place of legal duties in family-legal status of minors: problems of the legislative fastening and realization. *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2010, no. 10, pp. 96–98. (In Russian).
4. Matveeva N.A. The institution of child's obligations in laws of foreign countries. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2020, no. 4, pp. 25–28. (In Russian).
5. Nechaeva A.M. Legal problems of education of minors. Moscow, Prospekt, 2017. 212 p.
6. Tsibulevskaya O.I. Formation of legal doctrine in Russia (in the aspect of globalization). *Martyshkin S.V., Ruzanov V.D. (eds.). Problems of implementation of civil rights. Interuniversity collection of scientific papers*. Samara, 2002, pp. 72–79. (In Russian).
7. Akimova Yu.A. Support and protection of the family in the light of constitutional principle of gender equality. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2018, no. 6, pp. 46–50. (In Russian).

8. Смышляева О.В. Право на создание семьи и «традиционная» модель российской семьи: проблемы правового регулирования / О.В. Смышляева // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 31–36.

9. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: коллизионные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – Москва : Юрист, 2013. – 120 с.

8. Smyshlyayeva O.V. The right to found a family and the «traditional» model of family in Russia: problems of legal regulation. *Permskij yuridicheskij al'manah* = *Perm Legal Almanac*, 2018, no. 1, pp. 31–36. (In Russian).

9. Bondar N.S. Axiology of judicial constitutionalism: conflict values in theory and practice of constitutional justice. Moscow, Yurist Publ., 2013. 120 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рабец Анна Максимовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rabets Anna Maksimovna – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Leading Analyst of the Laboratory of Social and Legal Researches of the Law Institute.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 13.04.2023. The article was submitted 24.03.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья
УДК 342.5
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.9

Original article

УСМАНОВА Резида Минияровна
Стерлитамакский филиал Уфимского
университета науки и технологий,
Стерлитамак, Россия;
e-mail: rezidausmanova@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7913-2246>

USMANOVA Rezida Miniyarovna
Sterlitamak Branch of the Ufa University of
Science and Technologies, Sterlitamak, Russia.

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ

THE POWERS OF PUBLIC AUTHORITIES TO PRESERVE CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA

Аннотация. Культурное наследие – один из основных элементов идентичности каждой нации. В России вопрос сохранения объектов культурного наследия регулируется не только отраслевым законодательством, но и Конституцией РФ. В статье на основе сравнительно-правового метода исследования проведен анализ объектов материального и нематериального культурного наследия и полномочий органов публичной власти по их сохранению. Автор делает вывод, что культурное наследие – это ценность, которая передается от поколения к поколению и отражает историю и культуру нашей нации. Оно включает в себя не только архитектуру, искусство и литературу, но и языки, религии, обычаи и традиции. При этом все больше внимания уделяется именно сохранению нематериального культурного наследия, что подтверждается Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35. Органов публичной власти имеются как «прямые» полномочия по отношению к объектам материального и нематериального культурного наследия, которые предусмотрены в нормативных правовых актах, так и полномочия, направленные на взаимодействие с другими субъектами. И в этом плане актуален фандрайзинг и краудфандинг.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана культуры, памятники культуры, язык, традиции, публичная власть

Для цитирования: Усманова Р.М. Полномочия органов публичной власти по сохранению культурного наследия в России / Р.М. Усманова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 71–79.

Abstract. Cultural heritage is an essential element of the identity of each nation. In Russia, the issue of the preservation of cultural heritage objects is regulated not only by sectoral legislation, but also by the Constitution of the Russian Federation. The article analyzes the objects of tangible and intangible cultural heritage and the powers of public authorities to preserve them on the basis of the comparative legal method of research. The author concludes that cultural heritage is a value that is transmitted from generation to generation and reflects the history and culture of our nation. It includes not only architecture, art and literature, but also languages, religions, customs and traditions. Meanwhile more and more attention is paid to the preservation of intangible cultural heritage, which is confirmed by the Decree of the President of the Russian Federation from January 25, 2023 No. 35. Public authorities have both «direct» powers with respect to objects of tangible and intangible cultural heritage, which are provided in normative legal acts, and powers aimed at interaction with other subjects. In this regard, fundraising and crowdfunding are relevant.

Keywords: cultural heritage, cultural protection, cultural monuments, language, traditions, public authorities

For citation: Usmanova R.M. The powers of public authorities to preserve cultural heritage in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 71–79 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.9.

ВВЕДЕНИЕ

Повседневная жизнь людей немислима без материальных и духовных благ. И одним из таких благ выступает культурное наследие – комплекс объектов, обладающих ценностью. Под культурным наследием мы понимаем духовную потребность, хранилище исторической памяти, источник формирования личности, которые, по верному замечанию В.В. Лаврова, «необходимо сохранять, так как их утрата повлечет за собой разрушение нашей национальной, культурной и духовной идентичности» [1, с. 23]. Культурное наследие является одним из важнейших составляющих национальной идентичности, и поэтому каждая страна бережно хранит свои культурные ценности, чтобы передать их потомкам. Объекты культурного наследия (далее – ОКН) играют важную роль в сохранении истории и культуры народа, являясь свидетелями прошлых эпох, отражают многовековую историю нашей страны.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ЗАДАЧ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В России вопрос сохранения ОКН регулируется законодательством, и это означает, что государство несет ответственность за сохранение и обеспечивает охрану ОКН. Необходимость сохранения ОКН вытекает из положений Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., где заявлено, что одной из основ национальной политики является историческое и культурное наследие. О важности сохранения культурного наследия говорится в ст. 68 Конституции РФ, в которой закреплено, что культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, поддерживается и охраняется государством, каждому гарантируется сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. А согласно ст. 69 Конституции РФ государство берет на себя обязательство по защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Изложенное подчеркивает важность сохранения ОКН всеми субъектами. Верно пишет К.В. Малинина: «Культурное наследие – это про-

странственная оболочка былой жизни, и именно эта жизнь – в ее лучших проявлениях – заслуживает продления и, следовательно, охраны» [2, с. 6]. Важность «сохранения всего комплекса культурного наследия на основе межпоколенной преемственности в неизменном виде» отмечает А.А. Мазенкова [3, с. 3]. Заслуживает внимание и тезис В.Р. Рокитянского: «наследие – то, что сознательно сохраняется» [4, с. 29].

Определение культурного наследия впервые было дано в международных актах. Согласно Конвенции о сохранении всемирного культурного и природного наследия к культурному наследию могут быть отнесены достаточно разнородные объекты, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки¹. Все они подпадают под категорию материальных объектов. В ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73) закреплено, что к ОКН относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры². Таким образом, к ОКН относятся объекты материального мира – недвижимое имущество, предметы материального мира, – обладающие ценностью, являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры. Значит, Федеральный закон № 73 направлен на регулирование всех отношений по поводу сохранения, использования и популяризации именно ОКН материального характера.

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: ЛОГОС, 1993.

² Российская газета. 2002. 29 июня.

Виды ОКН не ограничиваются только памятниками истории, такими как здания, статуи или артефакты. Существуют нематериальные ОКН. Нематериальное культурное наследие – это совокупность обычаев, форм, представлений и выражений, знаний и навыков, а также связанных с ними инструментов, предметов, артефактов и культурных пространств, признанных сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [5, с. 113]. Они связаны с языком, традициями, религиозными верованиями, фольклором и другими аспектами менталитета народа. Необходимость в сохранении объектов, которые выступают гарантом устойчивого развития, потребовала изменения национального законодательства.

В России понятие нематериального культурного наследия впервые дано в Указе Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808»³.

Примечательно, что согласно Указу:

- расширился перечень объектов культурного наследия, так как помимо ОКН, перечисленных в Федеральном законе № 73, в него вошли произведения искусства, книги, фотографии – все предметы материального мира, сохраняющие представление об особенностях жизни людей в прошедшие эпохи;

- определен перечень объектов нематериального культурного наследия (языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, устное народное творчество, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, технологии народных художественных промыслов, уникальная система подготовки творческих кадров, художественного образования и эстетического воспитания граждан).

Как видим, четко установлено, что к ОКН нематериального характера относятся объекты этнокультурного достояния и другие, обладающие нематериальными свойствами: русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, уникальная система подготов-

ки творческих кадров, художественного образования и эстетического воспитания граждан.

Что касается объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации, то отношения в области их выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации регулируются Федеральным законом от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 402)⁴.

Анализ федеральных законов № 73 и № 402, а также Указа Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 показывает, что к ОКН относятся все явления, произведения, предметы, обладающие исторической и культурной ценностью, которые делятся на две категории: объекты материального культурного наследия и объекты нематериального культурного наследия. В этом плане наиболее точно подмечено Б.И. Кононенко, что «культурное наследие – это материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники, историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [6, с. 343].

В ст. 44 Конституции РФ закреплена обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, которая касается абсолютно всех субъектов: физических и юридических лиц и, безусловно, органов публичной власти. Сохранение пользования и популяризация ОКН являются задачами, которые стоят перед каждой страной, имеющей богатое культурное наследие. Важно сохранить не только физическое состояние объектов, но и духовную ценность, связанную с ними. Для этого необходимо проводить работы по реставрации и консервации, организовывать мероприятия по популяризации. Популяризация позволит привлечь туристов со всего мира, что, в свою очередь, способствует развитию экономического потенциала страны. Для дальнейшей популяризации ОКН необходимо проводить мероприятия, которые помогут привлечь внимание к ним. Это может быть организация выставок, фестивалей, концертов и других мероприятий. Значительную роль здесь играют средства массовой информации, такие как телевидение, радио и интернет.

³ Собрание законодательства РФ. 2023. № 5, ст. 777.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2022. № 43, ст. 7265.

Органы публичной власти выполняют важную функцию по сохранению, использованию и популяризации культурного наследия: они осуществляют контроль за ОКН, проводят работы по их охране, реставрации, экспозиции и привлекают туристов на территорию, реализуют различные программы и проекты, направленные на поддержку культурных объектов, организацию мероприятий, связанных с культурным наследием, формируют устойчивую систему управления культурным наследием. В любом случае охрана ОКН должна осуществляться комплексно: государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями, а также гражданами. Например, любой житель России может стать добровольным участником проектов по сохранению памятников или финансировать работы по их реставрации.

Анализ ст. 44 Конституции РФ позволил выявить несколько элементов обязанности применительно к ОКН в целом:

- по совершению активных действий, направленных на сохранение ОКН;
- по воздержанию от совершения активных действий, соблюдению запретов и ограничений;
- по предоставлению любой информации относительно ОКН;
- не препятствовать уполномоченным лицам оказывать содействие и согласовывать действия;
- по популяризации ОКН, то есть организации всевозможных мероприятий, в целях их передачи потомкам.

Данные обязанности, на наш взгляд, реализуются через полномочия непосредственно самих органов публичной власти. Так, полномочия в отношении объектов материального культурного наследия закреплены как в Федеральном законе № 73, так и в других нормативно-правовых актах⁵. Объекты же нематериального культурного наследия, как пишет О.В. Галкова, «передаются из поколения к поколению, изменяются во времени за счет своего периодического коллективного воссоздания, и способы их сохранения и возрождения весьма специфичны и непросты» [7, с. 46]. Соответ-

ственно, в их отношении предусмотрен иной перечень полномочий, которые вытекают из анализа Федерального закона № 402 и Указа Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35.

Полномочия органов публичной власти применительно к объектам культурного наследия

Анализ норм указанных нормативно-правовых актов позволяет представить полномочия органов публичной власти применительно к объектам нематериального культурного наследия и к объектам материального культурного наследия.

Полномочия органов публичной власти применительно к объектам материального культурного наследия закреплены в ст. 9–12.1 Федерального закона № 73. Конечно, все они направлены на сохранение и восстановление ОКН, что требует огромных финансовых вложений. Однако даже после реставрации ОКН могут находиться под угрозой повреждения. Как же минимизировать возможность повреждения памятников культуры?

Во-первых, ответственность за ущерб памятникам культуры должны нести абсолютно все. Ни одна реставрация не сможет спасти ОКН, если лица будут небрежно относиться к ним. Примером такой небрежности можно назвать случай с Мамаевым курганом⁶. В 2017 г. было выявлено, что на территории мемориального комплекса было вырублено несколько деревьев. Такое нарушение является не только экологически небезопасным, но и угрожает сохранности памятника.

Во-вторых, необходима правильная организация реставрационных работ. Специалисты должны работать по всем требованиям и стандартам, чтобы избежать дополнительных повреждений.

В-третьих, необходимо увеличение бюджетных средств на реставрацию.

Одним из важных и перспективных направлений в плане сохранения ОКН видим использование их для развития туризма. Дело в том, что исторические и культурные достопримечательности являются привлекательным фактором для туристов. Основная задача

⁵ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-1 // Российская газета. 1992. 17 нояб. ; Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (ч. I), ст. 7753.

⁶ При благоустройстве Мамаева кургана вырубili парк сталинградских вдов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/07/2017/5979b2989a794769e2bb2bc1> (дата обращения: 30.04.2023).

органов публичной власти по этому направлению заключается в создании условий для продвижения культурного наследия региона на туристическом рынке. Для этого необходимо проводить активную работу по изучению потребностей и запросов туристов, определять наиболее интересные ОКН, разрабатывать эффективные программы и маршруты для туристических экскурсий. Практика показывает, что успешное использование культурного наследия для развития туризма возможно при условии комплексного подхода. Необходима не только работа самих органов власти, но и активное участие представителей бизнес-сектора – гостиничных компаний, рестораторов, транспортных компаний и т. д.

Однако активное развитие туризма, к сожалению, иногда является не только благоприятным фактором для сохранения культурного наследия, но и проблемой. Многочисленные паломнические туры и экскурсии к культовым местам вызывают бурное развитие туристической инфраструктуры, что может повлечь разрушение ОКН. Например, в Санкт-Петербурге из-за туристических ритуалов разрушаются крылатые львы⁷, а в Воронежской области многочисленные фотосессии туристов привели к обрушению арки скального комплекса, расположенного в Малых Дивах, на территории Свято-успенского мужского монастыря⁸.

Один из способов популяризации – проведение культурных мероприятий, организация которых является функцией органов публичной власти. Такие мероприятия помогают привлечь внимание общественности к наследию региона и укрепить чувство принадлежности к нему. Это может быть фестиваль, выставка, концерт или другое мероприятие, которое отражает уникальность и богатство культуры данного региона, позволяет расширить кругозор людей и сохранить наследие прошлого.

Объективная невозможность обеспечить надлежащую охрану и использование всех ОКН усилиями исключительно органов госу-

дарственной власти и местного самоуправления обусловила необходимость поиска других правовых форм «жизнедеятельности» таких объектов. Так, А.С. Чернявский предлагает нетрадиционные способы сохранения ОКН: государственно-частное партнерство (концессия, доверительное управление, совместные предприятия) [8, с. 13].

И в этом плане актуален фандрайзинг. Публичные органы власти могут находить дополнительные средства на сохранение и реставрацию памятников культуры, привлекая к этому делу бизнесменов, благотворительные фонды и простых граждан. Такой подход позволяет решить проблему финансирования культурных проектов и привлечь к ним общественное внимание. В настоящее время есть и нормативная основа для этого. Так, действует Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»⁹, Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 327-ФЗ «О меценатской деятельности»¹⁰. В принципе, не зря меценатство рассматривается и как «принцип сохранения исторического и культурного наследия» [9, с. 20]. Меценатство – это традиция поддержки искусства и культуры, которая существует на протяжении многих столетий. Благодаря меценатам восстанавливаются памятники архитектуры и истории, сохраняются национальные традиции и языки. В России такой подход уже используется в работе с памятниками культуры. Например, в 2019 г. банк ВТБ выделил 100 млн руб. на реставрацию и сохранение памятников культуры России. Средства были направлены на восстановление Архангельского собора в Вологде и храма Владимирской иконы Божией Матери в Нижнем Новгороде. Необходимо продолжать работу по привлечению меценатов и расширению этой традиции на всей территории страны, так как благодаря ей сохраняются памятники архитектуры и истории.

Органы публичной власти, в свою очередь, оказывают поддержку в развитии фандрайзинга (эти меры перечислены в законах о благотворительной и меценатской деятельности). Однако основным стимулом развития фандрайзинговой деятельности являются меры налогового поощрения благотворителей (налоговые льготы).

⁹ Российская газета. 1995. 17 авг.

¹⁰ Российская газета. 2014. 7 нояб.

⁷ Руками не трогать! Петербургские памятники разрушаются от туристических ритуалов [Электронный ресурс]. URL: <https://78.ru/articles/2022-07-05/rukami-ne-trogat-peterburgskie-pamyatniki-razrushayutsya-ot-turisticheskikh-ritualov> (дата обращения: 30.04.2023).

⁸ Туристы разрушили памятник XVI века в Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: https://heritage-institute.ru/?tribe_events=turisty-razrushili-pamyatnik-xviveka-v-voronezhskoj-oblasti (дата обращения: 30.04.2023).

В целях сохранения культурного наследия активно может использоваться и такой инструмент, как краудфандинг, для привлечения частных инвестиций с целью ремонта и обновления объектов культурного наследия. Например, в Италии создана программа, благодаря которой частные лица могут пожертвовать деньги на реставрацию конкретного объекта культурного наследия [10]. В Японии существует программа, которая предоставляет финансирование проектам по сохранению замков и дворцов, в том числе и за рубежом [11]. В России имеется нормативная база для этого механизма – Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹. Его особенность в том, что публичные органы власти могут создавать специальные проекты на платформах краудфандинга (интернет-площадках), и любой желающий может внести свой вклад в сохранение и реставрацию конкретных памятников культуры. В Российской Федерации много различных фондов, которые занимаются сбором денег на восстановление и ремонт ОКН. Например, это благотворительный Фонд сохранения исторического наследия в России. Благодаря его акции по сбору средств удалось реставрировать памятник Кузьме Минину и князю Дмитрию Пожарскому.

Однако основным источником финансирования охраны культурного наследия является государство. В России данная задача решается за счет федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации, средства которых направляются на реставрацию и сохранение памятников культуры, соответственно, как на федеральном, так и на региональном уровне.

К сожалению, несмотря на все положительное, имеются и факты нарушения обязанности по сохранению ОКН. К примеру, в Челябинске прокуратура выявила нарушения со стороны кафе и ресторанов, разместившихся в историческом центре города, которые при установке летней террасы повредили часть исторического здания, так как сделали пристрой к дому в охранной зоне¹²; в Октябрь-

ском районе Оренбургской области администрацией не оформлено надлежащим образом право собственности на три памятника военной истории¹³. Немало случаев и привлечения к ответственности. Примером может служить дело № 2-1383/17, рассмотренное Кисловодским городским судом в защиту неопределенного круга лиц и самого муниципального образования город Кисловодск, о невыполнении обязанностей по сохранению ОКН «Мужская гимназия Сильникова, нач. XX в.»¹⁴. Что же касается уголовной ответственности по ст. 243.1 УК РФ, то, несмотря на огромное количество примеров и сноса ОКН собственниками, и нарушения требований по их сохранности, большая часть нарушителей не понесли предусмотренного уголовным законом наказания. Верно отмечено, что «фактическая безнаказанность разрушителей нашего культурного наследия автоматически рождает новые и новые разрушения и утраты»¹⁵.

Объекты нематериального культурного наследия являются не менее важными, чем материальные, соответственно, полномочия органов власти в этой сфере должны быть направлены на их сохранение, чтобы обеспечить сбережение и передачу традиций, обрядов, языков и ремесел будущим поколениям. Отношения в области их выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации, как уже было сказано, регулируются Федеральным законом № 402. Но им регулируются полномочия только в отношении такой части объектов нематериального культурного наследия, как этнокультурное достояние. Так, чтобы сохранить этническую культуру народов Российской Федерации, органы публичной власти создают условия для развития этнических культурных центров, проводят мероприятия по сохранению и продвижению национальных традиций.

Одним из проявлений этнической культуры являются ремесла. Например, белорус-

13 Прокуратура Октябрьского района выявила нарушения закона в сфере охраны объектов культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/mass-media/news?item=84281304 (дата обращения: 30.04.2023).

14 Решение № 2-1383/2017 2-1383/2017-М-1127/2017 М-1127/2017 от 15.11.2017 по делу № 2-1383/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iKqghllMG15d/> (дата обращения: 30.04.2023).

15 Михайлов К. Обрушители отечества [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4164008> (дата обращения: 30.04.2023).

11 Российская газета. 2019. 7 авг.

12 Прокуратура выявила в Челябинске нарушения закона о культурном наследии [Электронный ресурс]. URL: <https://domsovet.tv/articles/prokuratura-vyyavila-v-chelyabinske-narusheniya-zakona-o-kulturnom-nasledii/> (дата обращения: 30.04.2023).

ская вышивка или башкирский кожаный промысел – это не только процесс создания продукта, но и передача знаний и опыта от старших поколений младшим. Ремесла также способствуют формированию экономической базы местных сообществ и помогают сохранить рабочие места. Вместе с тем они являются прекрасным инструментом для развития туризма и привлечения внимания к этническим особенностям каждого региона. Государственная поддержка различных форм народного творчества и ремесел заключается не только в организации фестивалей и ярмарок, создании мастерских и центров народного творчества, но и в предоставлении субсидий для открытия магазинов ремесел, организации курсов обучения ремеслам. Вся эта поддержка необходима для сохранения этнокультурного разнообразия страны и ее уникальности.

В России около 100 языков находятся под угрозой исчезновения. Усилия правительства и общественных организаций направлены и на сохранение языкового культурного наследия России. Эта работа может включать в себя:

- 1) поддержку языковых программ и культурных мероприятий, таких как фестивали, концерты, театральные представления и выставки;
- 2) финансирование языковых программ обучения для молодежи, в том числе языковых лагерей и языковых кружков;
- 3) создание языковых центров и библиотек, где есть возможность изучения и сохранения исчезающих языков;
- 4) поддержку культурно-языковых групп и общин, чтобы помочь им сохранять, развивать и продвигать свой уникальный язык и культуру;
- 5) проведение исследований и создание ресурсов, которые помогут сохранить и восстановить исчезающие языки;
- 6) поддержку и защиту языковых прав народов, включая право на использование своего языка при общении с органами власти;
- 7) поддержку перевода и переводческих услуг для народов, которые используют свой язык в качестве основного средства общения.

Окончательное решение о том, какие меры использовать для сохранения языков народов, будет зависеть от конкретных обстоятельств на местном уровне. Важно, чтобы органы власти учитывали мнение и нужды народов, которые они стараются поддерживать в сохранении своих языков и культур.

Охрана и популяризация объектов нематериального культурного наследия играют большую роль в сохранении исторических корней и уникальности каждого этноса. Например, традиционная кухня является частью культурного наследия многих стран. Готовка блюд по старинным рецептам помогает сохранить традиции и способствует распространению этой части нематериального культурного наследия. Для этого необходимо проводить системную работу по документированию, изучению и продвижению объектов нематериального культурного наследия.

Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. установлены необходимые меры с целью сохранения иных объектов нематериального культурного наследия, которые, безусловно, могут быть реализованы только во взаимодействии всех уровней публичной власти: сохранение и популяризация отечественного кинематографического наследия; поддержка общественных инициатив, благотворительных проектов и добровольческого движения; защита и поддержка русского языка; пропаганда литературы, чтения и культурного просвещения граждан; сохранение и развитие российских национальных систем, принципов и методов воспитания и обучения детей, подростков и молодежи в области искусств, в том числе охрана и поддержка уникальной системы образования.

В плане сохранения культурного наследия особая роль отводится Президенту РФ, который придает большое значение сохранению культурного наследия всех народов России, включая нематериальные культурные объекты и традиции. Президент РФ имеет существенное влияние на формирование культурной политики, распределение бюджетных средств, поддержку культурных проектов и мероприятий. Программы, созданные Президентом РФ для сохранения и восстановления исторических памятников и объектов архитектуры, имеют долговременные преимущества: увеличение туристического потока и экономическое процветание региона. Один из ярких примеров успешной работы по сохранению культурного наследия с участием Президента РФ – создание различных фондов. Так, благодаря Фонду по сохранению и развитию Соловецкого архипелага будет восстановлено много ОКН, что приведет к росту туристического потока и увеличению экономического процветания региона.

Президент РФ постоянно призывает сохранять этнокультурное достояние и поддерживать разнообразие языков народов России путем поддержки программ по их изучению и расширению доступа к образованию на этих языках. Например, его указом создан Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, направленный на сохранение национальной идентичности, культурного многообразия страны, множества уникальных диалектов и диалектных групп языков, которые используются только определенными этническими группами.

Сохранение и использование культурного наследия являются важными задачами для всех уровней публичной власти. Однако в настоящее время имеется ряд проблем. Одна из основных – отсутствие финансирования поддержки культурных проектов. Без достаточных средств невозможно обеспечить сохранность ОКН и доступность для широкой аудитории. Недостаточное финансирование приводит к тому, что многие ОКН находятся в аварийном состоянии, подвергаются разрушению или исчезают вовсе. Кроме того, часто возникает конфликт интересов между застройщиками и сторонниками охраны культурного наследия. Зачастую выигрывает застройщик, который получает разрешение на строительство в ущерб сохранности ОКН. Последствия могут быть серьезными: утрата исторических памятников, которые могли бы дать представление об истории страны, уникального культурного наследия, которое

могло бы привлекать туристов и развивать экономику региона. Но не все так печально: некоторые регионы активно занимаются охраной культурного наследия и добиваются значительных успехов.

Не всегда удается создать условия для полноценного использования культурных объектов в городском пространстве. Например, некоторые здания не соответствуют требованиям безопасности или не имеют необходимых коммуникаций для проведения мероприятий.

Несмотря на деятельность и полномочия органов публичной власти по сохранению, использованию и популяризации ОКН, определенная роль отводится и самому населению. Низкая осведомленность о памятниках и их ценности, недооцененность наследия местными жителями не позволяют в полной мере реализовать и полномочия по популяризации ОКН органами публичной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба за сохранение культурного наследия и восстановление памятников культурного наследия – это важный шаг по восстановлению и сохранению исторического наследия для будущих поколений. Мы должны не только создавать проекты реставрации, но и делать все возможное, чтобы предотвратить их разрушение. Только совместными усилиями мы сможем сохранить наше культурное наследие, которое является богатством и главным ресурсом нации.

Список источников

1. Лавров В.В. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране объектов культурного наследия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / В.В. Лавров. – Москва, 2016. – 238 с.
2. Малинина К.В. Методология управления развитием территорий с объектами культурного наследия: на примере Санкт-Петербурга : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / К.В. Малинина. – Санкт-Петербург, 2007. – 315 с.
3. Мазенкова А.А. Культурное наследие как самоорганизующаяся система : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / А.А. Мазенкова. – Тюмень, 2009. – 151 с.
4. Рокитянский В.Р. Проектирование жизни и культ предков / В.Р. Рокитянский // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. – 1997. – Вып. 4. – С. 28–36.
5. Галкова О.В. Теоретические основы культурного наследия / О.В. Галкова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2011. – № 3 (15). – С. 110–113.
6. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – Москва : Вече, 2000. – 512 с.

REFERENCES

1. Lavrov V.V. Prosecutor's supervision over the execution of laws on the protection of cultural heritage objects. Cand. Diss. Moscow, 2016. 238 p.
2. Malinina K.V. Methodology for managing the development of territories with cultural heritage objects: on the example of Saint Petersburg. Doct. Diss. Saint Petersburg, 2007. 315 p.
3. Mazenkova A.A. Cultural heritage as a self-organizing system. Cand. Diss. Tyumen, 2009. 151 p.
4. Rokitiatsky V.R. Life projects producing and the ancestors cult. *Etnometodologiya: problemy, podhody, koncepcii = Ethnomethodology: Problems, Approaches, Concepts*, 1997, vol. 4, pp. 28–36. (In Russian).
5. Galkova O.V. Theoretical foundations of cultural heritage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Journal of Volgograd State University*, 2011, no. 3 (15), pp. 110–113. (In Russian).
6. Kononenko B.I. Large explanatory dictionary of cultural studies. Moscow, Vechе Publ., 2000. 512 p.

7. Галкова О.В. Российские традиции охраны культурного наследия : дис. ... д-ра ист. наук : 24.00.01 / О.В. Галкова. – Волгоград, 2012. – 529 с.

8. Чернявский А.С. Управление сохранением и развитием объектов недвижимости культурного наследия : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А.С. Чернявский. – Москва, 2011. – 158 с.

9. Ширей Б.О. Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Б.О. Ширей. – Саратов, 2013. – 26 с.

10. Яценко Е.П. Проблемы сохранения культурного достояния Италии / Е.П. Яценко // Культура в современном мире. – 2013. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://infoculture.rsl.ru>.

11. Поправко Е.А. Участие Японии в проектах по охране культурного наследия за рубежом / Е.А. Поправко // Известия Восточного института. – 2013. – № 2 (22). – С. 57–64.

7. Galkova O.V. Russian traditions of cultural heritage protection. Doct. Diss. Volgograd, 2012. 529 p.

8. Chernyavsky A.S. Management of the preservation and development of real estate objects of cultural heritage. Cand. Diss. Moscow, 2011. 158 p.

9. Shirey B.O. Constitutional bases for the preservation of the historical and cultural heritage of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2013. 26 p.

10. Yatsenko E.P. Problems of preserving the cultural heritage of Italy. *Kul'tura v sovremennom mire = Culture in the Modern World*, 2013, no. 4. Available at: <http://infoculture.rsl.ru>.

11. Popravko E.A. Japan's participation in projects for the protection of cultural heritage abroad. *Izvestiya Vostochnogo instituta = Oriental Institute Journal*, 2013, no. 2 (22), pp. 57–64. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 11.05.2023. The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 11.05.2023.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.10

Original article

БАХТЕЕВ Дмитрий Валерьевич
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

BAKHTEEV Dmitry Valerievich
Ural State Law University named after
V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

ИНФОРМИРОВАНИЕ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБУЧЕНИИ И ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

INFORMING IN CRIMINALISTIC TRAINING AND CRIMINAL INVESTIGATION PRACTICES

Аннотация. Актуальной задачей криминалистики и смежных уголовно-процессуальных дисциплин является информационно-справочное обеспечение следственной деятельности, что предполагает в числе прочего исследование форм донесения результатов научных исследований до адресата – следователя или другого участника уголовного судопроизводства. Цель: формирование теоретической модели информирования следователя и дознавателя путем разработки и внедрения мобильных приложений со справочной информацией, сравнение подходов к структуре криминалистических знаний в России и иностранных государствах. Методы: эмпирические методы сравнения, моделирования, анкетирования. Результаты: в статье выявлены особенности российского подхода к изложению справочно-методической информации (от общего к частному, от большого к малому и т. д.). По мнению автора, мобильные справочники следует организовывать согласно хронологическому подходу: соответственно последовательностям действий адресата таких справочников. Определены основные положительные признаки современных мобильных справочников: мобильность, оперативность, возможность функционирования без подключения к сети Интернет, возможность синтеза разнородных источников.

Ключевые слова: информирование, справочное обеспечение, мобильные приложения, мобильные справочники, информационные технологии, справочник следователя

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0304/23.

Abstract. An urgent task of criminalistics and related criminal procedure disciplines includes informational and reference support for investigative activities, which involves, among other things, the study of forms of communication of the results of scientific research to the addressee – the investigator or another participant in the criminal proceedings. Purpose: to form a theoretical model for informing the investigator and the interrogator by developing and implementing mobile applications with reference information, to compare approaches to the structure of criminalistic knowledge in Russia and foreign states. Methods: empirical methods of comparison, modeling, questioning. Results: the article reveals features of the Russian approach to the presentation of reference and methodological information (from general to specific, from big to small, etc.). In the author's view, mobile directories should be organized under a chronological approach: according to sequences of actions of the addressee of such directories. The article identifies main positive signs of modern mobile directories: mobility, efficiency, the ability to function without connection to the Internet, the ability to synthesize heterogeneous sources.

Keywords: informing, reference support, mobile applications, mobile directories, information technologies, investigator's handbook

Financing. The study is supported by the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev within the framework of project of the leading scientific school No. 0304/23.

Для цитирования: Бахтеев Д.В. Информирование в криминалистическом обучении и практике расследования преступлений / Д.В. Бахтеев. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 80–88.

For citation: Bakhteev D.V. Informing in criminalistic training and criminal investigation practices. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 80–88. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.10.

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональному следователю, по мнению отца-основателя криминалистики – Г. Гросса, «приходится решать вопросы по всем, без исключения, отраслям человеческого знания, он должен знать различные языки, уметь рисовать и должен знать, что ему может ответить судебный врач. Он должен быть знаком с уловками браконьеров, равно как с приемами биржевого спекулянта; он должен ясно представлять себе, каким образом совершен был подлог духовного завещания, как именно произошло железнодорожное крушение, как действовали в известной карточной игре шулера, как произошел взрыв котла и каким образом продавец лошадей обманывал покупателей; он должен быть осведомлен в счетоводстве торговых книг, должен понимать воровской жаргон, уметь разбирать шифрованное и, наконец, понимать работу и орудия всех ремесел. ...Судебному следователю могут пригодиться в его деятельности все знания без исключения, какими удалось ему ранее запастись, и что каждый пробел может иной раз дать себя почувствовать» [1, с. 8–9]. В данной цитате слишком часто встречается слово «должен», однако, на наш взгляд, нельзя требовать от следователей абсолютных, полноценно эйдетических знаний, что при этом не исключает действительной необходимости быть просвещенным в различных областях, так что финальная часть приведенной цитаты по-прежнему справедлива.

А.Н. Першин, расширяя перечень знаний, которыми должен быть вооружен следователь, в качестве объектов познания последнего в системе документов приводит управленческую, правовую, политическую, историческую и криминальную информацию [2]. Аккумулировать разнообразную по своей природе информацию и достичь, казалось бы, противоположных целей – ликвидировать пробелы и недостатки в объеме знаний следователя, при этом не заставляя его хранить весь упомянутый объем в собственной памяти, – возможно за счет использования достижений научно-технического прогресса и криминалистических разработок.

Одновременно с этим необходимо учитывать, что криминалистическая деятельность в первую очередь направлена на обработку информации и преобразование ее в уголовно-процессуальное доказательство. Любая познавательная деятельность, в том числе и следственная, включает в себя процессы накопления, систематизации информационных источников и в конечном счете их применения на практике. Важную часть таких источников составляет справочная информация, которая часто лежит в основе принятия решений следователем, будь то процессуальные, криминалистические решения либо же вопросы квалификации преступления.

В.Я. Колдин еще в 1980-х годах, расширяя определение криминалистики, предложенное Р.С. Белкиным, указывал, что «предметом криминалистики является структура информационно-познавательной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и обеспечивающие ее оптимизацию легальные организационные, технические и тактико-методические средства, приемы и технологии» [3, с. 15]. Однако самого существования указанных средств, приемов и технологий недостаточно для их интеграции в практическую деятельность, их следует донести до исполнителя в предельно адаптированной и удобной форме, то есть осуществить информирование. О варианте технологического обеспечения процесса информирования следователя и пойдет речь в настоящей статье.

Отметим, что вопросы криминалистического и правового информирования в процессе расследования преступлений рассматривались в отечественной науке Ю.П. Гармаевым [4], М.К. Каминским и А.М. Каминским [5], Р.А. Усмановым [6], В.А. Юматовым [7] и другими учеными. Актуальность и существенное значение данной тематики подтверждается ее тесной связью с такими активно развивающимися направлениями в криминалистике, как криминалистические учеты, криминалистические мышление и познание, юридические дидактика и пропедевтика.

А.Е. Хорошева, исследуя информационные процессы, реализуемые в рамках судебного

рассмотрения уголовного дела, указывает, что «информация выступает основой для формирования любой частной системы доказывания, которая, в свою очередь, опосредована большим количеством взаимосвязей, как то доказательств между собой, их источников, свойств, пригодности или непригодности их для доказывания ... информация – это любая отображенная в окружающей действительности или сознании субъекта система данных, которая может быть использована с целью установления истины по делу. В данном случае она не тождественна криминалистической характеристике преступления и включает в себя множество элементов (а не только описание преступления), таких как улики поведения обвиняемого и подозреваемого, избранные ими способы защиты, формы собирания новых доказательств в обоснование своей позиции по делу, использование прокурором доказательств для опровержения позиции защиты» [8, с. 310]. В приведенной цитате содержится крайне важное указание на соотношение конкретных знаний, которыми располагает субъект криминалистического познания (в первую очередь – следователь), и сведений, содержащихся в криминалистических характеристиках и иных основанных на статистике источниках криминалистических знаний (к примеру, экспертных методиках или методических указаниях). Ключевая задача криминалистической науки на современном этапе ее развития – не столько бесконечно увеличивать объем знаний следователя, сколько предоставлять ему возможность оперативного и удобного доступа к экспоненциально расширяющимся сведениям о преступлениях и путях их раскрытия и расследования.

ЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Знания как основания для принятия решения или выработки новых подходов к этому процессу в эпоху развития информационных ресурсов могут и должны быть почерпнуты с помощью интернета. Веб-ресурсы, предоставляющие такого рода сведения, могут принимать две основные формы: статичную – в виде справочных правовых систем («Гарант», «КонсультантПлюс» и пр.), энциклопедических и справочных проектов, и динамичную – в виде форумов, чатов, каналов и групп в социальных сетях и мессенджерах. Если

в первом случае получаемая информация характеризуется относительной устойчивостью, но в целом низкой привязкой к меняющимся условиям действительности, то динамичные веб-источники обладают обратными свойствами: их актуальность и ценность крайне высоки в момент публикации сведений, но они могут быстро устаревать.

Согласно проведенному в 2020–2022 гг. анкетированию 47,9 % опрошенных следователей приоритетным источником криминалистических справочных знаний считают печатные материалы, 63,9 % – веб-сайты, 37,4 % используют преимущественно приложения на смартфоне. Разработанное научной школой кафедры криминалистики УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева мобильное приложение сочетает в себе компоненты веб-сайта и мобильного приложения и используется в современной следственной, оперативно-разыскной и экспертной деятельности [9; 10]. Аналогичный проект – Справочник дознавателя МЧС – реализован в системе МЧС России под руководством А.Т. Кужаева при поддержке ГУ МЧС по Челябинской области.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОБИЛЬНЫХ СПРАВОЧНИКОВ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основными аспектами донесения справочной информации до следователя в формате мобильного приложения являются:

- мобильность: смартфон стал неотъемлемой частью жизни современного человека, размещение на нем источников знаний для следственной деятельности является уже очевидным решением;

- оперативность: доступ к цифровым источникам информации осуществляется намного быстрее, чем к печатным. Разумеется, в данном случае существенную роль играют навыки конкретного пользователя по поиску информации.

- работа без подключения к сети Интернет: в Справочнике дознавателя МЧС все компоненты доступны офлайн, в мобильном приложении «CrimLib.info – Справочник следователя» подключение к Сети требуется только для загрузки бланков процессуальных документов. Этот аспект стал более актуальным во время проведения специальной военной операции: правила безопасности требуют от следователей военных органов Следственного

комитета России работать без подключения к беспроводным сетям, соответственно, интернет-источники исключены, а полевые условия не предполагают доступа к печатной литературе. В такой обстановке офлайн-мобильные приложения со справочной информацией становятся приоритетным источником;

– возможность интеграции разнородных баз данных и сведений в едином приложении, что зачастую невозможно в печатной форме. Так, упомянутый Справочник следователя содержит, помимо криминалистических, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные сведения. Данные сведения, как правильно отмечает Ю.П. Гармаев, должны быть представлены в максимально лаконичной и доступной форме [11, с. 273]. Даже с учетом такого подхода объем сведений в современных мобильных справочниках кратно превышает аналогичный в печатных источниках.

При этом мы полностью солидарны с мнением Ю.П. Гармаева, который указывает на необходимость разработки таких проектов силами научного, а не технического сообщества [11]. Программная оболочка и встроенная поисковая система в настоящее время создаются относительно быстро и не представляют особой сложности; содержание приложения, напротив, требует от коллектива авторов значительной переработки существующих методических рекомендаций.

Последнее приводит нас к вечной задаче обеспечения связи науки и следственной практики. Все уголовно-правовые науки, обслуживающие деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, ориентированы на прикладное внедрение своих разработок. Однако в большинстве случаев адресатом научных публикаций являются представители научного сообщества, а не практики. Основная трудность состоит в сложном языке научных работ и их объеме. Формат текстовых материалов, реализованный в указанных мобильных справочниках, позволяет донести до практического работника (следователя полиции, Следственного комитета, дознавателя МЧС России) результаты современных научных исследований, изложенные в лаконичной форме.

ИЕРАРХИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К СПРАВОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Помимо всего сказанного, указанные проекты имеют принципиальное отличие от клас-

сической учебной и методической литературы, заключающееся в способе организации и подачи информации читателю. Цель прикладных мобильных справочников – не обучать читателя, а напомнить ему необходимые сведения. Т.С. Волчецкая отмечает, что «если российская криминалистика базируется на положениях диалектического материализма, то в основе криминалистической науки США и Германии лежит философия прагматизма» [12, с. 40].

В отечественной учебной и методической литературе традиционно используется дедуктивный (иерархический) метод подачи информации: изучение дисциплины идет от общего к частному, логический модус и приводимые примеры в изучаемых темах изменяются соответственно. Мы считаем, что такой подход идеально подходит для современной науки и отдельных форм образовательной деятельности (в частности, при преподавании теоретических дисциплин), но не для практики. Для практико-ориентированных проектов более приоритетной видится хронологическая модель подачи информации, каркасом которой выступает не структура соответствующей науки, а наиболее типичная последовательность действий на практике. Если дедуктивная модель в качестве первой темы заявит общеметодологические вопросы предварительного следствия, то при хронологической это будет описание действий при получении сообщения о преступлении.

В данной связи внимания заслуживает проблема преподавания криминалистики в отечественных вузах. Существующая модель учебного процесса воспроизводит структуру науки, что не согласуется с действительностью – службой в следственных органах. Несмотря на удобство иерархического представления информации, оно имеет следующие недостатки:

1) в процессе обучения редко используются примеры реальной практики раскрытия и расследования преступлений; практические задания направлены на анализ одного аспекта пройденного материала: составление плана расследования, либо подбор технических средств, либо воспроизведение криминалистической характеристики;

2) студенты не обучаются комплексному восприятию, не способны увидеть целостную картину собственных действий и возможных следственных ситуаций с момента получения сообщения о преступлении до передачи материалов дела прокурору;

3) студенты неоднородно запоминают те сведения, которые им преподносятся в процессе обучения; так, отдельные первые темы глубже и прочнее откладываются за счет регулярного повторения, тогда как последние развешиваются очень быстро, при этом наибольшую трудность составляют общетеоретические, глобальные вопросы, поскольку они, будучи освещенными на первых занятиях, специально не воспроизводятся впоследствии.

Таким образом, считаем, что традиционный подход к обучению криминалистике – одной из наиболее практико-ориентированных дисциплин в юридическом вузе – должен быть изменен. Если для основных правовых дисциплин иерархическая модель обучения представляется оптимальной, то здесь луч-

ше подойдет именно хронологическая, так как она в большей степени способна воспроизвести в рамках учебного процесса то, с чем столкнется студент после выпуска. Отметим, что такой подход весьма успешно реализуется в отдельных зарубежных странах (в частности, тех, где и в науке систематикой глубоко не занимаются).

В качестве примера представления криминалистики как учебной дисциплины приведем тематические планы пяти учебников: российского, чешского, польского и двух американских (по криминалистике и расследованию преступлений), типовым образом отражающих систему криминалистики и подготовки следователя в соответствующих странах (см. табл.).

Российский учебник по криминалистике [13; 14; 15]	Чешский учебник по криминалистике [16]	Польский учебник по криминалистике [17]	Американский учебник по криминалистике [18]	Американский учебник по расследованию преступлений [19]
Введение в науку криминалистику	История криминалистики	Предмет и структура криминалистики	Введение	Уголовный закон и расследование
Теория криминалистической идентификации	Предмет криминалистики	Первичная информация о преступлении	Место происшествия	Теория доказательств и расследование
Теория следственных ситуаций	Система криминалистики	Осмотр	Материальные следы	Предварительные действия при расследовании
Теория криминалистических версий	Криминалистические методы	Использование судебной медицины. Исследование следов биологического происхождения	Реконструкция места происшествия, анализ следов крови	Подготовка к осмотру места происшествия
Общие положения криминалистической техники	Следы в криминалистике	Следственные версии, modus operandi, криминалистический анализ – теоретические основы следствия	Расследование смерти	Действия при осмотре места происшествия
Криминалистическая трасология	Фиксация следов	Криминалистическое понимание преступления	Следы пальцев	Фотографирование места происшествия
Криминалистическое исследование письма	Криминалистические исследования	Идентификация личности на основе следов памяти – опознание	Микроскопические исследования	Зарисовка схем места происшествия
Технико-криминалистическое исследование документов	Криминалистическая идентификация	Выбор тактики действий с участием подозреваемых или свидетелей	Огнестрельное оружие, следы орудий и инструментов и другие следы-отображения	Обстоятельства, выясняемые при осмотре места происшествия
Криминалистическая баллистика	Криминалистическая дактилоскопия	Оперативно-разыскные действия	Исследование материалов, света и стекла	Фиксация результатов осмотра места происшествия
Криминалистическое взрывоведение	Криминалистическая антропология	Полицейская регистрация	Исследование волос и волокон	Приемы осмотра

Отождествление человека по признакам внешности	Криминалистическая трасология	Некоторые формы тактико-криминалистических действий	Исследование наркотических средств	Операции с доказательствами
Криминалистическая фотография и видеосъемка	Криминалистическое исследование рукописей	Фотография в криминалистике	Судебная токсикология	Основы криминалистических исследований
Криминалистическая регистрация	Криминалистическая фоноскопия	Введение в теорию криминалистической идентификации	Исследование металла, краски и почвы	Исследование следов биологического происхождения
Общие положения криминалистической тактики	Криминалистические исследования следов биологического происхождения	Применение антропологии в криминалистике	Судебная серология	Исследование ДНК
Организация, планирование, создание системы взаимодействия	Криминалистическая одорология	Дактилоскопия	Исследование ДНК	Исследование волос и волокон
Тактика следственного осмотра	Криминалистическая химия	Исследование документов	Криминалистические аспекты расследования пожаров и взрывов	Исследование тканей
Тактика освидетельствования	Криминалистическая баллистика	Идентификация на основе запаха	Исследование документов	Исследование стекла и почвы
Тактика обыска и выемки	Криминалистическое исследование печатных документов	Идентификация инструментов, следов обуви и следов транспорта	Компьютерная криминалистика	Исследование красящих веществ
Тактика проверки показаний на месте	Криминалистическое взрывоведение	Исследование огнестрельного оружия и следов его применения	Мобильная криминалистика	Исследование лекарственных и наркотических средств
Тактико-организационные основы контроля и записи переговоров	Технико-криминалистическое исследование документов	Физико-химические исследования	Биометрические исследования	Операции с отсыревшими объектами
Тактика предъявления для опознания	Криминалистическая механоскопия	Идентификация по эмоциональным следам	–	Правила упаковки
Тактика следственного эксперимента	Криминалистическая фотография	Новые методы идентификации и иных исследований	–	Фиксация и изъятие доказательств
Тактика задержания	Криминалистическое исследование письменной речи	–	–	Следы огнестрельного оружия, орудий и инструментов
Организационно-тактические основы использования специальных знаний в расследовании преступлений	Осмотр	–	–	Следы-отображения
Общие положения криминалистической методики	Обыск	–	–	Допрос и опрос
Общие положения методики расследования убийств	Криминалистические версии	–	–	Свидетельские показания
Методика расследования изнасилований	Допрос	–	–	Операции со следами пальцев

Расследование бандитизма	Проверка показаний на месте	–	–	Наблюдение за объектами
Расследование грабежей и разбоев	Криминалистический эксперимент	–	–	Рапорты и отчеты
Методика расследования краж	Опознание	–	–	–
Расследование хищений, совершаемых путем присвоения и растраты	Криминалистическая реконструкция	–	–	–
Методика расследования мошенничества	Очная ставка	–	–	–
Методика расследования хищений в сфере банковского кредитования	–	–	–	–
Расследование коррупционных преступлений	–	–	–	–
Расследование налоговых преступлений	–	–	–	–
Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	–	–	–	–
Расследование пожаров	–	–	–	–

Приведенное сопоставление показывает, что едиными для всех являются следующие темы:

- криминалистическая трасология: исследование следов-отображений (в том числе дактилоскопия);
- криминалистическое исследование документов (в том числе исследование почерка и реквизитов документа);
- криминалистическая баллистика – исследование огнестрельного оружия, следов его применения и боеприпасов;
- криминалистическая фотография;
- действия при осмотре места происшествия;
- допрос.

Именно они могут считаться ядром современной глобальной криминалистики (как науки и учебной дисциплины), признаваемым в большинстве стран с точки зрения их востребованности и научной обоснованности. Однако укажем, что данное сравнение не является статистическим в силу малой выборки, но дает представление о системах криминалистики и подходах к изложению материала в разных государствах.

Наглядно видно, что блок общетеоретических вопросов в российском учебнике гораздо больше, чем в иных, хотя и в англоязычной литературе встречаются позиции о важности общих положений [20]. Российский и восточно-европейский подход к криминалистике также включает в себя работу с идеальными следами, а американские учебники опираются исключительно на материальные доказательства. Выделяется присутствие раздела, посвященного методике расследования отдельных составов преступлений. Учитывая практико-ориентированный характер американского учебника по расследованию преступлений, неудивительно, что он включает в себя уголовно-правовые и уголовно-процессуальные рекомендации. В России эти темы входят в содержание отдельных дисциплин. Мы не считаем, что следует беспрекословно копировать методику преподавания криминалистики у какого-нибудь другого государства, но предлагаем учесть опыт разных стран, чтобы выработать оптимальный вариант с позиций не только удобства для профессорско-преподавательского состава, но и эффективности для студентов, которым позже придется ис-

пользовать полученные знания на практике. Помочь в этом могут уже упоминавшиеся мобильные справочные приложения, которые в первую очередь преследуют цель информирования непосредственных практических сотрудников, но также могут быть использованы и в учебном процессе, что уже имеет положительные эффекты, например в Уральском юридическом институте МВД России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мобильные приложения со справочной информацией, не вытесняя иные информационные источники, являются важной частью информационного обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений. Их наполнение должно осуществляться си-

лами научного сообщества, с обязательным учетом мнения и приемом обратной связи от сотрудников соответствующих правоохранительных органов. Помимо этого, такие справочники требуют нетрадиционной для России – хронологической – модели представления информации, которая в большей мере соответствует практической деятельности, в связи с чем может быть использована для преподавания практико-ориентированных учебных дисциплин в вузах. Это позволит не только связать науку и практику, но и обеспечить преемственность между классическим академическим образованием и работой, когда приобретенные в процессе обучения знания, умения и навыки будут действительно полезными на протяжении последующей жизни выпускников.

Список источников

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Москва : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
2. Першин А.Н. Функциональный подход к классификации документированной информации в криминалистике / А.Н. Першин // Современное право. – 2015. – № 1. – С. 106–111.
3. Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? / В.Я. Колдин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2000. – № 4. – С. 3–19.
4. Гармаев Ю.П. Правовое просвещение и правовое информирование в уголовном процессе и криминалистике / Ю.П. Гармаев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5 (22). – С. 258–270.
5. Каминский М.К. Образование и обучение в криминалистике: проектирование и реализация учебного курса / М.К. Каминский, А.М. Каминский. – DOI 10.35634/2412-9593-2021-31-1-96-101 // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2021. – Т. 31, № 1. – С. 96–101.
6. Усманов Р.А. Криминалистическая теория информации : монография / Р.А. Усманов. – Челябинск : ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. – 314 с.
7. Юматов В.А. Материальные источники криминалистической информации / В.А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 4. – С. 180–188.
8. Хорошева А.Е. О роли моделирования в судебном доказывании: криминалистическое исследование / А.Е. Хорошева // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 303–316.
9. Бахтеев Д.В. Мобильный справочник следователя: содержание и технические условия разработки / Д.В. Бахтеев, А.А. Беляков // Технологии XXI в юриспруденции : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24 мая 2019 г.) / отв. ред. Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. – С. 23–26.
10. Беляков А.А. Мобильный справочник следователя: состояние и перспективы / А.А. Беляков, Д.В. Бахтеев // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании : сборник материалов международного научно-практического форума, Калининград, 27–31 августа 2020 г. – Калининград, 2021. – С. 279–285.

References

1. Gross G. Guidance for forensic investigators as a system of criminalistics. Moscow, LeksEst Publ., 2002. 1088 p.
2. Pershin A.N. Functional approach to the classification of documentary information in criminalistics. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 1, pp. 106–111. (In Russian).
3. Koldin V.Ya. Criminalistics: theoretical science or applied methodology? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2000, no. 4, pp. 3–19. (In Russian).
4. Garmaev Yu.P. Legal education and legal awareness in the criminal proceedings and forensic science. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal = Criminologist's Library. Scientific Journal*, 2015, no. 5 (22), pp. 258–270. (In Russian).
5. Kaminsky M.K., Kaminsky A.M. Education and training in forensic science: design and implementation of the training course. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2021, vol. 31, no. 1, pp. 96–101. (In Russian).
6. Usmanov R.A. Forensic information theory. *Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.*, 2008. 314 p.
7. Yumatov V.A. Material sources of forensic information. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2015, no. 4, pp. 180–188. (In Russian).
8. Khorosheva A.E. On the role of modeling in forensic evidence: a forensic study. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal = Criminologist's Library. Scientific Journal*, 2014, no. 1 (12), pp. 303–316. (In Russian).
9. Bakhteev D.V., Belyakov A.A. Mobile directory of the investigator: content and technical conditions for development. *Bakhteev D.V. (ed.). Technologies of the XXI century in jurisprudence. Materials of the All-Russian scientific and practical conference (Yekaterinburg, May 24, 2019). Ural State Law University Publ.*, 2019, pp. 23–26. (In Russian).
10. Belyakov A.A., Bakhteev D.V. Mobile directory of the investigator: status and prospects. *Modern technologies and approaches in legal science and education. Collection of materials of the international scientific and practical forum, Kaliningrad, August 27–31, 2020. Immanuel Kant Baltic Federal University Publ.*, 2021, pp. 279–285. (In Russian).

11. Гармаев Ю.П. Мобильные приложения и иные инновационные средства обучения в криминалистике / Ю.П. Гармаев, А.В. Чумаков // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании : сборник материалов международного научно-практического форума, Калининград, 27–31 августа 2020 г. – Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2021. – С. 270–278.
12. Волчetskaya Т.С. Особенности развития современной криминалистики в Германии и США / Т.С. Волчetskaya // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 1. – С. 39–44.
13. Криминалистика : учебник для вузов : в 3 ч. / Л.Я. Драпкин, А.А. Беляков, Е.В. Шишкина и др. ; отв. ред. Л.Я. Драпкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – Ч. 1. – 246 с.
14. Криминалистика : учебник для вузов : в 3 ч. / Л.Я. Драпкин, А.А. Беляков, Е.В. Шишкина и др. ; отв. ред. Л.Я. Драпкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – Ч. 2. – 230 с.
15. Криминалистика : учебник для вузов : в 3 ч. / Л.Я. Драпкин, А.А. Беляков, Е.В. Шишкина и др. ; отв. ред. Л.Я. Драпкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – Ч. 3. – 391 с.
16. Kriminalistika / I. Svoboda [a kol.]. – Ostrava : KEY Publishing, 2016. – 374 s.
17. Kryminalistyka / J. Widacki (red.). – 3 wyd. – Warszawa : C.H. Beck, 2016. – 462 s.
18. Saferstein R. Criminalistics: An Introduction to Forensic Science. – 12th ed. – Pearson, 2020. – 576 p.
19. McKee A.J. Fundamentals of Criminal Investigation / A.J. McKee. – Middletown, 2019. – 251 p.
20. Schuliar Y. Semiotics, Heuristics, and Inferences Used by Forensic Scientists / Y. Schuliar, F. Crispino. – DOI 10.1016/B978-0-12-382165-2.00198-7 // Encyclopedia of Forensic Sciences / ed. by J.F. Siegel, P.J. Saukko, M.M. Houck. – 2nd ed. – Academic Press Publ., 2013. – P. 310–313.
11. Garmaev Yu.P., Chumakov A.V. Mobile applications and other innovative teaching aids in forensics. Modern technologies and approaches in legal science and education. Collection of materials of the international scientific and practical forum, Kaliningrad, August 27–31, 2020. Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2021, pp. 270–278. (In Russian).
12. Volchetskaya T.S. Development features of modern criminalistics in Germany and the USA. Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists, 2019, no. 1, pp. 39–44. (In Russian).
13. Drapkin L.Ya., Belyakov A.A., Shishkin E.V. et al.; Drapkin L.Ya. (ed.). Criminalistics. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2020. Pt. 1. 246 p.
14. Drapkin L.Ya., Belyakov A.A., Shishkin E.V. et al.; Drapkin L.Ya. (ed.). Criminalistics. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2020. Pt. 2. 230 p.
15. Drapkin L.Ya., Belyakov A.A., Shishkin E.V. et al.; Drapkin L.Ya. (ed.). Criminalistics. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2020. Pt. 3. 391 p.
16. Svoboda I. et al. Criminalistics. Ostrava, KEY Publ., 2016. 374 p.
17. Widacki J. (ed.). Criminalistics. 3rd ed. Warszawa, C.H. BeckPubl., 2016. 462 p.
18. Saferstein R. Criminalistics: An Introduction to Forensic Science. 12th ed. Pearson, 2020. 576 p.
19. McKee A.J. Fundamentals of Criminal Investigation. Middletown, 2019. 251 p.
20. Schuliar Y., Crispino F. Semiotics, Heuristics, and Inferences Used by Forensic Scientists. Siegel J.F., Saukko P.J., Houck M.M. (eds.). Encyclopedia of Forensic Sciences. 2nd ed. Academic Press Publ., 2013, pp. 310–313. DOI 10.1016/B978-0-12-382165-2.00198-7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бахтеев Дмитрий Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakhteev Dmitry Valerievich – Doctor of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 11.05.2023.
The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 11.05.2023.

Научная статья
УДК 343.985
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.11

Original article

ВОСТРИКОВ Глеб Алексеевич
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Саранск, Россия;
e-mail: gleb.v97@mail.ru;
<https://orcid.org/0009-0005-2058-0000>

VOSTRIKOV Gleb Alekseevich
Mid-Volga Institute (Branch) of the All-Russian
State University of Justice (RLA of the Ministry
of Justice of Russia), Saransk, Russia.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMINAL OFFENCES AGAINST THE PERSON
COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORKS

Аннотация. Уголовно-правовая защита личности предполагает не только наличие соответствующих норм в уголовном законодательстве, но и действие этих норм, что означает привлечение виновных в совершении преступлений к ответственности. Одна из проблем последнего времени заключается в том, что значительное число посягательств на личность совершаются с применением информационно-телекоммуникационных сетей. Это усиливает негативный эффект таких посягательств, усложняет процесс их расследования и привлечения к уголовной ответственности виновных. Решить указанную проблему можно только при наличии эффективных криминалистических средств, которые может использовать следователь в процессе установления обстоятельств совершения преступления. Цель: определение криминалистических средств, благодаря которым возможно эффективное установление истины по каждому конкретному уголовному делу о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Методы: материалистической диалектики, формальной логики, ситуационного анализа. Результаты: положения об особенностях преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, являются не только основой формулирования рекомендаций для следователя, но и средствами, которые можно использовать в ходе установления имеющих для конкретного уголовного дела обстоятельств. К таким средствам следует относить криминалистическую классификацию и криминалистическую характеристику преступлений, типовые следственные ситуации, возникающие в ходе расследования

Abstract. Criminal law protection of the person implies not only the existence of relevant rules in criminal legislation, but also the application of these rules, which means that the perpetrators of crimes are brought to justice. One of the recent problems is that a significant number of personal attacks are carried out using information and telecommunication networks. This increases the negative impact of such encroachments and makes it more difficult to investigate them and prosecute the perpetrators. This problem can be solved only if there are effective criminalistic means that the investigator can use to establish the circumstances of the crime. Purpose: to identify criminalistic means that can effectively establish the truth in each specific criminal case of crimes committed using information and telecommunications networks. Methods: achieving this goal is possible with the use of such methods as materialistic dialectics, formal logic, situational analysis. Results: the provisions on the characteristics of criminal attacks against the person committed using information and telecommunication networks are not only the basis for making recommendations to the investigator, but also the means that can be used in determining the circumstances of a particular criminal case. Such means should include criminalistic classification and criminalistic characteristics of crimes, typical investigative situations that arise during the ongoing investigation.

Ключевые слова: преступные посяательства против личности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, криминалистическая классификация преступлений, криминалистическая характеристика преступлений, типовые следственные ситуации

Для цитирования: Востриков Г.А. Особенности расследования преступных посятельств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / Г.А. Востриков. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 89–96.

Keywords: criminal attacks against the person committed using information and telecommunication networks, criminalistic classification of crimes, criminalistic characteristics of crimes, typical investigative situations

For citation: Vostrikov G.A. Features of the investigation of criminal offences against the person committed using information and telecommunications networks. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 89–96 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.11.

ВВЕДЕНИЕ

Криминалистическая методика расследования преступлений состоит из двух частей: положений об особенностях конкретного вида преступлений и особенностях их расследования, а также из рекомендаций, использование которых ориентировано на расследование конкретных преступлений определенного вида [1, с. 45]. Положения отображают вполне определенные закономерности, знание которых может помочь в выборе наиболее эффективных действий и средств установления обстоятельств совершенного деяния, и являются результатом обобщения практики расследования определенного вида преступлений. Данные знания позволяют формулировать рекомендации для расследования соответствующих видов преступлений. В свою очередь, эти рекомендации позволяют следователю создавать алгоритм действий, который способствует достижению успеха в установлении обстоятельств совершенного деяния [2, с. 54], причем действовать даже в условиях дефицита информации о расследуемом событии на начальном этапе [3, с. 1225]. Тем самым названные рекомендации имеют сугубо прикладное значение, состоящее в достижении истины и на ее основе – вынесении справедливого процессуального решения.

Большое значение для методики имеют положения, на основе которых разрабатываются рекомендации для расследования отдельных видов преступлений. От правильности, объективности этих положений зависит эффективность расследования каждого конкретного преступления с применением соответствующей криминалистической методики. При этом данные положения отображают особенности конкретного вида преступлений и особенности их расследования. От них следует отталкиваться при определении оптималь-

ности проведения расследования конкретного преступления соответствующего вида. Они фактически являются исходным материалом для создания криминалистических методик, позволяющих максимально эффективно расследовать преступления. К таким положениям относятся: криминалистическая классификация преступлений, криминалистическая характеристика преступлений, типовая следственная ситуация, типовые следственные версии и ряд других. Данные положения отображают типовые особенности преступлений определенного вида и типовые особенности их расследования, знание которых позволяет понять, как оптимизировать деятельность следователя по установлению истины.

Эффективность соответствующей криминалистической методики зависит от положений, которые лежат в ее основе, их объективности, полноты и всесторонности. Данные положения отображают определенные закономерности, которые используются при формулировании рекомендаций и позволяют определять наиболее рациональное планирование и проведение расследования [4, с. 55]. Они являются не только частью криминалистической методики расследования, но и средствами, позволяющими эффективно расследовать конкретные преступления.

Специфика названных положений определяет специфику методики расследования и, соответственно, специфику расследования конкретных преступлений соответствующего вида. От особенностей криминалистической методики зависит выбранный следователем алгоритм расследования. Он включает в себя реализуемые рекомендации, предлагаемые соответствующей методикой, и результат анализа конкретной следственной ситуации, которая сложилась на соответствующем этапе предварительного расследования. Данный механизм формирования и реализации кри-

миналистических методик важен для того, чтобы в процессе их создания не было допущено ошибок, которые могут негативно отразиться на расследовании конкретных преступлений. При этом следует особо отметить, что данный механизм ориентирован на учет особенностей совершенного преступления и его расследования.

Эффективность криминалистической методики всегда зависит от того, насколько она принимает во внимание названные особенности. Связано это с тем, что названные особенности при правильном их использовании позволяют существенно оптимизировать проводимое расследование. Именно этим объясняется необходимость учета особенностей совершаемого преступления при расследовании преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Названные особенности позволяют определить те уязвимости в системе совершенного преступления, использование которых позволит установить обстоятельства деяния и вынести справедливое процессуальное решение.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ВЫДЕЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ «ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ»

Для выявления названных уязвимостей используются такие средства, как криминалистическая классификация и криминалистическая характеристика преступлений. С их помощью следователь может преодолеть недостаток информации, который часто возникает на начальном этапе расследования. Информационный дефицит имеется в начале расследования любого вида преступлений. Он может быть связан с недостатком информации о личности виновного, со способом и механизмом совершения преступления, с кругом лиц, которые были причастны к его совершению, и другими обстоятельствами, имеющими значение для понимания события преступления. При этом особо следует отметить, что важным средством расследования преступных посягательств на личность с использованием информационно-телекоммуникационных сетей является криминалистическая классификация [5, с. 210].

Отнесение к соответствующей классификационной группе соответствующего преступления уже само по себе является вполне определенным шагом в познании этого преступления, поскольку позволяет следователю сосредоточить свое внимание на значимых для установления истины обстоятельствах [6, с. 49]. Также благодаря этому следователь имеет возможность получить недостающую информацию в форме обобщенных данных, которые сформулированы в составах соответствующих норм уголовного законодательства и криминалистически значимых признаках. Так, благодаря отнесению к конкретной классификационной группе следователь при расследовании преступных посягательств с применением информационно-телекоммуникационных сетей имеет возможность уже на начальном этапе расследования знать, какой способ был применен и какие именно отношения были поставлены под угрозу действиями виновного лица.

Самым важным для расследования преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, является то, что следователь имеет возможность определить направление расследования, что важно для достижения успеха. Уже на начальном этапе следователь знает, какие основные тактические задачи ему необходимо решить и какие следственные и иные процессуальные действия выполнить, поскольку недостаток данных о конкретном совершенном преступлении восполняет знание признаков преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Он знает, какие обстоятельства указывают на эти признаки, а потому уже на начальном этапе расследования имеет, хотя и общее, представление о совершенном преступлении. Дефицит фактической информации, отображаемой в следах и сведениях, полученных от очевидцев, компенсируется информацией, полученной в результате обобщения практики расследования преступлений названного вида. Такая компенсация позволяет следователю получить представление о содеянном и выстраивать свою деятельность, направленную на установление всех обстоятельств совершенного преступного посягательства.

Таким образом, отнесение соответствующего деяния к рассматриваемой классифика-

ционной группе уже само по себе может оказать помощь в расследовании. Следователь, применив данное знание, понимает, что преступным посягательством нарушены вполне определенные отношения, в центре которых находится личность, а средством посягательства явились информационно-телекоммуникационные сети.

В умении выделить классификационную группу проявляется использование следователем типового знания, которое указывает на свойственные для преступного посягательства на личность, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, особенности. Благодаря этому типовому знанию следователь уже на начальном этапе расследования хорошо понимает, какие уязвимости имеются у совершенного преступления, использование которых может обеспечить успех в установлении обстоятельств содеянного. При этом следует принимать во внимание, что отнесение соответствующего преступного деяния к классификационной группе – это только первый шаг в познании истины. Он характерен только для начального этапа расследования, а последующими шагами должно быть применение других эффективных средств, позволяющих обеспечить дальнейшее эффективное расследование.

Одним из таких хорошо себя зарекомендовавших средств является криминалистическая характеристика преступлений. Она помогает выявить особенности соответствующего деяния, которые имеют значение для установления обстоятельств, позволяющих восстановить картину совершенного преступления, сосредоточить внимание на элементах совершенного преступления, которые имеют значение для дальнейшего исследования того как, когда и кем было совершено это деяние. Благодаря криминалистической характеристике преступлений следователь получает типовую информацию, которая может быть полезна в ходе всего проводимого расследования. Эта типовая информация позволяет определять локализацию следов, способных указать на обстоятельства совершенного преступления. Криминалистическая характеристика позволяет воспользоваться типовой информацией в моменты расследования, когда нет иной информации, позволяющей сформировать представление об отдельных обстоятельствах совершенного преступления.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

При расследовании преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, ситуации, когда недостаточно информации об обстоятельствах совершенного преступления, складываются на разных этапах расследования, а не только на начальном. Связано это с особенностями информационно-телекоммуникационных сетей, которые выступают не только в качестве средства совершения преступления, но и в качестве виртуальной среды, в которой остаются определенные следы, указывающие на особенности соответствующего преступления.

На начальном этапе следователю бывает достаточно обобщенного знания о том, что преступление было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, но по мере расследования только этого знания становится недостаточно. Следователю необходимо установить, как была применена соответствующая информационно-телекоммуникационная сеть. Это ставит перед ним задачу не только ограничиться знанием того, что для достижения преступной цели была использована информационно-телекоммуникационная сеть, но и знать особенности ее применения, какие конкретно свойства этой сети могли способствовать совершению преступления [7, с. 193]. Поэтому в ходе последующих этапов расследования следователь стремится все больше углубиться в познание обстоятельств совершения преступления, что невозможно без более детального понимания использования информационно-телекоммуникационной сети и ее значения в формировании обстоятельств, способствовавших достижению преступного результата. С учетом того, что сама по себе информационно-телекоммуникационная сеть представляет собой достаточно сложное явление, в ходе расследования могут возникать ситуации, когда будут выявляться белые пятна в системе знаний о соответствующем произошедшем событии. Поэтому особенностью названного вида преступлений является то, что недостаток информации о значимых обстоятельствах может возникать на любом из этапов расследования.

Особенно значимыми элементами криминалистической характеристики преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, является способ и механизм совершения. Здесь важными являются детали использования данного средства совершения преступления [8, с. 21]. Способ, знание которого помогает понять картину совершения преступления названного вида, состоит в деталях. Благодаря знанию этих деталей можно рассчитывать на полное знание того, что было совершено. Поэтому типовая информация о способе совершения рассматриваемых преступлений выступает в качестве одного из средств, которое должно использоваться для достижения эффективности проводимого расследования. При этом следует отметить неразрывную связь способа совершения рассматриваемых преступлений с механизмом их совершения. Причем особенностью здесь является то, что достаточно сложно разграничить в названных преступлениях способ и механизм их совершения, поскольку информационно-телекоммуникационные сети предполагают, что это способ, с применением которого достигается преступный результат, и они же указывают на процесс, посредством которого этот результат достигается [9, с. 76]. Преступник использует процессы передачи информации, свойственные информационно-телекоммуникационным сетям, для достижения поставленных им преступных целей. При этом в каждом конкретном преступлении могут использоваться различные свойства информационно-телекоммуникационных сетей. Преступник всякий раз исходит из того, какие цели он поставил и какая ситуация сложилась. Поэтому мало констатировать факт использования названных сетей, необходимо устанавливать в каждом конкретном случае, какие свойства этих сетей использовались и как. В связи с этим способ и механизм совершения преступлений как систему типовых знаний также необходимо рассматривать в качестве средства, использование которого способно оптимизировать проводимое расследование и с помощью которого можно решать тактические задачи.

Криминалистическая характеристика преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, состоит из следующих элементов:

- 1) сведения о личности лица, совершившего преступление названного вида;
- 2) обстановка совершения преступного посягательства;
- 3) способ и механизм совершения преступного посягательства;
- 4) сведения о личности лица, в отношении которого было совершено преступление названного вида.

Здесь важным является не столько само наличие названных элементов, сколько взаимосвязи и взаимозависимости между ними. К примеру, по особенностям избранного способа совершения преступления можно сделать выводы об особенностях лица, совершившего преступление: знание цифровых технологий, особенностей их использования.

ТИПОВЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Помимо типовых знаний о совершении преступлений определенного вида значение для расследования имеет знание типовых особенностей расследования, проблем, с которыми оно сталкивается, особенно на начальном этапе. Следователь должен знать следственную ситуацию, которая складывается на определенном этапе расследования [10, с. 62]. Он должен знать, как в практике расследования изменяется определенная следственная ситуация, когда она может складываться благоприятно для отыскания истины, а когда нет. Также он должен знать, какие факторы влияют на эту ситуацию и как посредством воздействия на эти факторы можно менять эту ситуацию, делая ее более благоприятной для проводимого расследования.

Закономерности развития следственных ситуаций представляют интерес для теории и практики расследования, поскольку позволяют обеспечивать управляемость проводимого расследования и всех сопутствующих ему процессов, явлений и действий. При этом важно, чтобы такие закономерности позволяли прогнозировать, как действия других лиц, не являющихся непосредственными участниками уголовного процесса, способны повлиять на ход расследования. Также важным является и то, какие действия могут стать ре-

акцией участников уголовного судопроизводства на конкретную сложившуюся ситуацию и определенные действия следователя, направленные на установление обстоятельств совершения преступления. Все это важно для следователя, поскольку позволяет ему определить стратегию и тактику собственных действий, которые способны обеспечить установление всех значимых для понимания содеянного обстоятельств соответствующего события. Данные знания концентрируются в такой теоретической конструкции, как типовая следственная ситуация.

Типовая следственная ситуация, несмотря на то что она является теоретической конструкцией, ориентирована на решение задач, которые встают перед практикой расследования, имеет практическую направленность. Ее прикладное значение обусловлено тем, что она представляет собой обобщение опыта расследования преступлений определенного вида, благодаря которому следователь имеет возможность ориентироваться в ходе проводимого расследования и определять наиболее эффективный алгоритм собственных действий. Она содержит типовое знание о следственных ситуациях, что позволяет определять, какие действия могут снять ту или иную проблему, возникающую в ходе проводимого расследования [11, с. 14].

Типовые ситуации обусловлены множеством факторов, возникающих в ходе расследования, среди них имеет особое значение вид преступлений, которые расследуются. Это обусловлено особенностями следов и иной информации, которую необходимо выявить для обеспечения успеха проводимого расследования. Кроме того, типовые следственные ситуации содержат типовую информацию о факторах, имевших значение в ходе совершения преступления и продолжающих действовать в ходе расследования. Это знание особенно важно, поскольку позволяет проводить профилактику преступлений и после того, как было возбуждено уголовное дело по одному из эпизодов преступной деятельности соответствующего лица.

Особенно значимой для расследования является первоначальная типовая следственная ситуация, которая дает представление об особенностях расследования на начальном этапе, поскольку она позволяет следователю даже при информационном дефиците определить-

ся с теми следственными и иными процессуальными действиями, которые могут оказаться наиболее эффективными для выявления и приобщения к уголовному делу доказательств.

На первоначальном этапе рассматриваемых преступлений складываются следующие типовые следственные ситуации:

1) имеется сообщение о посягательстве против личности, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, но неизвестно, кто его совершил. Не вполне ясен механизм совершения преступления;

2) имеется сообщение о посягательстве против личности, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, имеются данные о лице, совершившем посягательство, но это лицо находится за пределами Российской Федерации. Имеется недостаточный объем данных о механизме совершения преступления;

3) имеется сообщение о посягательстве против личности, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, имеются данные о лице, совершившем посягательство. Имеется достаточно данных о механизме совершения преступления.

Типовая следственная ситуация является одним из важнейших средств, применение которого важно при расследовании преступных посягательств против личности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Она особенно необходима ввиду того, что в ходе расследования преступлений названного вида могут неоднократно возникать ситуации, когда недостаточно информации о тех или иных обстоятельствах, имеющих значение для установления истины. Важным при использовании этого криминалистического средства является то, что оно позволяет не только выявлять обстоятельства совершения названных преступлений, но и пресекать их продолжение или совершение новых. Ведь для названных преступлений часто бывает характерным длящийся характер, когда достижение криминальной цели предполагает целую серию действий. Типовая следственная ситуация позволяет выявить, что преступление продолжает совершаться, что заставляет следователя вырабатывать соответствующую тактику по пресечению этого деяния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все рассмотренные положения составляют часть методики расследования преступных посягательств против личности, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных сетей. Эти положения являются основой, на которой формулируются рекомендации, позволяющие оптимизировать расследование преступных посягательств названного вида. Они же выступают и как криминалистические средства. Их использование

позволит обеспечить создание эффективных рекомендаций, применение которых позволит устанавливать истину и выносить на основе знания ее справедливые процессуальные решения. При этом названные криминалистические средства при их применении упреждают возможность совершения следователем ошибок, что отражается на повышении качества проводимого расследования. Таким образом, названные положения являются средством оптимизации в достижении истины по каждому конкретному уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подольный Н.А. Особенности и значение узкоспециализированной криминалистической методики расследования преступлений / Н.А. Подольный // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Казань : ЮрЭксПрактик, 2022. – Ч. 1. – С. 41–48.
2. Подольный Н.А. Узкоспециализированные криминалистические методики расследования преступлений / Н.А. Подольный // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.Ф. Лубина. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 54–58.
3. Подольный Н.А. Узкоспециализированные методики расследования преступлений: их значение для практики следственной деятельности / Н.А. Подольный // Огаревские чтения : материалы научной конференции : в 3 ч. – Саранск : Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2022. – Ч. 3. – С. 1223–1229.
4. Подольный Н.А. Следственная тайна как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений / Н.А. Подольный // Вестник Российской правовой академии. – 2022. – № 2. – С. 50–57.
5. Подольный Н.А. Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации расследования / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 2 (13). – С. 201–214.
6. Яблоков Н.П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды / Н.П. Яблоков // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 5. – С. 40–51.
7. Костенко Н.С. Основные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на современном этапе / Н.С. Костенко, Г.М. Семенов, А.А. Пшеничкин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 192–196.
8. Ржанникова С.С. Некоторые аспекты расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / С.С. Ржанникова, Р.Э. Лобанов // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2020. – № 2 (39). – С. 21–23.

REFERENCES

1. Podolny N.A. Features and significance of a highly specialized forensic methodology for investigating crimes. *Kazan criminal procedure and forensic readings. Materials of the International scientific and practical conference*. Kazan, YurEksPraktik Publ, 2022, pt. 1, pp. 41–48. (In Russian).
2. Podolny N.A. Highly specialized forensic methods for investigating crimes. Forensic and criminal procedural means of ensuring the economic security of Russia. *Collection of articles on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A.F. Lubin*. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2022, pp. 54–58. (In Russian).
3. Podolny N.A. Highly specialized methods of crime investigation: their significance for the practice of investigative activity. *Ogarevsky Readings. Materials of the scientific conference*. National Research Mordovian State University Publ., 2022, pt. 3, pp. 1223–1229. (In Russian).
4. Podolny N.A. Investigative secrecy as a tactical and forensic means of investigating crimes. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2022, no. 2, pp. 50–57. (In Russian).
5. Podolny N.A. Forensic classification of crimes as a means of optimizing the investigation. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal = Criminologist's Library. Scientific Journal*, 2014, no. 2 (13), pp. 201–214. (In Russian).
6. Yablokov N.P. Forensic classification of crimes in the methodology of investigation and its types. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11: Law*, 2015, no. 5, pp. 40–51. (In Russian).
7. Kostenko N.S., Semenenko G.M., Pshenichkin A.A. The main problems of disclosing and investigating crimes committed with the use of information and telecommunication technologies at the modern stage. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4, pp. 192–196. (In Russian).
8. Rzhannikova S.S., Lobanov R.E. Some aspects of investigations of crimes committed using information and telecommunications technologies. *Pravoohranitel'nye organy: teoriya i praktika = Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 2020, no. 2 (39), pp. 21–23. (In Russian).

9. Юрина Ю.И. Некоторые проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Ю.И. Юрина // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2022. – № 4 (12). – С. 73–77.

10. Макаренко И.А. К вопросу о понятии следственных ситуаций / И.А. Макаренко // Научные записки международного гуманитарного университета : сборник. – Одесса : Феникс, 2016. – Вып. 25. – С. 60–63.

11. Алиев Т.Ф. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет / Т.Ф. Алиев, Н.А. Столбова // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 4 (14). – С. 12–17.

9. Yurina J.I. Some problems of detection and investigation of crimes committed with the use of information and telecommunication technologies. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva = Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective*, 2022, no. 4 (12), pp. 73–77. (In Russian).

10. Makarenko I.A. Question of the concept of investigation studies. *Scientific Notes of the International Humanitarian University. Collection*. Odessa, Feniks Publ., 2016, iss. 25, pp. 60–63. (In Russian).

11. Aliev T.F., Stolbova N.A. Problems of investigation of crimes committed using the Internet. *Nauchnyj дайджест Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (14), pp. 12–17. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Востриков Глеб Алексеевич – преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vostrikov Gleb Alekseevich – Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.12

Original article

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия;
e-mail: iliadikarev@volsu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University, Volgograd, Russia.

АНОМАЛИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

ANOMALIES OF THE LEGAL STATUS OF THE INQUIRY BODIES

Аннотация. Особенностью правового положения органов дознания является отсутствие у них единого процессуального статуса: одни обладают всей полнотой полномочий (по производству предварительного расследования в форме дознания, производству неотложных следственных действий и исполнению различных поручений органов предварительного расследования и прокурора), другие пользуются только некоторыми из них. Отдельные полномочия реализуются органами дознания за пределами уголовно-процессуальной деятельности, что ставит под вопрос правомерность отнесения таких органов к числу участников уголовного процесса. Неоднозначным является и отнесение всех органов дознания к стороне обвинения, ведь реализация некоторых полномочий с осуществлением уголовного преследования не связана. Нуждается в объяснении также качественное различие органов дознания, выражающееся в том, что в одних случаях таковыми являются коллективные субъекты, а в других – отдельные должностные лица. Цель исследования состоит в объяснении аномалий правового положения органов дознания, для чего требуется решение комплекса задач: определение круга полномочий, реализация которых не связана с участием органов дознания в уголовном процессе; выяснение процессуальной функции органов дознания, выполняющих в рамках уголовно-процессуальной деятельности поручения органов предварительного расследования и прокурора; объяснение возложения полномочий органа дознания как на государственные органы, обладающие внутренней организацией, так и на отдельных должностных лиц. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы, прежде всего логико-юридический, историко-правовой и юридической интерпретации. Результаты: проведенное исследование показало, что понятием «органы дознания» охватываются не только разные участники уголовного процесса (выполняющие различные процессуальные функции), но также

Abstract. A feature of the legal status of the inquiry bodies is that they have no uniform procedural status: some have full powers (for the conduct of preliminary investigations in the form of initial inquiries, urgent investigative actions and execution of various instructions from the preliminary investigation bodies and the prosecutor), while others use only some of them. Certain powers are exercised by the inquiry bodies outside the scope of criminal procedure, which calls into question the legality of classifying such bodies as participants in criminal proceedings. The attribution of all inquiry bodies to the prosecution is ambiguous, as the exercise of some powers is not linked to the prosecution. The qualitative difference between the inquiry bodies needs to be explained, which is expressed in the fact that in some cases they are collective entities, and in other cases they are individual officials. The purpose of the study is to explain the anomalies of the legal status of the inquiry bodies, which requires the solution of a set of tasks: defining the terms of reference, the exercise of which is not connected with the participation of the inquiry bodies in criminal proceedings; determining the procedural function of the inquiry bodies which perform within the framework of criminal procedure, the instructions of the preliminary investigation bodies and the prosecutor; explaining the attribution of the powers of the inquiry body to both state bodies with internal organization, and to individual officials. The methodological basis of the study is the dialectical method. General scientific methods of analysis, synthesis and a systematic approach are used, as well as special legal methods such as logical, legal, historical and the method of legal interpretation. Results: the study shows that the concept of «inquiry bodies» covers not only different participants in criminal proceedings (performing different procedural functions), but also subjects which are not participants in criminal proceedings. In particular, the inquiry bodies that carry out orders for the conduct of certain

субъекты, участниками уголовного процесса не являющиеся. В частности, органы дознания, выполняющие поручения о производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, заключении под стражу, приводе и др., реализуют функцию содействия уголовному судопроизводству. В этой связи сделан вывод об ошибочности отнесения законом всех органов дознания к стороне обвинения.

Ключевые слова: дознание, орган дознания, неотложные следственные действия, сторона обвинения

Для цитирования: Дикарев И.С. Аномалии правового положения органов дознания / И.С. Дикарев. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 97–104.

investigative actions, the execution of orders for detention, remand in custody, arrest, etc. perform the function of facilitating criminal proceedings. In this regard, it is concluded that the law incorrectly attributes all inquiry bodies to the prosecution.

Keywords: inquiry, inquiry body, urgent investigative actions, prosecution

For citation: Dikarev I.S. Anomalies of the legal status of the inquiry bodies. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp.97–104 (In Russian). DOI10.33184/pravgos-2023.2.12.

ВВЕДЕНИЕ

Органы дознания наделены в уголовном процессе полномочиями по производству предварительного расследования в форме дознания, производству неотложных следственных действий и исполнению различных поручений органов предварительного расследования и прокурора. Отличие органов дознания от других участников уголовного-процессуальной деятельности заключается в *отсутствии у них единого процессуального статуса: объем полномочий варьируется в зависимости от того, какой именно орган или какое должностное лицо выступает в этом качестве*. Именно поэтому общий перечень органов дознания, приведенный в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, приходится дополнять за счет указания на органы, в штате которых состоят дознаватели (ч. 3 ст. 151 УПК РФ), а также за счет должностных лиц, уполномоченных на производство неотложных следственных действий (ч. 3 ст. 40, п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ). Только органы внутренних дел и таможенные органы обладают всей полнотой полномочий органов дознания (то есть вправе и расследовать уголовные дела в форме дознания, и производить неотложные следственные действия, и исполнять поручения). Остальные же органы дознания вправе реализовать только отдельные полномочия (например, органы принудительного исполнения вправе только проводить расследование в форме дознания, а органы Федеральной службы безопасности – только производить неотложные следственные действия и исполнять поручения органов расследования). Именно этой особенностью

правового положения органов дознания объясняется принятый в теории процессуального права подход, согласно которому для обладания статусом органа дознания не обязательно быть носителем всех его процессуальных полномочий, а достаточно осуществлять лишь часть из них [1, с. 33].

Понятно, что в таких условиях выработка общего для всех органов дознания определения превращается в неразрешимую проблему, вследствие чего и законодатель (п. 24 ст. 5 УПК РФ), и ученые, занимающиеся соответствующей проблематикой [2, с. 8–9; 3, с. 11; 4, с. 85 и др.], вынуждены определять органы дознания через перечисление их полномочий.

Отсутствие единого процессуального статуса далеко не единственная аномалия правового положения органов дознания. Так, например, п. 1 ст. 40 УПК РФ относит к ним органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Понятно, что исполнение поручений следователя или дознавателя о производстве оперативно-розыскных мероприятий совпадает с досудебным производством лишь по времени. По своей же правовой природе эта деятельность не имеет уголовно-процессуального характера и осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством об оперативно-розыскной деятельности. Другим примером выполнения органом дознания полномочий за пределами уголовного судопроизводства является предусмотренный ч. 1 ст. 210 УПК РФ розыск подозреваемого или обвиняемого, осуществляемый по поручению следователя в период приостановления предварительного следствия. В этой связи законо-

мерно возникают сомнения в наличии у таких органов уголовно-процессуального статуса, ведь непосредственного участия в уголовном процессе они не принимают, а значит, нет оснований признавать их его участниками. Соответственно, можно констатировать еще одну аномалию правового положения органа дознания: *придание законом процессуального статуса субъектам, реализующим свои полномочия за рамками уголовно-процессуальной деятельности*. Понятно, что, не будучи участниками уголовного процесса, такие органы дознания не могут выполнять какую-либо уголовно-процессуальную функцию, в связи с чем встает вопрос обоснованности отнесения всех органов дознания к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Без объяснения свойственных правовому положению органов дознания аномалий преодолеть неопределенность в понимании сущности и места этих субъектов в уголовном судопроизводстве невозможно. Однако было бы глубоким заблуждением считать, что причины сложившегося положения обусловлены исключительно несовершенством действующего законодательства. Значительная часть положений современного закона, относящихся к деятельности органов дознания, сохраняет регламентацию, которая сформировалась еще в середине XIX столетия. В силу своего реликтового характера эти нормы не всегда вписываются в ткань современного уголовного судопроизводства и порой противоречат догматам актуальной доктрины процессуального права.

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Концепт дознания, ставший прообразом всех последующих форм участия полицейских органов в уголовном процессе, сформировался в ходе Судебной реформы 1860-х годов. До этого момента все предварительное следствие находилось в руках полиции, а потому провести четкую грань между дознанием и следствием было невозможно: полиция для решения стоящих перед ней задач использовала весь доступный ей на тот период функционал. Стремление законодателя в период реформы уголовного судопроизводства следовать принципу разделения властей выразилось в отделении процессуального сегмента деятельности от полицейского путем передачи предварительного следствия в руки су-

дебных следователей, являвшихся представителями судебной власти. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г.¹ провозглашало отделение следственной части от полиции (ст. 1), оставляя за последней только исследование преступлений и проступков, суждение по которым относилось к компетенции самой полиции, а по преступлениям, подлежащим рассмотрению судебных мест, – производство первоначального дознания (ст. 2). При этом дознание регламентировалось Наказом полиции от 8 июня 1860 г. «О производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок»², в котором были намечены основные контуры порядка, нашедшего впоследствии закрепление в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС).

УУС предписывал полиции сообщать судебному следователю и прокурору о каждом происшествии, заключавшем в себе признаки преступления (ст. 250). Если признаки преступления вызывали сомнения, либо если о происшествии полиция узнавала по слуху или из иного сомнительного источника, то прежде сообщения о том судебному следователю она должна была посредством дознания удостовериться, действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления (ст. 253).

Несмотря на тесную связь дознания с предварительным следствием, оно не являлось стадией уголовного процесса, не составляло его обязательной части. Дело в том, что законные поводы к началу предварительного следствия не ограничивались сообщениями полиции, но включали в себя также объявления частных лиц, явку с повинной, возбуждение дела прокурором и даже непосредственное усмотрение самого судебного следователя (ст. 297). Соответственно, дознание предшествовало предварительному следствию только тогда, когда поводом к его началу было сообщение полиции. Во всех остальных случаях уголовное преследование возбуждалось без производства дознания.

По сути, дознание производилось только для того, чтобы полицейский чиновник мог решить: передавать или не передавать следователю полученное им сообщение

1 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXV. Отд. I. Ст. 35890.

2 Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок // Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. V, кн. 7. С. 49–54.

о происшествии. Как отмечали составители Судебных уставов, полиция должна была сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, дабы не сообщать следователю неверных сведений³. Если проводить аналогии с нынешней деятельностью правоохранительных органов, то можно сказать, что дознание тогда было тем же, чем является ныне непроцессуальная деятельность оперативного сотрудника, предшествующая составлению им рапорта об обнаружении признаков преступления.

Важно отметить, что дознание, предназначенное для предварительной проверки полицией полученного сообщения о преступлении, носило тот же характер и осуществлялось во многом теми же средствами, что и современная оперативно-розыскная деятельность. Согласно ст. 254 УУС, производя дознание, полиция все нужные ей сведения собирала посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением. В юридической литературе тех лет подчеркивалось отличие дознания от процессуальной деятельности, заключавшееся в том, что оно «не обставлено никакими формальностями, не имеет судебного характера и всегда должно быть производством тайным» [5, с. 317], а в ст. 312 УУС дознание прямо именовалось негласным полицейским разведыванием. Упоминаемые в ст. 254 УУС розыски представляли собой меры удостоверения полиции в искомом происшествии [6, с. 364]: осмотры местности, предметов, словесные расспросы и негласное наблюдение, то есть все то, что в современном законодательстве называется оперативно-розыскными мероприятиями.

Начав предварительное следствие, судебный следователь был вправе давать поручения полиции. А поскольку эта самая полиция ранее выступала в качестве органа дознания (именно от нее судебный следователь получал добытое в ходе дознания «производство»), то в последующем, давая поручения и указания полиции, судебный следователь обращался все к тому же органу дознания. Этим была заложена сохранившаяся по сей день терминологическая традиция, выражающаяся в именовании органами дознания должностных лиц, исполняющих поручения органов пред-

варительного расследования о розыске подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 210 УПК РФ), проведении розыскных действий (ч. 1 ст. 152 УПК РФ) и оперативно-розыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Таким образом, как именование органами дознания должностных лиц, выполняющих за рамками уголовно-процессуальной деятельности поручения, связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, так и возложение на них соответствующих обязанностей в уголовно-процессуальном законе – это продолжение сформировавшейся еще в период Судебной реформы 1864 г. традиции. Сам по себе такой подход, весьма уязвимый с позиций чистоты предмета правового регулирования, является вынужденным и обусловлен практической целесообразностью. Совершенно очевидно, что законодатель регламентирует полномочия органов предварительного расследования давать поручения органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий именно в процессуальном законе, поскольку иное порождало бы серьезные неудобства для правоприменителя.

Другое дело, что возложение уголовно-процессуальным законом на те или иные органы полномочий, реализуемых в иной отраслевой сфере, вовсе не влечет приобретения этими органами статуса участников уголовного процесса. Так что в данном случае «орган дознания» – это не наименование участника уголовного процесса, а обобщенный термин, используемый законодателем лишь для того, чтобы обозначить государственные органы, к которым следователь и дознаватель могут обращаться с соответствующими поручениями. Не осуществляя уголовно-процессуальную деятельность, такие органы не реализуют никаких процессуальных функций (ведь таковыми признаются компоненты уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 4]), в том числе и приписываемую им законодателем функцию уголовного преследования.

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ КАК ИНЫЕ УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Некоторые поручения следователя или дознавателя органы дознания выполняют в орбите уголовно-процессуальных отношений, тем самым принимая непосредственное участие в уголовном судопроизводстве. Это относится к поручениям о производстве

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ч. 2. С. 115.

отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, заключении под стражу, приводе, производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ), об оказании содействия при их осуществлении (п. 6 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ), в том числе об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым (п. 5 ч. 2 ст. 38, п. 1.3 ч. 3 ст. 41, ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ). В этой связи встает вопрос о процессуальной функции, реализуемой органом дознания в ходе осуществления такой деятельности. Рассматривать ее как уголовное преследование только потому, что она осуществляется по поручению стороны обвинения, представляется ошибочным. Ведь постановление о назначении судебной экспертизы тоже является своеобразным поручением, даваемым органом предварительного расследования судебному эксперту, однако исполнение такого поручения не ставит судебного эксперта в положение обвинителя.

Определение процессуальной функции, реализуемой в данном случае органом дознания, целесообразно проводить на основе выделенной В.М. Бозровым категории функционального интереса, который можно представить в виде побудительных сил, влияющих на возникновение и развитие процессуальных функций. Предметно-специальный интерес функции уголовного преследования состоит в установлении и изобличении конкретного лица, совершившего преступление [8, с. 85, 89]. В отличие от органа предварительного расследования, побудительной силой деятельности которого является стремление раскрыть преступление и изобличить виновное в его совершении лицо, орган дознания решает более узкую задачу. Для него побудительной силой является обязанность исполнить поручение о производстве или об оказании содействия в производстве конкретного процессуального действия. За пределы этого поручения устремления органа дознания не выходят.

Сказанное приводит к выводу, что процессуальная функция органа дознания при реализации рассматриваемых полномочий полностью исчерпывается в тот момент, когда он надлежащим образом исполнил данное ему поручение. А раз так, то орган дознания, привлекаемый к участию в уголовно-процессуальной деятельности для исполнения такого рода поручений, следует относить к иным

участникам уголовного процесса, а его функцию определять как содействие уголовному судопроизводству (содействие правосудию).

Органы дознания, осуществляющие функцию уголовного преследования

Что же касается органов дознания, которые проводят по поручению прокурора проверку распространенного в средствах массовой информации сообщения о преступлении (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), то они, несомненно, относятся к стороне обвинения, поскольку выполняют процессуальную деятельность органа предварительного расследования. То же самое следует сказать и об органах дознания, вступающих в уголовно-процессуальные отношения в связи с производством неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ.

При производстве неотложных следственных действий проявляется еще одна аномалия, заключающаяся в *качественных различиях субъектов, выступающих в качестве органов дознания*. Вразрез с общим правилом, в силу которого в качестве органов дознания выступают государственные органы, имеющие внутреннюю организацию и представляющие собой коллектив находящихся в отношениях соподчиненности должностных лиц (например, орган внутренних дел), производство неотложных следственных действий закон поручает «физическим» должностным лицам (например, командирам воинских частей, капитанам морских и речных судов, главам дипломатических представительств и др.). Отмахнуться от этой аномалии, заявив, как это делают некоторые авторы, что должностные лица, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, не относятся к органам дознания [9, с. 10–11], не получится. Это противоречит принятому в науке подходу, согласно которому для обладания статусом органа дознания достаточно осуществлять любое из присущих ему полномочий (об этом было сказано выше). Однако объяснение у этой аномалии есть, и его не сложно обнаружить, обратившись к истокам института производства неотложных следственных действий.

Исторически возложение производства дознания на полицию было обусловлено фактически сложившейся организацией правоохранительной деятельности. В этой системе полиции изначально отводилась роль органа, на котором лежит обязанность блюсти интересы

общественного спокойствия и безопасности, предупреждать, препятствовать и пресекать их нарушение [10, с. 508]. Исполнение таких функций предполагало особую организацию полиции, состоявшей из массы чинов, всюду рассеянных, имеющей множество агентов и, следовательно, средств к добыванию сведений, необходимых судебной власти. Соответственно, именно полиция имела наибольшие возможности первой получать сведения о совершившихся преступлениях, быстро находить указания, могущие раскрыть преступления и виновников их, и быстро действовать в тех случаях, когда промедление могло бы стать препятствием для судебной деятельности [11, с. 6–7].

Такое положение дел, к слову, актуальное и в наши дни, повлекло возложение на полицию еще одной обязанности, тесная связь которой с предварительным следствием обусловила ее регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно ст. 256 УУС полиция была обязана до прибытия судебного следователя на место происшествия предпринять меры, необходимые для того, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и лишить подозреваемого возможности уклоняться от следствия. Однако принятия полицией мер, направленных только на сохранение следов преступления, могло оказаться недостаточно для раскрытия и успешного расследования преступления. Поэтому УУС предусматривал, что в случаях, когда полиция застигала совершающееся или только что совершившееся преступление, а равно когда до прибытия судебного следователя на место происшествия следы преступления могли изгладиться, полиция заменяла судебного следователя, производя вместо него все следственные действия, не терпящие отлагательства (исключение составляли формальные допросы, которые полицейские чины могли производить только при наличии предусмотренных законом условий – ст. 258). При этом уголовно-процессуальный закон обязывал полицию при производстве следственных действий в точности соблюдать правила, постановленные для предварительного следствия (ст. 259).

Такая процессуальная деятельность охватывалась понятием дознания, подтверждением чему служит то обстоятельство, что возможность производства следственных действий полицией в тех случаях, когда имелись основания опасаться уничтожения доказа-

тельств, изначально была предусмотрена Наказом полиции от 8 июня 1860 г. «О производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок». Из самого названия этого нормативного акта следовало, что вся регламентировавшаяся им деятельность (включая производство не терпящих отлагательства следственных действий) рассматривалась законодателем как дознание.

В современном уголовно-процессуальном праве аналогичная по содержанию и назначению процедура получила закрепление в ст. 157 УПК РФ. В советский период закон назвал ее деятельностью органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (ст. 119 УПК РСФСР), а ученые-процессуалисты единодушно рассматривали ее как разновидность дознания [12, с. 70; 13, с. 30].

Уже в период действия УУС проявляется тенденция наделяния полномочиями по производству дознания, включая производство следственных действий, не терпящих отлагательства, иных, помимо полиции, субъектов правоприменительной деятельности. Такое положение объяснялось углублением специализации правоохранительных органов, выражавшейся в закреплении за некоторыми из них компетенции производить дознание по отдельным категориям уголовных дел. Так, обнаружение и первоначальное исследование проступков и преступлений военнослужащих было отнесено к компетенции военного начальства, которое при этом пользовалось всеми полномочиями полиции по производству дознания (ст. 1237 УУС). В казачьих войсках дознание производились станичными и хуторскими атаманами⁴. По делам о политических преступлениях производство дознания входило в компетенцию офицеров корпуса жандармов. Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений, утвержденные 19 мая 1871 г.⁵, предусматривали право производящих дознание чинов предпринимать все указанные в ст. 253–256, 257 УУС меры, а также производить не терпящие отлагательства следст-

4 Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями и с объяснением по решениям Уголов.-Кас. Деп. Правительствующего Сената по 1916 год / сост. Д.А. Каплан. 2-е изд., испр., доп. и вновь обработ. Екатеринослав: Тип. И.Е. Коган, 1916. С. 245.

5 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLVI. Отд. I. Ст. 49615.

венные действия в порядке, установленном УУС. Примечательно, что указанный нормативный акт допускал поручение производства дознания по особенно важным политическим делам отдельным должностным лицам, «особо Высочайшей властью назначаемым» (ст. 21).

Таким образом, в законодательстве проводилась идея возложения обязанности производить дознание на самых разных субъектов в пределах их ведомства. К слову, в законодательстве Франции того времени уже были примеры возложения полицейских функций не только на жандармских офицеров и чинов военной или морской полиции, но также на французских консулов в иностранных городах [11, с. 17].

В современных условиях производство неотложных следственных действий, столь необходимое для успешного расследования преступлений, также не всегда может возлагаться на ординарные полицейские органы, поскольку таковых, в силу объективных обстоятельств, может попросту не оказаться на месте происшествия. Отсюда необходимость наделения соответствующими полномочиями командиров воинских частей, начальников российских антарктических станций, глав дипломатических представительств, консульских учреждений и др. Существенные различия в организации и ведомственной принадлежности всех этих органов и должностных лиц никак не препятствуют исполнению ими обязанностей, связанных с производством дознания по уголовным делам. Ведь даже в тех случаях, когда субъектом производства неотложных следственных действий закон называет государственный орган, следует учитывать, что как организация такой орган дознания совершать какие-либо уголовно-процессуальные действия не может, так что субъектом фактической деятельности все равно выступает начальник органа дознания [14, с. 16], дающий соответствующие поручения в порядке п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ. Следовательно, качественные (организационные) различия между субъектами, выполняющими полномочия органов дознания, не препятствуют их именованию общим термином.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сказанное свидетельствует о том, что понятие «органы дознания» используется законодателем как общий термин, которым обозначаются не только государственные органы и должностные лица, выполняющие различные уголовно-процессуальные функции, но также субъекты, вообще не являющиеся участниками уголовного судопроизводства. Этим прежде всего и объясняются аномалии правового положения органов дознания, выражающиеся в качественных различиях субъектов, выступающих в уголовном процессе в такой же роли, в отсутствии у органов дознания единого процессуального статуса и в выполнении ими разных процессуальных функций. Некоторые из перечисленных аномалий, как, например, качественные различия органов дознания, никакой проблемы ни для законодательства, ни для правоприменительной практики не представляют. Другие требуют к себе более внимательного отношения. В частности, реализация субъектами разных процессуальных функций прямо указывает на то, что они являются разными участниками уголовного процесса. Поэтому называть органами дознания лиц, выполняющих поручения о производстве следственных действий и производящих неотложные следственные действия, так же ошибочно, как отождествлять процессуальный статус судебно-медицинского эксперта, участвующего в осмотре трупа, и производящего судебную экспертизу. Однако решение этой проблемы требует значительных сил и времени, поскольку предполагает теоретическую разработку и законодательное закрепление в гл. 8 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса. Только после этого появится возможность исправить явную ошибку, заключающуюся в отнесении всех органов дознания к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Не меньше вопросов вызывает и использование в качестве «маркера» органов дознания полномочия по производству предварительного расследования в форме дознания. Однако тема эта настолько обширная, что заслуживает отдельного внимания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Мичурина. – Москва, 2008. – 61 с.
2. Цукрук М.В. Процессуальная деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.В. Цукрук. – Иркутск, 2004. – 24 с.
3. Кузембаева М.М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.М. Кузембаева. – Омск, 2006. – 22 с.
4. Сеидов М.М. Правовое обеспечение основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации на современном этапе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.М. Сеидов. – Волгоград, 2018. – 268 с.
5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд. А.А. Карцева, 1912. – 405 с.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – 3-е изд., пересм. и доп. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. – Т. II. – 573 с.
7. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу : процессуальные функции / А.М. Ларин. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 160 с.
8. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография / В.М. Бозров. – Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. – 96 с.
9. Арестова Е.Н. Дознание в органах внутренних дел : учебник и практикум для вузов / Е.Н. Арестова, А.С. Есина, О.Е. Жамкова. – Москва : Юрайт, 2018. – 179 с.
10. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1913. – 669 с.
11. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Часть вторая / А. Квачевский. – Санкт-Петербург : Типография Ф.С. Сушинского, 1867. – 371 с.
12. Галкин Б.А. Уголовный процесс / Б.А. Галкин, Н.Я. Калашникова. – Москва : Госюриздат, 1949. – 228 с.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. – Т. II. – 516 с.
14. Слифиш М.В. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации : учебное пособие / М.В. Слифиш. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 169 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, директор Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Sciences (Law), Director of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 18.04.2023. The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 18.04.2023.

REFERENCES

1. Michurina O.V. The concept of inquiry in criminal proceedings of the Russian Federation and the problems of its implementation in the internal affairs bodies. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2008. 61 p.
2. Tsukruk M.V. Procedural activity of inquiry bodies in Russian criminal proceedings. Cand. Diss. Thesis. Irkutsk, 2004. 24 p.
3. Kuzembaeva M.M. Functional characteristics of the activities of the interrogating officer and the inquiry body in criminal proceedings of Russia. Cand. Diss. Thesis. Omsk, 2006. 22 p.
4. Seidov M.M. Legal support of the main directions of criminal procedure activities of the inquiry bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the present stage. Cand. Diss. Volgograd, 2018. 268 p.
5. Viktor'sky S.I. Russian criminal procedure. 2nd ed. Moscow, A.A. Kartsev Publ., 1912. 405 p.
6. Foinitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. 3rd ed. Saint Petersburg, Senatskaya tipografiya Publ., 1910. Vol. II. 573 p.
7. Larin A.M. Investigation in a criminal case: procedural functions. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 160 p.
8. Bozrov V.M. Fundamentals of the theory of criminal procedure functions. General part. Ural State Law Academy, 2012. 96 p.
9. Arestova E.N., Esina A.S., Zhamkova O.E. Inquiry in the internal affairs bodies. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 179 p.
10. Sluchevsky V.K. Textbook of Russian criminal procedure. Judiciary – legal proceedings. 4th ed. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. 669 p.
11. Kvachevsky A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the Judicial Charters of 1864. Theoretical and practical guide. Part two. Saint Petersburg, F.S. Sushchinsky Publ., 1867. 371 p.
12. Galkin B.A., Kalashnikova N.Ya. Criminal procedure. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1949. 228 p.
13. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal procedure. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. II. 516 p.
14. Slifish M.V. Criminal procedural activity of the inquiry bodies of the Armed Forces of the Russian Federation. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 169 p.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.13

Original article

ШАДРИН Виктор Сергеевич

Санкт-Петербургская академия Следственного
комитета РФ, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vikt-shadr@yandex.ru;
<https://orcid.org/0009-0003-3054-157X>

SHADRIN Viktor Sergeevich

St. Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, ПРОБЛЕМЫ И ЗНАЧЕНИЕ

CONSTITUTIONALIZATION OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONCEPT, FORMS,
PROBLEMS AND SIGNIFICANCE

Аннотация. Конституционализация как юридическое понятие введено в оборот российской науки сравнительно недавно, после начала действия Конституции РФ и активизации деятельности Конституционного Суда РФ, в связи с чем ее сущность и свойства вызывают повышенное внимание, прежде всего в науке конституционного права. Вопросы конституционализации уголовного судопроизводства заслуживают отдельного рассмотрения в силу особенностей правового регулирования и практического осуществления производства по уголовным делам, с учетом высказанных в юридической литературе точек зрения о современном значении конституционализации, ее формах и проблемах, а также имеющих данные правоприменительной практики. Цель: определить специфику конституционализации и ее современное значение применительно к сфере уголовного судопроизводства, выявить возможности для совершенствования процесса конституционализации в данной сфере. В качестве методологической основы исследования использовался диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системного подхода, а также специально-юридические методы: историко-правовой, юридической интерпретации и логико-юридический. Результаты: уточнено понятие конституционализации в уголовном судопроизводстве, приведены на основе анализа судебной практики доказательства в подтверждение точки зрения, что в настоящее время единственной реально действующей формой конституционализации является деятельность Конституционного Суда РФ по приведению уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в соответствие с положениями Конституции. Для повышения эффективности конституционализации уголовного судопроизводства необходим более тщательный подход со стороны законодателя к встраиванию изменений и дополнений, инициированных Конституционным Судом РФ, в систему уголовно-процессуального регулирования.

Abstract. Constitutionalization as a legal concept has been introduced into Russian science relatively recently, after the start of the Constitution of the Russian Federation and the activation of the Constitutional Court of the Russian Federation, in connection with which its essence and properties attract increased attention, primarily in the science of constitutional law. The issues of constitutionalization of criminal proceedings deserve a separate consideration due to the peculiarities of legal regulation and practical implementation of proceedings in criminal cases, taking into account the views expressed in legal literature on the current meaning of constitutionalization, its forms and problems, as well as the available data of law enforcement practice. Purpose: to determine the specificity of constitutionalization and its current meaning as applied to the sphere of criminal proceedings, to identify the possibilities for improving the process of constitutionalization in this area. The dialectical method is used as the methodological basis of the study. In addition, general scientific methods of analysis, synthesis and systematic approach are used, as well as special legal methods: historical-legal, legal interpretation and logical-legal. Results: the concept of constitutionalization in criminal proceedings is clarified, evidence is given on the basis of an analysis of judicial practice to support the viewpoint that at present the only really effective form of constitutionalization is the work of the Constitutional Court of the Russian Federation to bring criminal procedural legislation and practice of its application in line with the provisions of the Constitution. To increase the effectiveness of constitutionalization of criminal proceedings, a more careful approach is needed on the part of the legislator to incorporate the changes and additions initiated by the Constitutional Court of the Russian Federation into the system of criminal procedural regulation.

Ключевые слова: Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, правовые позиции, формы конституционализации, уголовное судопроизводство, проблемы уголовно-процессуального регулирования

Для цитирования: Шадрин В.С. Конституционализация российского уголовного судопроизводства: понятие, формы, проблемы и значение / В.С. Шадрин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 105–112

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions, forms of constitutionalization, criminal proceedings, problems of criminal procedural regulation

For citation: Shadrin V.S. Constitutionalization of Russian criminal proceedings: concept, forms, problems and significance. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp.105–112 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.13.

ВВЕДЕНИЕ

В преддверии тридцатилетия введения в действие Конституции РФ представляется оправданным обратиться к опыту ее реализации, в историческом смысле непродолжительному, но уже достаточно накопленному и воплотившемуся в таком явлении, как конституционализация, которая затронула практически все сферы правового регулирования в нашей стране, в том числе и правовое регулирование производства по уголовным делам, где важнейшие права человека и гражданина могут особенно остро подвергаться различным значительным ограничениям в интересах как общества и государства, так и в интересах личности. Что именно представляет собой конституционализация, в чем заключаются ее особенности как относительно нового, но уже прочно вошедшего в современную правовую реальность России правового феномена, каковы формы ее проявления, проблемы и последствия осуществления – эти и другие связанные с конституционализацией вопросы заслуживают рассмотрения с учетом воздействия ее как на содержание уголовно-процессуального права, так и на практику его применения, собственно уголовное судопроизводство.

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Когда приблизительно в конце первого десятилетия после введения в действие Конституции РФ в лексиконе отечественной юридической науки появилось понятие «конституционализация», давно известное зарубежной юридической литературе, но в России ранее практически не использовавшееся, оно определялось достаточно просто: как «процесс проникновения норм Конституции и конституционного права в различные компоненты правовой системы» [1, с. 116].

В специально посвященных этому понятию исследованиях сделан вывод о том, что «это сложный конструкт, атрибутивно-реляционным, сущностным, целевым признаком которого является обретение конституционного смысла всеми явлениями и процессами правовой действительности, происходящими в обществе и государстве» [2, с. 194]. Столь всеобъемлющий подход к выяснению того, что собой конституционализация представляет, вряд ли необходим применительно к такой специфической по предназначению и сравнительно ограниченной по объему сфере государственной деятельности, как уголовное судопроизводство. Не мудрствуя лукаво, можно рассматривать конституционализацию уголовного судопроизводства как приведение и последующее поддержание состояния уголовно-процессуального законодательства и практики производства по уголовным делам в полном и точном соответствии с нормами Конституции [3, с. 171–174], имея в виду, что понятие конституционализации наполняется конкретным содержанием и в полной мере раскрывается при обращении к ее формам.

Прежде всего, конституционализация уголовного судопроизводства наглядно проявляется уже в том, что наиболее значимые права лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, предусматриваются непосредственно в Конституции. Указанное обстоятельство предопределяется объективной необходимостью повышенного уровня охраны и защиты прав и свобод, поскольку уголовное судопроизводство является сферой деятельности государственных органов и должностных лиц, его осуществляющих, в которой права и свободы человека и гражданина наиболее затрагиваются и, при необходимости, ограничиваются. Так, в Конституции присутствуют явно уголовно-процессуальные положения о том, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению; до судебного решения лицо не

может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ч. 2 ст. 22), обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (ч. 2 ст. 47), и др. (ст. 23, 25, 48, 50, 51, 52). Особое значение для обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве имеет закрепление впервые на конституционном уровне презумпции невиновности (ст. 49).

В то же время нельзя не видеть, что данная форма конституционализации уголовного судопроизводства имеет, по существу, эксклюзивный характер. Она проявила себя и была реализована в период разработки и принятия Конституции, в связи с чем вряд ли есть основания прогнозировать ее дальнейшее использование в обозримом будущем.

Основной же реально, зримо, активно в настоящее время себя проявляющей формой конституционализации уголовного судопроизводства выступает рассмотрение Конституционным Судом РФ дел о соответствии тех или иных положений УПК РФ и практики их применения Конституции, с принятием решений в виде постановлений или определений, которые, с учетом содержащихся в них правовых позиций, способны оказывать существенное воздействие на содержание уголовно-процессуального регулирования и правоприменительную практику деятельности судов, органов предварительного расследования и прокуратуры, обеспечение прав вовлекаемых в уголовное судопроизводство лиц в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и т. д. [4].

Анализ решений Конституционного Суда относительно уголовного судопроизводства наглядно показывает, что они оказывают определяющее воздействие на его состояние и совершенствование и тем самым обеспечивают удержание осуществляемой по уголовным делам деятельности в пределах конституционно-правового поля, «ландшафт» которого может претерпевать изменения в зависимости от внутригосударственных или международных политических и правовых событий. Особое значение для конституционализации уголовного судопроизводства имеют правовые позиции, содержащиеся, как правило, в конце описательно-мотивировочной части указанных судебных решений. Поскольку об их значимости как для уголовно-процессуального, так и для других

отраслей права сказано много в юридической литературе, не видим необходимости уделять им внимание в данной статье. Представляется достаточным вспомнить лишь характеризующее их мнение председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина: «В силу того, что позиции Конституционного Суда основаны непосредственно на положениях Конституции РФ, выявляют конституционный или неконституционный смысл норм, они, безусловно, получают от Конституции часть свойств «высшей юридической силы»¹.

В связи с выяснением возможности существования и иных форм конституционализации уголовного судопроизводства в юридической литературе поднимался вопрос о прямом действии Конституции. Не вдаваясь в подробности связанной с этим дискуссии, можно отметить, что еще в одном из первых комментариев к УПК РФ в отношении ч. 1 ст. 1, согласно которой «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации», указывалось, что «наряду с текстом УПК непосредственному применению подлежит и текст Конституции»². Подобное толкование данного положения уголовно-процессуального закона в сочетании с действующими в то время разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»³ повлекло за собой ставшее обычным в судебной практике упоминание в приговорах и иных судебных решениях, наряду со статьями УПК РФ, подлежащими применению в данной ситуации по уголовному делу, связанных с ними статей Конституции, хотя реального смысла в такой практике не усматривалось. Проведенный в 2013 г. мониторинг непосредственного применения судами Конституции (было проанализировано около двух тысяч судебных

1 Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: «Деятельность Конституционного Суда РФ. Решения, проблемы и перспективы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin3.html> (дата обращения: 21.03.2023).

2 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Радченко ; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт-Издат, 2006. С. 21.

3 Российская газета. 1995. № 247.

решений, в которых имелись ссылки на конституционные нормы) показал, что «суды чаще всего, примерно в трех четвертях случаев, которые удалось собрать, ссылаются на конституционные нормы вместе с положениями действующего законодательства. То есть Конституция, по сути дела, используется в дополнение к нормам закона, и в этом отношении говорить о ее прямом использовании оказывается безосновательно ... ссылка на Конституцию дается в некоем ритуальном смысле. ... Суд никак не объясняет, зачем он сослался на Конституцию и, более того, во многих случаях эти ссылки выглядят неправильными, неоправданными, неуместными, а часто совершенно бессмысленными» [5, с. 112–113].

Таким образом, на эмпирическом уровне было доказано, что прямое действие Конституции не более чем иллюзия, ритуальное «принесение дани» которой в виде совершенно не вызываемых необходимостью ссылок на положения Конституции стало в судебной практике чем-то обыденным, хотя и заведомо лишенным реального смысла. Поэтому, как отмечает Л.В. Головкин, предпринявший исследование злободневных вопросов о прямом действии Конституции на предмет возможности рассмотрения такого действия в качестве второй реально действующей формы конституционализации российского уголовного судопроизводства, «российский уголовный процесс может подвергаться конституционализации только посредством решений КС РФ, поскольку конституционные нормы не имеют в нем прямого действия, о чем следует сказать *прямо и открыто*, т. е. без дипломатических экивоков, деклараций и лозунгов» [6, с. 84]. Неслучайно, видимо, в 2013 г. из упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 были исключены пункты «в» – «г», согласно которым суд был правомочен «при разрешении дела непосредственно применять Конституцию в случаях, когда придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции, или когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, противоречит Конституции Российской Федерации, а федеральный закон, который должен

регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует»⁴.

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время единственной реально действующей формой конституционализации уголовного судопроизводства является осуществление Конституционным Судом в пределах его юрисдикции воздействия посредством вынесения соответствующих постановлений и определений на УПК РФ и практику его применения при необходимости приведения их в соответствие с требованиями Конституции.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Характер и последствия деятельности Конституционного Суда применительно к сфере уголовного судопроизводства сопровождаются противоречивыми, в том числе негативными оценками. В частности, отмечается, что принятие Конституционным Судом решений по вопросам уголовного судопроизводства оказывает на действующий уголовно-процессуальный закон «казуально-лоскутное» воздействие, в результате существования на сегодняшний день огромного массива правовых позиций, корректирующих как законодательство, так и правоприменительную практику, «возникает несколько правовых пространств – одно в нормах закона, другое – в толковании этого закона Конституционным Судом РФ в рамках своих весьма объемных и постоянно расширяющихся полномочий» [7, с. 40–41]. Приведенные критические замечания по форме несколько резковаты, но по существу отнюдь не лишены оснований. К сожалению, деятельность Конституционного Суда действительно способна порождать последствия, которые можно назвать издержками конституционализации.

Очевидной проблемой является то, что, поскольку Конституционный Суд принимает решения в сфере уголовного судопроизводства лишь по поступающим к нему обращениям, которые обычно касаются локального участка уголовно-процессуального регулирования, инициатива Суда по внесению в уголовно-про-

⁴ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.04.2013 № 9 // Российская газета. 2013. № 89.

цессуальный закон изменений и дополнений часто приводит к фрагментарной, несистемной корректировке уголовно-процессуального закона, порождающей иногда нагромождение на достаточно узком пространстве закона все новых и новых изменений и дополнений, в своей совокупности способных исказить закон, что делает его тяжело понимаемым и трудноосуществимым.

Наглядным примером является периодически осуществляемая на протяжении последнего десятилетия по инициативе Конституционного Суда корректировка ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства». Первоначальная редакция указанной статьи была рассчитана на обеспечение соблюдения разумного срока производства по уголовному делу главным образом в отношении лиц, подвергаемых уголовному преследованию. Интересы потерпевших в достаточной мере не учитывались. В частности, при оценке разумности сроков судопроизводства судам невозможно было учитывать срок проверки сообщений о преступлении и срок предварительного расследования до появления в уголовном деле подозреваемого (обвиняемого), чем явно ограничивалось право пострадавших от преступления на компенсацию. Суды возвращали потерпевшим заявления о присуждении им компенсации, даже если подозреваемый (обвиняемый) вследствие явной бездеятельности органов предварительного расследования не обнаруживался в течение очень длительного времени, исчисляемого нередко годами. Ситуация сдвинулась с мертвой точки в пользу надлежащего обеспечения права потерпевшего на разумный срок уголовного судопроизводства в результате обращения в Конституционный Суд РФ гражданки А.Е. Поповой и принятия Судом решения в ее пользу⁵, что повлекло за собой дополнение ст. 6.1 УПК РФ частью 3.1 в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 273-ФЗ. Таким же образом в результате вынесения Конституционным Судом постановлений по жалобам заинтересованных лиц появились в

ст. 6.1 УПК РФ новые части 3.2 и 3.3. При этом анализ статьи и возможных в дальнейшем последствий ее применения позволял прогнозировать, что совершенствование правового механизма компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок рассмотренной выше корректировкой законодательства вряд ли можно признать полностью завершенным [8]. И действительно, в результате принятия Конституционным Судом в последующем еще двух постановлений по вопросам разумного срока уголовного судопроизводства⁶ федеральными законами от 31 июля 2020 г. № 243-ФЗ и от 5 декабря 2022 г. № 476-ФЗ были внесены изменения и дополнения в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ.

Разумеется, осуществляемые столь часто акты конституционализации, не приводящие к тому же к исчерпывающему положительному результату правового регулирования проблемных уголовно-процессуальных отношений, отнюдь не способствуют стабилизации правоприменения, дезорганизуют правоприменительную практику. Но упрек по данному поводу может быть адресован не только или даже не столько к органу высшей судебной власти, сколько к высшему органу власти законодательной, представители которой с учетом сигналов со стороны науки уголовного процесса и правоприменительной практики должны стремиться к такому совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, которое бы заблаговременно предусматривало все варианты возникновения конфликтных ситуаций в уголовном судопроизводстве и соответствующие меры по их предотвращению и устранению.

Немалые сложности существуют и в реализации как судьями, так и следователями, дознавателями при производстве по уголовным делам предписаний Конституционного Суда, вытекающих из подлежащих реализации в правоприменительной деятельности его правовых позиций, еще не получивших воплощения в уголовно-процессуальном законе. Как отмечается в результате анализа

5 По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой : Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П // Российская газета. 2013. № 141.

6 По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова : Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П // Российская газета. 2019. № 134 ; По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских : Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 6-П // Российская газета. 2020. № 27.

судебной практики, суды в подобных случаях делают на соответствующие решения Конституционного Суда ссылки, которые предполагают «истолкование действующего законодательства именно в том значении, которое придавал Конституционный Суд. Но при этом возникает одна серьезная проблема. Суды в некоторых случаях расширяют действие решений Конституционного Суда» [5, с. 115]. Расширительное толкование правоприменителями решений Конституционного Суда, как и его правовых позиций, явление, разумеется, нежелательное. Но снижение вызываемого им отрицательного эффекта правоприменения, точнее, его предотвращение, связано с другой актуальной проблемой – затягиванием законодателем с внесением соответствующих корректив в уголовно-процессуальный закон. Можно, конечно, ратовать за установление для решения данной проблемы более конструктивных взаимоотношений между судебной и законодательной властями, но, возможно, стоит их также урегулировать законодательно. Например, как предлагает А.Н. Кокотов, «наряду со сроком подготовки и внесения законопроектов в Государственную Думу желательно установить срок принятия законов, направленных на исполнение решений КС РФ» [9, с. 93–94]. Если видеть реальные проблемы конституционализации уголовного судопроизводства и своевременно на них реагировать, вполне возможно, как представляется, рассчитывать если не на полное их устранение, то, по крайней мере, на приемлемое снижение их уровня.

Что касается критики Конституционного Суда по поводу его очень широких полномочий, то вряд ли ее можно признать заслуженной, если в должной мере принимать во внимание роль Суда в системе органов современной России как, согласно ст. 1 Конституции РФ, демократического правового государства.

Значение деятельности Конституционного Суда по осуществлению конституционализации трудно переоценить. Находясь на вершине судебной власти и обладая прерогативой интерпретации положений Конституции РФ в зависимости от множества факторов, в том числе политических, идеологических, экономических и т. п., актуализирующихся в данный исторический момент в российском государстве и обществе и находящихся между собой порой в состоянии явной и достаточно жесткой конкуренции, Конституционный Суд при формировании своих правовых пози-

ций исходит из необходимости соблюдения баланса различных интересов и субъектов, представляющих эти интересы, прежде всего интересов государства, общества и личности, руководствуясь собственным пониманием содержания и значения базовых норм Конституции, в том числе положений ст. 2, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Ответственность Конституционного Суда за адекватность вырабатываемых им правовых позиций требованиям времени в конкретный исторический момент чрезвычайно велика, но он наделен соответствующим полномочием независимо от мнений в обществе и государстве, с его позициями не совпадающих.

Перманентно воздействуя на уголовно-процессуальный порядок и практику производства по уголовным делам, Конституционный Суд способен фактически корректировать имеющее важнейшее значение в сфере уголовного судопроизводства соотношение интересов личности и общества, государства в зависимости от проявляющихся изменений в идеологии, политике, государственном устройстве страны и стоящих перед ней задач в конкретный исторический момент. По существу, в правовых позициях Конституционного Суда находит свое выражение уголовно-процессуальная политика государства. Для такого обобщающего вывода есть немало оснований, если тем более учесть, что федеральный законодатель, принимая законы в сфере уголовного судопроизводства, должен действовать в русле правовых позиций Конституционного Суда. Не будет преувеличением утверждение, что его деятельность оказывает непосредственное влияние в целом как на направленность и содержание уголовного судопроизводства, так и на его форму и тип [10].

Можно полагать, что в связи с выходом России из Совета Европы и из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека значение деятельности Конституционного Суда по осуществлению дальнейшей конституционализации, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, не уменьшится, а скорее будет возрастать в связи с повышением ответственности за обеспечение в нашем государстве прав и свобод человека и гражданина, которую Конституционный Суд в известной мере ранее делил с Европейским судом. Как отметил

29 ноября 2022 г. Президент России В.В. Путин, «права и свободы наших граждан гарантированы Конституцией: они незыблемы, мы никогда не должны об этом забывать»⁷.

Гарантированность Конституцией на деле означает обеспечение прав и свобод в российском государстве посредством непрерывной деятельности Конституционного Суда по реальному претворению в жизнь положений Конституции, который «выявляет не только «букву», но «дух» тех или иных ее положений на каждом новом этапе развития и тем самым приспособливает ее к меняющимся отношениям в обществе («живое право», «живая» Конституция)» [11, с. 6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что конституционализация уголовного судопро-

⁷ Путин подчеркнул незыблемость прав граждан России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221129/putin-1835011394.html> (дата обращения: 21.03.2023).

изводства, которая по существу представляет собой воздействие на уголовно-процессуальное регулирование и практику производства по уголовным делам с целью приведения их в соответствие с требованиями Конституции в интерпретации Конституционного Суда, осуществляется в настоящее время реально лишь в форме принятия Конституционным Судом соответствующих решений, содержащих правовые позиции, подлежащие реализации в ходе законодательной и правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства. Анализ судебной практики не дает в настоящее время оснований рассматривать прямое действие Конституции в качестве самостоятельной формы конституционализации. Конституционализация уголовного судопроизводства сопровождается проблемами, подлежащими предотвращению или устранению, в том числе посредством более тщательной работы законодателя при корректировке уголовно-процессуального законодательства по инициативе Конституционного Суда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кравец И.Л. Российская Конституция и конституционализация правового порядка (некоторые вопросы теории и практики) / И.Л. Кравец // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 113–124.
2. Плотникова И.Н. «Конституционализация»: к вопросу о понятии / И.Н. Плотникова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – Т. 21, вып. 2. – С. 188–197.
3. Ляхов Ю.А. Конституционализация уголовного судопроизводства России / Ю.А. Ляхов // Современный российский конституционализм: доктрина и практика : материалы межвузовской научно-практической конференции (Южный федеральный университет, 23 октября 2010 г.) и круглого стола (Санкт-Петербургский государственный университет, 5 марта 2011 г.) / отв. ред. – проф. Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону ; Санкт-Петербург : Профпресс, 2011. – С. 171–174.
4. Шадрин В.С. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации и их роль в уголовно-процессуальном регулировании / В.С. Шадрин // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : сборник материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30–31 октября 2009 г. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. – С. 338–344.
5. Стенограмма круглого стола «Прямое действие Конституции: 20 лет российского опыта». 20–21 сентября 2013 г., Санкт-Петербург, юридический факультет и Северо-Западное региональное отделение Ассоциации юристов России при поддержке Конституционного Суда Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации // Правоведение. – 2013. – № 6 (311). – С. 108–199.
6. Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью / Л.В. Головкин // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 83–94.

REFERENCES

1. Kravets I.L. The Russian Constitution and the constitutionalization of the legal order (some issues of theory and practice). *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2003, no. 11, pp. 113–124. (In Russian).
2. Plotnikova I.N. «Constitutionalization»: to the question of the concept. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 188–197. (In Russian).
3. Lyakhov Yu.A. Constitutionalization of criminal proceedings in Russia. *Bondar' N.S. (ed.). Modern Russian constitutionalism: doctrine and practice. Materials of the interuniversity scientific and practical conference (Southern Federal University, October 23, 2010) and round table (St. Petersburg State University, March 5, 2011).* Rostov-on-Don, Saint Petersburg, Profpress Publ., 2011, pp. 171–174. (In Russian).
4. Shadrin V.S. Significance of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their role in criminal procedural regulation. *Constitutional and legal problems of criminal law and process: collection of materials of the international scientific conference. Saint Petersburg, October 30–31, 2009.* Saint Petersburg, Petropolis Publ., 2010, pp. 338–344. (In Russian).
5. Stenographic record of the panel discussion «Direct effect of the Constitution: 20 years of Russian experience» (20–21 September 2013, St. Petersburg, St. Petersburg state university, law faculty and North-West branch of the Association of lawyers of Russia supported by the Constitutional Court of the Russian Federation and by the Ministry of justice of the Russian Federation. *Pravovedenie*, 2013, no. 6 (311), pp. 108–199. (In Russian).
6. Golovko L.V. The constitutionalization of Russian criminal procedure: between slogans and reality. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no. 12, pp. 83–94. (In Russian).

7. Чекулаев Д.П. Уголовно-процессуальный закон «в редакции» правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / Д.П. Чекулаев // Российский судья. – 2019. – № 8. – С. 40–43.

8. Шадрин В.С. Особенности компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок / В.С. Шадрин, Е.В. Шадрина // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 1 (75). – С. 63–68.

9. Кокотов А.Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Журнал российского права. – 2013. – № 5. – С. 90–100.

10. Шадрин В.С. Осуществление конституционного судопроизводства как источник развития уголовного судопроизводства / В.С. Шадрин // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции 22 марта 2013 г. / сост.: К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. – Санкт-Петербург : Северо-западный филиал ФГОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013. – С. 67–72.

11. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.

7. Chekulaev D.P. The criminal procedure law «as amended» by the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2019, no. 8, pp. 40–43. (In Russian).

8. Shadrin V.S., Shadrina E.V. Special aspects of compensation for violation of the right to criminal proceedings within a reasonable time. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2020, no. 1 (75), pp. 63–68. (In Russian).

9. Kokotov A.N. Execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 5, pp. 90–100. (In Russian).

10. Shadrin V.S. The implementation of constitutional proceedings as a source of development of criminal proceedings. *The relationship of constitutional and criminal proceedings. A collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference on March 22, 2013*. Northwestern Branch of the Russian Academy of Justice Publ., 2013, pp. 67–72. (In Russian).

11. Zorkin V.D. Precedent nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2004, no. 12, pp. 3–9. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шадрин Виктор Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры управления следственной деятельности (высшие академические курсы).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shadrin Viktor Sergeevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Investigative Activity Management (higher academic courses).

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 08.04.2023; принята к публикации 08.04.2023. The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 08.04.2023; accepted for publication 08.04.2023.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья
УДК 342.951
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.14

Original article

БОНДАРЕВ Андрей Вячеславович
Российская таможенная академия,
Люберцы, Россия;
e-mail: andres.kormilec@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0001-6720-6845>

BONDAREV Andrey Vyacheslavovich
Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

THE LEGAL NATURE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION

Аннотация. Актуальной задачей для Российской Федерации является развитие и правовое обеспечение цифровизации государственного управления. Цель: анализ пробелов правового регулирования отдельных аспектов цифровизации государственного управления и поиск решений для их устранения. Методы: эмпирические методы анализа, интерпретации, синтеза и сравнения; теоретические методы формальной логики и философии права; частнонаучные методы: нормативистский, правового прогнозирования и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить пробелы правового регулирования цифровизации государственного управления. В основе любой цифровизации лежат цифровые технологии, внедрением которых определяются также процессы цифровизации государственного управления. Правовое регулирование цифровых технологий значительно отстает от реалий в силу отсутствия единообразного понимания в праве сущности цифровых технологий. В качестве основного условия дальнейшей результативной цифровизации государственного управления в России автор называет выработку нормативно-правового регулирования цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, государственное управление, трансформация, цифровые технологии, правовое регулирование

Для цитирования: Бондарев А.В. Правовая природа цифровых технологий в государственном управлении / А.В. Бондарев. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 113–122.

Abstract. An urgent task for the Russian Federation today is the development and legal support of digitalization of public administration. Purpose: to analyze gaps in legal regulation of certain aspects of digitalization of public administration and find solutions to address them. Methods: empirical methods of analysis, interpretation, synthesis and comparison; theoretical methods of formal logic and philosophy of law; specific scientific methods: normative, legal forecasting and interpretation of legal norms. Results: the study reveals the problems of legal regulation of digitalization of public administration. At the heart of any digitalization are digital technologies, the introduction of which also determines the processes of digitalization of public administration. The legal regulation of digital technologies lags far behind realities because of the lack of a uniform legal understanding of digital technologies. As the main condition for further effective digitalization of public administration in Russia, the author calls the development of normative legal regulation of digital technologies.

Keywords: digitalization, digital economy, public administration, transformation, digital technologies, legal regulation

For citation: Bondarev A.V. The legal nature of digital technologies in public administration. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 113–122 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.2.14.

ВВЕДЕНИЕ

На развитие государственного управления в России большое влияние оказывает цифровизация, что обуславливает необходимость выработки и внедрения технологических, организационных и правовых решений, в частности определения сущности цифровизации, цифровой экономики и основного компонента указанных процессов – цифровых технологий.

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственное управление (госуправление) в научном сообществе рассматривается как сложное развивающееся явление [1, с. 9]. В административно-правовых исследованиях госуправлению уделяется много внимания.

О.В. Шмалый полагает, что «государственное управление как осознанное целеполагающее воздействие государства на общество в направлении реализации определенных общих целей пронизывает всю деятельность государства, проявляясь в функционировании всех ветвей государственной власти, подчиняя их задаче поддержания оптимального равновесия между интересами общества и личности, с точки зрения достижения которой должна оцениваться эффективность государственного управления» [2, с. 341].

В российском законодательстве под государственным управлением понимается «деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»¹. При этом государственное управление в России в настоящее время подвержено воздействию цифровизации.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУПРАВЛЕНИЯ И ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Цифровая трансформация государственного управления активно рассматривается в юридической науке. Так, М.С. Шклярчук утверждает, что в настоящее время происходит ре-

форма госуправления, частью которой является цифровая трансформация государства².

Сегодня государственное управление определяется развитием цифровой экономики, притом что правовая система трансформируется целиком под влиянием цифровизации. Цифровые технологии стали новым стимулятором особой архитектоники правовой системы, в которой происходит трансформация широкого спектра отраслей, что видно по изменениям нормативно-правовой базы³.

Цифровизация госуправления в России началась с доклада Всемирного банка (2016) о мировом развитии⁴, что свидетельствует о международном характере распространения цифровизации государственного управления. До этого события российскими правительственными органами и законодателем не использовались формулировки, включающие слова с корнем *-цифр-* для обозначения данных технологических процессов в праве и госуправлении.

Международно-правовой характер цифровизация приобрела также относительно недавно как следствие развития информационного обмена человека и государственных органов. Так, «Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам – участникам Совета Европы» содержат положения о развитии электронного правительства в целях укрепления инструментария соблюдения прав человека, согласно Всеобщей декларации прав человека, при реализации надлежащего госуправления в соответствии с принципами демократии⁵. Это было вре-

2 Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М.С. Шклярчук. М. : РАНХиГС, 2019. С. 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://files.data-economy.ru/Docs/GovPlatform2019.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

3 Шмалый О.В., Гречкина О.В. Современные подходы к формированию концепции правового обеспечения цифровой экономики : отчет о НИР / ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС). М., 2019. С. 67, 68.

4 Доклад о мировом развитии [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-0U0-9.pdf> (дата обращения: 10.04.2023 г.).

5 Recommendation CM/Rec(2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy): Adopted by the Committee of Ministers on 18 February 2009 at the 1049th meeting of the Ministers' Deputies. [Electronic resource] // COUNCIL OF EUROPE PORTAL : website. URL: https://www.coe.int/t/dgap/goodgovernance/Activities/Key-Texts/Recommendations/Recommendation_CM_Rec2009_1_en_PDF.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

1 О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 № 264-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 10.04.2023).

мя популяризации электронной демократии, которая произошла из повестки информационного общества. Далее началась популяризация цифровизации, что видно из Осакинской декларации по вопросам цифровой экономики и Осакинской декларации лидеров стран «Группы двадцати», принятых 29 июня 2019 г. В данных документах заявлено о развитии цифровой экономики в мире для всемирного благополучия и экономического развития посредством политических, правовых и нормативных решений.

Нормативно-правовые акты по вопросам цифровизации в России начали принимать после Послания Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г., вслед за указанным докладом Всемирного банка, где была поставлена задача запуска всероссийской программы развития экономики России последнего поколения (цифровой экономики), а 28 июля 2017 г. Распоряжением Правительства РФ такая программа была утверждена⁶, но она так и не реализовалась и была отменена. В дальнейшем была утверждена новая версия программы, в регулировании которой началась путаница: как минимум было издано два паспорта программы⁷ (проекта⁸). Из текстов паспортов программы и Постановления Правительства РФ № 234⁹ следует, что реализация программы началась до принятия соответствующих актов, что фактически делает ее преемницей программы 2017 г.

Тема цифровой трансформации государственного управления в контексте развития цифровой экономики в России неоднократно

поднималась Президентом РФ в посланиях Федеральному Собранию и обозначалась одним из ключевых направлений внутренней политики с потребностью выработки соответствующих механизмов правового регулирования.

В настоящий момент следует ориентироваться на паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 4 июня 2019 г. № 7), поскольку он самый поздний. Состоит он из шести федеральных проектов, каждый из которых рассчитан на период с 1 ноября 2018 г. по 31 декабря 2024 г.: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление».

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» направлен на развитие цифровизации процессов оказания государственных услуг и государственного управления, в том числе в интересах граждан и хозяйствующих субъектов. В нем обозначено два целевых направления:

- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в государственное управление;
- оптимизация согласованной политики участников ЕАЭС¹⁰.

Федеральный проект «Цифровые технологии» направлен на формирование «сквозных» цифровых технологий, главным образом на основе российских разработок¹¹. Текст проекта не дает понимания, существуют ли различия между «сквозными цифровыми технологиями» и «цифровыми технологиями». В.В. Блажеев и М.А. Егорова полагают, что все цифровые технологии изначально номинально сквозные [3, с. 67].

10 Паспорт Федерального проекта «Цифровое государственное управление» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ : сайт. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovogo-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

11 Паспорт Федерального проекта «Цифровые технологии» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ : сайт. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovyye-tehnologii.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

6 Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016> (дата обращения: 10.04.2023).

7 Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

8 Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903070015> (дата обращения: 10.04.2023).

9 О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903070015> (дата обращения: 10.04.2023).

Заслуживает внимания факт утверждения Постановлением Правительства РФ от 16 октября 2017 г. № 1251 Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на оказание государственной поддержки центров Национальной технологической инициативы¹² (начало данному проекту положили Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2014 г. и последующее решение Правительства РФ¹³). В указанном постановлении сквозные технологии определяются как ключевые научно-технические направления, развитие которых позволит обеспечить радикальное изменение ситуации на существующих рынках технологий, продуктов и услуг или будет способствовать формированию новых рынков¹⁴. Можно предположить, что в данном случае также имеются в виду цифровые технологии.

В словаре Национальной технологической инициативы есть понятие «цифровые технологии», раскрытое как «основанные на представлении сигналов дискретными полосами аналоговых уровней, а не в виде непрерывного спектра»¹⁵. Также в словаре отмечается, что цифровые технологии имеют уникальную отличительную особенность, а именно способ передачи сигнала.

Существует позиция, согласно которой цифровизация может быть автономным процессом в случае создания цифровых объектов изначально в цифровом виде, которые будут иметь исключительные свойства:

- отсутствие аналогов в материальном мире;

¹² Офиц. портал Национальной технологической инициативы [Электронный ресурс]. URL: <https://nti2035.ru> (дата обращения: 10.04.2023).

¹³ Решения по итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/18547/> (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁴ Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на оказание государственной поддержки центров Национальной технологической инициативы на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций и Положения о проведении конкурсного отбора на предоставление грантов на государственную поддержку центров Национальной технологической инициативы на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций : Постановление Правительства РФ от 16.10.2017 № 1251 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710190014> (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁵ Словарь НТИ [Электронный ресурс]. URL: <https://nti2035.ru/nti/reference/> (дата обращения: 10.04.2023).

- невозможность перенесения на материальные носители без потери качества или значительных трансформаций главных признаков [4, с. 22]. Подтверждение данной позиции можно найти в факте существования токенов, в частности криптовалют.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» не позволяет сделать вывод о том, что именно означает понятие «цифровая экономика». Данному вопросу посвящен ряд исследований, на которых мы не будем останавливаться. Приведем авторское понятие. Цифровая экономика является правовой категорией, под которой понимается система отношений между хозяйствующими субъектами и органами государственной власти, основанная на использовании наиболее эффективных цифровых технологий, включающая в себя электронный документооборот, электронные процедуры, электронное ведение хозяйственной деятельности и управление с использованием специальных цифровых средств [5, с. 152].

Данное понимание цифровой экономики разделяет и ФТС России, что следует из ответа Северо-Кавказского таможенного управления ФТС России, полученного на обращение автора: *«цифровая экономика является правовой категорией, которая представляет собой систему отношений между хозяйствующими субъектами и органами государственной власти, основанную на использовании наиболее эффективных информационно-телекоммуникационных (цифровых) технологий, включающую в себя электронный документооборот, электронные процедуры, электронное ведение хозяйственной деятельности и управление с использованием специальных цифровых средств»*¹⁶.

В настоящее время темы правовой природы цифровой экономики и цифровизации государственного управления вызывают интерес у исследователей юридической науки, результатом чего стало появление понятия «цифровое право». Так, В.В. Блажеев и М.А. Егорова, определяя суть понятия «цифровое право», приходят к выводу, что оно складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и цифровых технологий [3, с. 36]. Объектами цифровых правоотношений авторы называют

¹⁶ Ответ Северо-Кавказского таможенного управления ФТС России от 04.04.2022 № 33-07/Б-0148.

информацию в цифровом виде, информационные объекты, связанные с цифровыми данными, и цифровые технологии [3, с. 71].

Изложенное свидетельствует о том, что цифровые технологии являются неотъемлемой частью цифровизации государственного управления и цифровой экономики, основой цифровизации.

СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Несмотря на сравнительную новизну процессов цифровизации государственного управления в России, в юридической науке существует исследование, опубликованное до возникновения этих процессов. Так, Д.В. Муленков рассматривал понятие цифровых средств фиксации (доказательной информации) как разновидности цифровых технических средств [6, с. 175–176]. Указанные цифровые средства, с точки зрения автора, основаны на применении цифровых технологий [6, с. 53]. По его мнению, цифровая фиксация – процесс применения технических средств на основе цифровых технологий [6, с. 175]. Более того, данное исследование содержит указание на различие между цифровым и аналоговым сигналами при передаче информации [6, с. 47]. Оно было опубликовано в 2008 г. и для своего времени стало исключительным.

Сегодня есть сложности в понимании термина «цифровые технологии». Некоторые исследователи полагают, что это синоним термина «информационные технологии». Так считают Ю.И. Сомов и А.Е. Шашаев [7, с. 29]. Н.М. Кожуханов также отождествляет эти два термина, обосновывая это анализом Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ «Об информации»), правоприменительной практики, Постановления Правительства РФ от 5 декабря 2019 г. № 1598, Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 и других нормативных правовых актов, регулирующих «внедрение и применение цифровых технологий» [8, с. 42]. В.Е. Бурдин, Ю.Н. Егоров, Ю.И. Сомов и А.Н. Яцушко считают, что понятие «цифровые технологии» шире, чем понятие «информационно-коммуникационные технологии» [9, с. 80].

ФЗ «Об информации» установлено, что информационные технологии – это процес-

сы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов (ст. 2)¹⁷. Постановлением Правительства РФ установлено, что информационно-коммуникационные технологии – это совокупность информационных технологий, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей¹⁸. Таким образом, можно предположить, что цифровые технологии могут быть и информационными, и информационно-коммуникационными.

С точки зрения В.В. Блажеева и М.А. Егоровой, цифровые технологии – это совокупность технологий: обработки больших данных, нейротехнологий, искусственного интеллекта, робототехники, блокчейна, квантовых технологий, новых производственных технологий, индустриального интернета, интернета вещей, сенсорики, виртуальной и дополненной реальности и др. [3, с. 72–73]. Похожее толкование цифровых технологий дается в Приказе Минкомсвязи РФ (документ опубликован не был), где цифровые технологии – это совокупность технологий:

- цифрового образования, цифровых платформ, маркетинговой интеграции, умных помощников, мобильных платежей (постепенно внедряемые технологии);
- интернета вещей, искусственного интеллекта, виртуальной реальности, беспроводной связи и дополненной реальности (прорывные технологии);
- офисных роботов, квантовых вычислений, директивной аналитики и криптовалюты (технологии ближайшего будущего)¹⁹.

17 Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 10.04.2023).

18 О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами: Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010140027> (дата обращения: 10.04.2023).

19 Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Приказ Минкомсвязи РФ от 01.08.2018 № 428 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

В данном случае представлена совокупность из закрытого перечня технологий, часть из которых неясна в сущности. При этом на сегодняшний день нормативно-правовая база России иных вариантов попыток определения понятия «цифровые технологии» не содержит. В законопроекте от 28 марта 2018 г. 02/04/03-18/00079428 была предпринята попытка определения понятия «цифровая платформа» – размещенная в информационно-коммуникационной сети «Интернет» инфраструктура для взаимодействия продавцов и покупателей²⁰. Данному проекту закона было дано отрицательное заключение Минэкономразвития РФ, в котором была изложена критика предложенного понятия «цифровая платформа» за неопределенность. Изложенные факты позволяют сделать вывод, что понятие «цифровые технологии» не тождественно ни понятию «информационные технологии», ни понятию «информационно-коммуникационные технологии». При этом в стратегической и нормативной правовой документации все чаще встречается понятие «цифровые технологии», наличием которых определяется цифровизация госуправления и цифровая экономика.

Несомненно, цифровые технологии используются для работы с информацией, как и информационные технологии. При этом информационные технологии и их применение имеют стройное правовое регулирование. Введения в оборот термина «цифровые технологии» с формулировкой его определения законодатель старательно избегает. Тем не менее давление обстоятельств уже побудило обозначить проблему существенной разницы между двумя этими понятиями в Конституции РФ. Так, в рамках внесения поправок в Конституцию в 2020 г. была изменена редакция п. «м» ст. 71, согласно которому отныне в ведении Российской Федерации находится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных». Прежняя редакция Конституции не содержала положений, касающихся цифровизации. Данная новелла свидетельствует о следующем:

законодатель на конституционном уровне проводит разграничение между применением информационных технологий и оборотом цифровых данных. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, оборот цифровых данных основан на чем-то ином, нежели на информационных технологиях, в противном случае такого разделения бы не было. Нет сомнений, что основан данный оборот на применении цифровых технологий. Во-вторых, обеспечение безопасности личности, общества и государства при обороте цифровых данных требует отдельного правового регулирования, поскольку применение информационных технологий регулируется законодательством об информации. Так, ФЗ «Об информации» регулирует отношения, возникающие при применении информационных технологий (п. 2 ч. 1 ст. 1), а также содержит определение информационных технологий (п. 2 ст. 2), что дает представление о предмете регулирования. Оборот цифровых данных подобного регулирования не имеет.

Между тем термин «цифровые технологии» активно используется в нормативно-правовых актах, зачастую с существенными допущениями. Так, только в п. 10 Перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, данный термин употребляется, несмотря на то что оставшиеся девять пунктов акта описывают цифровые технологии, что является некорректным использованием данного понятия²¹.

В текущих условиях определение термина «цифровые технологии» в праве позволит значительно улучшить юридическую технику в вопросах формирования правового регулирования цифровизации государственного управления. Как известно, гражданин имеет права, охраняемые государством и гарантируемые Конституцией (ст. 17). В рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в ГК РФ было введено понятие «цифровые права» – обязательственные и иные права, «содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы» (ст. 141.1). При этом права могут быть затро-

20 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и иные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона 02/04/03-18/00079428 от 28.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428> (дата обращения: 10.04.2023).

21 Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций : Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010290030> (дата обращения: 10.04.2023).

ноты действиями государственных органов при исполнении своих функций как в порядке их охраны, так и в порядке их нарушения (последнее, к примеру, может служить поводом для административного иска). Добавляя цифровые права в перечень объектов гражданских прав, законодатель имеет в виду возникновение совершенно новых общественных отношений в цифровом пространстве, что влечет цифровизацию государственного управления. В данном случае автор предполагает возникновение двух типов охраны прав и посягательств на права граждан:

- связанные с цифровым имуществом;
- связанные с использованием информации в рамках законодательства об информации в цифровом пространстве.

Первый тип охраны и посягательств связан применением норм гражданского законодательства через призму приведенной ст. 141.1 ГК РФ, второй – с применением законодательства об информации и персональных данных, которое регулирует отношения, основанные на применении информационных технологий, полностью игнорируя цифровые технологии и оборот цифровых данных. Поскольку цифровые технологии лежат в основе оборота цифровых данных, они нуждаются в отдельном регулировании в силу своих технологических особенностей (цифровые технологии сложнее и шире информационных). В результате возникает риск неправильного применения норм материального права органами государственной власти. В качестве примера пагубного влияния отсутствия законодательно закрепленных фундаментальных понятий цифровизации можно привести следующее. Криптовалюта считается разновидностью токена, что юридической науке уже известно [4, с. 52]. В России появилась необходимость законодательно урегулировать обращение токенов и криптовалют. При внесении проекта федерального закона № 419059-7 было установлено, что токен и криптовалюта – это разные самостоятельные виды цифровых финансовых активов, что идет вразрез с указанным пониманием данных элементов. Законопроект содержал определения терминов «токен» и «криптовалюта», однако в процессе рассмотрения эти термины были исключены из текста²². Похожим образом из законопро-

екта № 419090-7 в процессе его рассмотрения исключили термин «токен инвестиционного проекта», который был в тексте на момент внесения²³. В проекте федерального закона № 424632-7 понятие «токен» заменили на понятие «цифровое право»²⁴. Криптовалюта, в сущности, является объектом цифровых прав (либо цифровым правом) и предметом регулирования закона «О цифровых финансовых активах» (ст. 1)²⁵, несмотря на то что в настоящий момент неясно, каким конкретно объектом гражданских прав (правом) она является – ценной бумагой, деньгами, иным имуществом (цифровым правом).

В доктрине продолжают споры о природе криптовалют, но ключевым фактором при определении их правового режима в настоящий момент является именно позиция Правительства РФ. Центральный банк России склоняет Правительство в сторону полного запрета криптовалют, признавая существенное распространение их оборота как в России, так и за рубежом (и признавая зарубежное регулирование, далеко не всегда запрещающее их оборот)²⁶. Между тем граждане нуждаются в защите прав при обороте криптовалют²⁷. Введение отдельного определения для цифровых технологий способно выступить связующим звеном в регулировании оборота цифровых данных, в том числе криптовалют,

23 О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона № 419090-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7> (дата обращения: 10.04.2023).

24 О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах) : проект федерального закона № 424632-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (Дата обращения: 10.04.2023).

25 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056> (дата обращения: 10.04.2023).

26 Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад Банка России. М., 2022 [Электронный ресурс] // Банк России : сайт. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf. (дата обращения: 10.04.2023).

27 В Омске вынесен приговор по уголовному делу о разбойном нападении с причинением ущерба на сумму более 87 млн рублей. Похищена криптовалюта. Суд обязал возместить ущерб [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_55/mass-media/news?item=85667782 (дата обращения: 10.04.2023).

22 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона № 419059-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 10.04.2023).

для дальнейшего их причисления, к примеру, к «иному цифровому имуществу (цифровому праву)». Полный запрет криптовалют представляется автору нецелесообразным, что согласуется с позицией Минфина России²⁸.

Приведенные примеры показывают, что отсутствие основных положений о предмете регулирования влечет рассогласованность регулирования и правовую неопределенность. Не имея четкого законодательного понимания цифровых технологий, трудно проводить разграничение между объектами прав граждан и сферами регулирования. В этих условиях законность действий госу-

дарственных органов в отношении использования гражданином, к примеру, криптовалюты (цифровой технологии) оценить затруднительно. Более того, охрана прав граждан в цифровом пространстве закономерно требует применения цифровых технологий [4, с. 42] (что и стимулирует цифровизацию государственного управления в значительной степени), что влечет необходимость в должном правовом регулировании.

Приведем теперь различия между цифровыми, информационными и информационно-коммуникационными технологиями в праве (см. табл.).

Различия содержания цифровых, информационных и информационно-коммуникационных технологий

Основания	Информационные технологии	Информационно-коммуникационные технологии	Цифровые технологии
Содержание	Процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов ²⁹	Совокупность информационных технологий, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей ³⁰	Информационные, информационно-коммуникационные и иные технологии, не всегда имеющие аналоги в материальном мире и не всегда способные к переносу на физические носители без потери качества или кардинальных изменений основных признаков, при помощи которых могут быть созданы цифровые объекты; являются основой обработки цифровых данных
Способ передачи сигнала	Аналоговый или цифровой	Аналоговый или цифровой	Цифровой

Из приведенного анализа следует, что цифровые технологии – это информационные, информационно-коммуникационные и иные технологии, основанные на представлении сигналов цифровым способом, при помощи которых осуществляется оборот цифровых данных, создание и обработка цифровых объектов. Следует учитывать, что под цифровым сигналом в данном случае имеется в виду устоявшееся в техническом сообществе

понимание сущности такого сигнала. Она заключается в том, что его передача осуществляется дискретными полосами аналоговых уровней, а не в виде непрерывного спектра (приведено выше). Такие технологии не всегда имеют аналоги в материальном мире и не всегда могут быть перенесены на физические носители без потери качества или кардинальных изменений основных признаков, при помощи которых могут быть созданы цифровые объекты. Представляется, что законодательное закрепление понятия «цифровые технологии» позволит значительно улучшить юридическую технику в вопросах формирования правового регулирования цифровизации государственного управления и цифровой экономики.

Нормативно-правовое регулирование цифровой экономики и цифровизации госу-

²⁸ Минфин России подготовил и внес 18 февраля 2022 года в Правительство Российской Федерации законопроект о регулировании криптовалют [Электронный ресурс] // Министерство финансов России : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoi_valyute (дата обращения: 04.03.2023).

²⁹ Согласно ФЗ «Об информации».

³⁰ Согласно Постановлению Правительства РФ № 1646.

правления осуществляется путем точечных изменений в нормативно-правовых актах. В рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации» данный сегмент трансформации охватывает федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», который заявлен как комплекс мер по созданию системы правового регулирования цифровой экономики и гражданских отношений на основе цифровых технологий. Задача проекта – стимулирование разработки соответствующих нормативных правовых актов³¹. На сегодняшний день в рамках данного федерального проекта принято более двадцати федеральных законов и подзаконных актов. Минэкономразвития РФ систематически обновляется Информационная справка о статусе исполнения федерального проекта, отражающая также список принятых и предполагаемых нормативных правовых изменений³². Внесение законодательной инициативы по закреплению изложенного понимания сущности цифровых технологий возможно по результатам рассмотрения рабочей группой АНО «Цифровая экономика» предлагаемых изменений³³.

Стоит отметить, что 16 ноября 2022 г. Всемирный банк признал Россию одним из лидеров по результатам международного рейтинга GovTech Maturity Index (GTMI) уровня разви-

31 Паспорт Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101a6cc2ad6142099117dccc/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

32 Информационная справка о статусе исполнения федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (по состоянию на 19 августа 2022 г.) [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/562959b540a768428a3b8d8aa0237f65/spravka_po_fp_nrcs.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

33 В соответствии с положениями п. 2 Постановления Правительства РФ № 234, п. «е», «р» п. 4 Приложения к Постановлению № 234, п. 10, 78 Приложения к Постановлению № 234.

тия цифровизации госуправления³⁴. При этом фактическая цифровизация требует внимательного отношения к правовым регуляторам меняющихся отношений во избежание массовых коллизий, споров и отклонения от основных принципов исполнения государственных функций в правоприменении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация государственного управления в России осуществляется в том числе путем реализации стратегических инициатив, ключевой из которых выступает программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В основе цифровизации лежат уникальные цифровые технологии.

Правовое регулирование цифровизации государственного управления может в значительной степени быть улучшено в случае реализации законодательных инициатив по вопросу определения сущности и содержания цифровых технологий и иных базовых понятий цифровизации.

По результатам исследования автор делает вывод о том, что цифровые технологии – это информационные, информационно-коммуникационные и иные технологии, основанные на представлении сигналов цифровым способом, при помощи которых осуществляется оборот цифровых данных, создание и обработка цифровых объектов. Такие технологии не всегда имеют аналоги в материальном мире и не всегда могут быть перенесены на физические носители без потери качества или кардинальных изменений основных признаков, при их помощи могут быть созданы цифровые объекты. Законодательное закрепление понятия «цифровые технологии» позволит улучшить юридическую технику в вопросах формирования правового регулирования цифровизации государственного управления и цифровой экономики.

34 GovTech Maturity Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi> (дата обращения: 10.04.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доржиева Э.В. Конституционно-правовое регулирование государственного управления в этногосударственных образованиях: на примере Республики Бурятия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Э.В. Доржиева. – Москва, 2004. – 155 с.

REFERENCES

1. Dorzhieva E.V. Constitutional and legal regulation of public administration in ethno-state formations: on the example of the Republic of Buryatia. Cand. Diss. Moscow, 2004. 155 p.

2. Шмалий О.В. Правовое обеспечение эффективности исполнительной власти: теоретико-методологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / О.В. Шмалий. – Ростов-на-Дону, 2011. – 409 с.
3. Цифровое право : учебник / А. Дюфло, Л.В. Андреева, В.В. Блажеев и др. ; под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва : Проспект, 2020. – 640 с.
4. Цифровая экономика. Проблемы правового регулирования : монография / Д. Арнаут, О.В. Белая, В.Б. Вехов и др. ; отв. ред. В.В. Зайцев, О.А. Серова. – Москва : КноРус, 2019. – 200 с.
5. Бондарев А.В. Цифровые технологии в административной юрисдикции таможенных органов России / А.В. Бондарев // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 2 (51). – С. 150–156.
6. Муленков Д.В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.В. Муленков. – Омск, 2008. – 226 с.
7. Сомов Ю.И. Возможности применения новых цифровых технологий в таможенном деле / Ю.И. Сомов, А.Е. Шашаев // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 1 (50). – С. 29–41.
8. Кожуханов Н.М. Проблемы функционирования таможенных органов Российской Федерации в условиях внедрения новых информационных технологий / Н.М. Кожуханов // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 1 (50). – С. 41–50.
9. Бурдин В.Е. Обоснование внедрения современных цифровых технологий в таможенную деятельность / В.Е. Бурдин, Ю.Н. Егоров, Ю.И. Сомов, А.Н. Яцушко // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 2 (51). – С. 80–86.
2. Shmaliy O.V. Legal support of the effectiveness of executive power: theoretical and methodological aspects. Doct. Diss. Rostov-on-Don, 2011. 409 p.
3. Duflo A., Andreeva L.V., Blazheev V.V. et al.; Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.). Digital law. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p.
4. Arnautov D., Belaya O.V., Vekhov V.B. et al.; Zaitsev V.V., Serov O.A. (eds.). Digital economy. Problems of legal regulation. Moscow, Knorus Publ., 2019. 200 p.
5. Bondarev A.V. Digital technologies in administrative jurisdiction of Russian customs authorities. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, 2020, no. 2 (51), pp. 150–156. (In Russian).
6. Mulenkov D.V. The use of digital means of fixation at the stages of pre-trial proceedings. Cand. Diss. Omsk, 2008. 226 p.
7. Somov Yu.I., Shashaev A.E. Opportunities for applying new digital technologies in customs. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, 2020, no. 1 (50), pp. 29–41. (In Russian).
8. Kozhukhanov N.M. Problems of functioning of the customs authorities of the Russian Federation in the context of introducing new digital technologies. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, 2020, no. 1 (50), pp. 41–50. (In Russian).
9. Burdin V.E., Egorov Yu.N., Somov Yu.I., Yatsushko A.N. Justification for the implementation of modern digital technologies. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, 2020, no. 2 (51), pp. 80–86. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Андрей Вячеславович – аспирант кафедры административного и финансового права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Andrey Vyacheslavovich – Postgraduate student of the Department of Administrative and Financial Law.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 04.05.2023.
The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 04.05.2023.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.15

Review

ГОРЕЛОВ Максим Владимирович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: gorelov-maxim@yandex.ru

GORELOV Maxim Vladimirovich
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ КАРПЕЕВОЙ ЕКАТЕРИНЫ
ВЯЧЕСЛАВОВНЫ «ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ»**

REVIEW ON THE DISSERTATION BY KARPEEVA EKATERINA VYACHESLAVOVNA
«PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS LEFT WITHOUT PARENTAL
CARE IN CIVIL PROCEEDINGS»

Процессуальное законодательство в современный период является объектом довольно пристального внимания со стороны научного сообщества, обсуждается формирование правосудия, дружественного к детям. Это обусловлено все более активным вовлечением детей в различные правоотношения и, как следствие, необходимостью защиты нарушенных или оспариваемых прав несовершеннолетних. При этом существует ряд вопросов, требующих научного осмысления: о процессуальном статусе несовершеннолетних в цивилистическом процессе, о разработке механизма обращений несовершеннолетних лиц в суды, механизма их непосредственного участия в качестве стороны по делу. Указанные вопросы приобретают еще большую актуальность, если несовершеннолетние утрачивают родительское попечение. В этом аспекте актуальность темы исследования диссертантом сформулирована и раскрыта во введении работы достаточно полно.

Таким образом, представленное Е.В. Карпеевой научное исследование особенностей защиты в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, выполнено на актуальную тему.

Высокая степень обоснованности науч-

ных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертационном исследовании, обусловлена тем, что автор опирается на классические работы известных ученых, широко использует судебную практику и данные официальной статистики, а также тем, что при написании диссертации был правильно подобран методологический аппарат. Использованы общенаучные (диалектико-материалистический, формально-логический, сравнительного анализа, прогнозирования) и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, анализа и обобщения судебной практики, юридической статистики).

Структура диссертации Е.В. Карпеевой логична и соответствует поставленным цели и задачам, материал изложен последовательно.

Исследование начинается с анализа теоретических проблем, в частности обращается внимание на проблемы понятийного аппарата. Автор отмечает, что исследование особенностей судебной защиты прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, невозможно без выявления признаков таких лиц (стр. 21), и дает критическую оценку законодательно закрепленной возможности установления судом факта утраты лицом попечения родителей (стр. 24–27). Тем самым диссертант формулирует авторскую позицию относительно порядка формирования катего-

рии несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей.

Далее отмечается, что реализация детьми, оставшимися без попечения родителей, права на судебную защиту, гарантированного ст. 46 Конституции РФ, во многом зависит от степени сформированности в России правосудия, дружественного к детям. Акцентируя внимание на том, что дружественное к ребенку правосудие должно основываться на уважении его прав и их эффективном обеспечении с учетом общепризнанных принципов и норм международного права (стр. 30), диссертант анализирует концепцию наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних. На основе анализа указанной концепции сформулированы доктринальные основы для закрепления двуединого принципа – приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних, который в каждом параграфе диссертации получает доказательства своей значимости. Полагаю, что предложение диссертанта заслуживает поддержки.

Так же добросовестно Е.В. Карпеева подошла и к исследованию вопроса о процессуальном статусе лиц, участвующих в рассмотрении и разрешении гражданских дел по защите прав и интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Исследуя вопрос о частичной процессуальной дееспособности несовершеннолетних, диссертант приходит к интересному выводу о наделении несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, рядом дополнительных процессуальных прав (стр. 85). Отстаивая право ребенка давать объяснения по любому делу, затрагивающему его права и законные интересы, автор приводит убедительные аргументы в пользу закрепления механизма опроса несовершеннолетних вне судебного заседания (стр. 82). Е.В. Карпеева обоснованно заостряет внимание на проблеме назначения несовершеннолетним профессиональных представителей (стр. 106), поскольку нормативное регулирование этого вопроса практически отсутствует.

Интересным и актуальным видится анализ особенностей рассмотрения судами отдельных категорий дел с участием несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, приведенный в третьей главе диссертации, позволяющий судить не только о теоретической, но и о практической значимости выводов и предложений диссертанта.

Резюмируя, отметим, что в диссертационном исследовании Е.В. Карпеевой сделан ряд выводов и предложений, имеющих значение для юридической науки и практики. Научная новизна положений, выносимых на защиту, подтверждается самостоятельностью логических суждений, содержащихся в работе.

Таким образом, цель – формирование целостной научной концепции судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, и на этой основе формулирование научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию российского процессуального законодательства в сфере формирования дружественного к ребенку правосудия – достигнута, задачи, поставленные для ее достижения, выполнены.

Личный вклад Е.В. Карпеевой состоит в самостоятельном и последовательном выполнении всех этапов научно-исследовательской работы, в определении целей и задач исследования, анализе научной юридической литературы, данных официальной статистики, судебной практики, в сборе и обработке полученной информации и в представленной по итогам работы авторской концепции судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, а также научно обоснованных авторских рекомендаций по совершенствованию российского процессуального законодательства в сфере формирования дружественного к ребенку правосудия.

Отмечая положительные моменты, высокий уровень исследования и положений, выносимых на защиту, отметим некоторые моменты, которые носят дискуссионный характер и требуют пояснения.

1. Представляется, что следовало бы в первую очередь провести исследование существующей в России модели гражданской процессуальной дееспособности, поскольку, во-первых, поставленные в диссертационном исследовании задачи в большей степени соприкасаются с институтом гражданской процессуальной дееспособности. Например, интересен вопрос о том, насколько несовершеннолетний, с учетом существующей модели гражданской процессуальной дееспособности, готов осуществлять процессуальные права самостоятельно, независимо от своего законного представителя. Достаточно вспомнить позицию профессора М.З. Шварца, поставившего под сомнение нормы гражданского про-

цессуального законодательства, допускающие возможность осуществления несовершеннолетним профессионального представительства в суде, так как он в этом случае вступает в публичную состязательную процедуру. Возникает вопрос: сможет ли несовершеннолетний осуществлять предоставленные ему процессуальные права, учитывая узость его кругозора, склонность к фантазированию, психологическую зависимость от взрослых?

Во-вторых, требует обсуждения содержание гражданской процессуальной дееспособности несовершеннолетних. Неслучайно в науке гражданского процессуального права неоднократно указывалось на отсутствие содержания процессуальной дееспособности несовершеннолетних, что стало причиной предложений о специфике реализации распорядительных процессуальных прав несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет.

В-третьих, гражданская процессуальная дееспособность предполагает способность нести и обязанности. В этой связи однозначно возникает потребность в исследовании способности несовершеннолетних не только самостоятельно осуществлять процессуальные права, но и выполнять обязанности. Например, диссертант признает факт неспособности несовершеннолетних выполнять требования ст. 131–132 ГПК РФ (стр. 137).

2. В первом положении, выносимом на защиту, в качестве самостоятельного принципа выделяется «принцип приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних». Автор полагает, что данный принцип не вступает в противоречие с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, поскольку не создает никаких преференций для отдельных субъектов (стр. 52). Дискуссионность данного положения состоит в том, что в диссертации отсутствует исследование соотношения «принципа приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних» не только с принципом равенства всех перед законом и судом, но и с другими принципами гражданского судопроизводства. Можно предположить, что в настоящее время вся совокупность принципов гражданского судопроизводства позволяет осуществлять защиту прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, на высоком уровне, тем самым в принципах уже заложен институт «дружественного правосудия к несовершенно-

летним». В данном случае требуется обоснование диссертантом положения об «отсутствии преференций» предлагаемого принципа «приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних».

3. Требуется пояснения предложенная диссертантом процессуальная гарантия реализации принципа «приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов» – закрепление уровня зрелости (развития) ребенка как основного критерия, позволяющего определить, имеет ли он право выражать свое мнение по делу. Можно предположить, что достижение зрелости (развития) ребенком всегда являлось объектом судебного познания. Например, существует возможность допроса несовершеннолетнего в качестве свидетеля. Невозможно представить ситуацию, когда суд в силу предписаний нормативно-правовых актов при допросе несовершеннолетнего освобождался от установления факта уровня его зрелости (осознания несовершеннолетним, что он выступает в качестве свидетеля и понимает обязанность дать правдивые показания), то есть фактически происходит установление дееспособности несовершеннолетнего ребенка при его допросе. Возрастная психология детей основывается на том, что дети лучше помнят ближайшие события, нежели отдаленные. Дети в возрасте от 7 до 9 лет – лучшие свидетели, нежели взрослые, поскольку они более наблюдательны, менее склонны к намеренному искажению фактов.

Можно предположить, что уровень зрелости (развития ребенка) не является критерием, определяющим его право выражать свое мнение по делу. Предложенный уровень зрелости состоит из признаков гражданской процессуальной дееспособности без учета возраста: а) способности осознавать совершение процессуального действия и его последствия; б) способности выполнять процессуальные обязанности. В совокупности данные признаки будут признаками допустимости выражения несовершеннолетним своего мнения по делу. Суд непосредственно сталкивается с фактическими обстоятельствами дела, то есть перечисленными признаками дееспособности. Уровень зрелости (развития) ребенка относится в большей степени к возрастной психологии.

4. Положение о том, что выражение мнения ребенком – это дача стороной объяснения по делу, требует дополнительного

обоснования, поскольку процессуальное содержание объяснений (истца, ответчика) не совпадает со структурой содержания мнения ребенка.

Диссертационное исследование Е.В. Карпеевой «Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей» соответствует требованиям раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к диссертаци-

ям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненного автором исследования разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение; в нем решена научная проблема, имеющая важное социальное значение, а внедрение выводов автора внесет значительный вклад в формирование в Российской Федерации дружественного к ребенку правосудия.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 2 (72) 2023.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 26.06.2023 г. Дата выхода в свет 05.07.2023 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/8. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 14,78. Уч. изд. л. 9,5. Тираж 500. Заказ 124.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Уфимского университета науки и технологий
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

